

Александр Козин-Итыгилов

УИКЕНД НА СЕНОВАЛЕ

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

Александр Козин-Итыгилов

УИКЕНД НА СЕНОВАЛЕ

Александр Козин-Итыгилов

УИКЕНД НА СЕНОВАЛЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Издательство Эдитус

Москва

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К59

Козин-Итыгилов А. З.

К59 Уикенд на сеновале.

Повести и рассказы. — М.: Эдитус, 2021. — 128 с.

ISBN 978-5-00149-626-7

Произведения автора представляют собой как бы художественную фотографию недавнего прошлого и сегодняшней жизни нашего общества. В центре внимания — морально- нравственные проблемы, осмысление роли человека на земле и Любви, как основы бытия. Издание дополнено местными легендами о Байкале, интересных исторических фактах.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

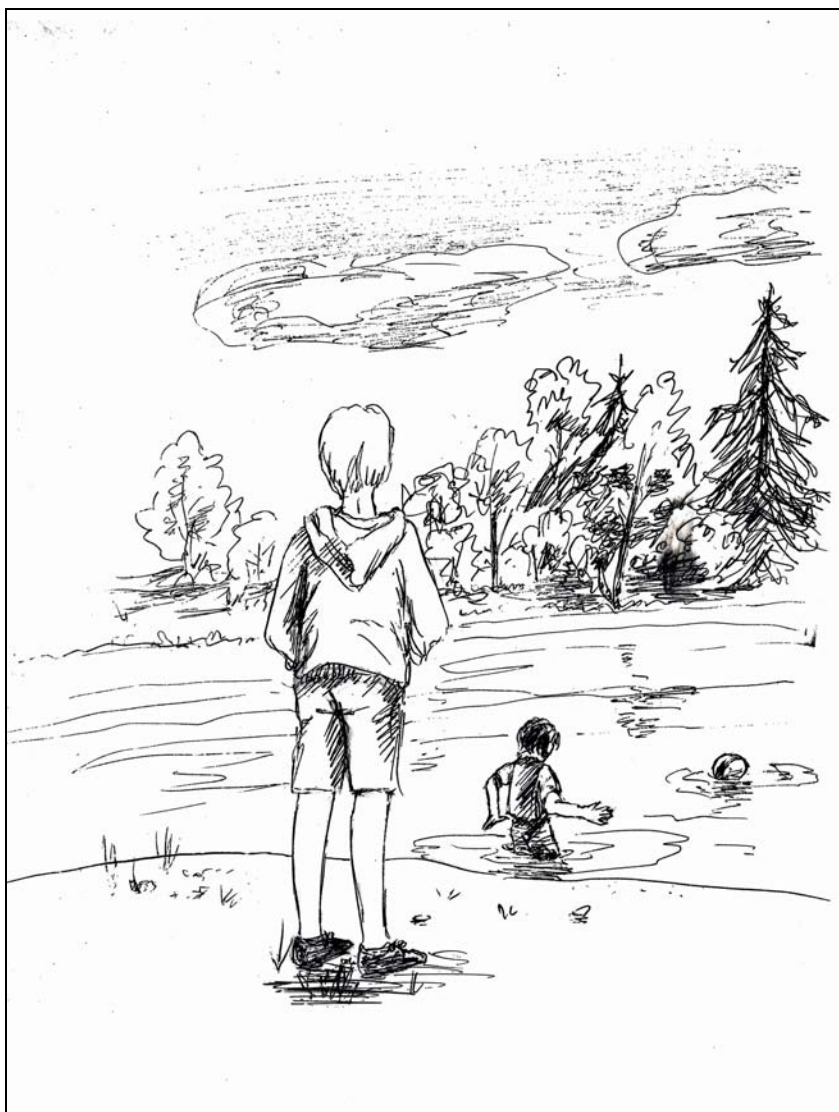
ISBN 978-5-00149-626-7

© Козин-Итыгилов А., 2021

© Иллюстрации. Леонова Е., 2021

ГНЕЗДО КУКУШОНКА

Повесть

Рисунки художника Елены Леоновой (с. Турунтаево, Бурятия).

Часть первая

Кукушонок

If I could have been his mother
lying with open bodylifted laughing,
holding his father with my handrefraining,
seeing, watching him die before he lived.
William Faulkner. «The Sound and the Fury».

...Если б я был матерью его,
то, распахнув, подав навстречу тело,
я б не пустил к себе отца его,
рукой бы задержал, смеясь и глядя,
как сын умирает не живши.
У.Фолкнер. «Шум и ярость».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В прежние времена в кинотеатрах и клубах перед началом художественного фильма обычно показывали документалистику: новости дня, научно-популярные, познавательные фильмы или просто «мультитики». Иногда эти киножурналы были едва ли не интереснее собственно фильма, снятого порой неизвестно зачем и для кого.

Помню, однажды довелось мне «в довесок» к теперь уже прочно забытой картине посмотреть прелюбопытный научно-популярный фильм о жизни кукушек. Из всей этой яркой и добросовестно снятой ленты более всего запомнились кадры, где маленький кукушонок, появившийся на свет у приёмных родителей на несколько часов раньше своих несостоявшихся братьев, будучи голым и слепым, с недюжинной силой и невероятной настойчивостью взваливал себе на спину недосиженные яйца и упорно двигал их на край гнезда, пока конкурент не исчезал за пределами уютного, но тесного жилища. И так повторялось ещё два или три раза на протяжении, вероятно, довольно длительного времени, поскольку так ничего и не понявшие родители в течение этого раунда в борьбе за выживание пару-тройку раз прилетали с кормом для своего первенца, который всякий раз успевал широко раскрыть ярко-красный зев, чтобы получить угощение.

Маленький, ещё не оперившийся, монстр вызывал смешанное чувство отвращения и удивления: как жестко запрограммирована его кукушечья натура. Упираясь когтистыми лапками в стенки гнезда, об-

любованного мамашей-кукушкой, он совершал своё чёрное дело, напрыгаясь всем своим безобразным и почти насквозь просвечивающим телом с синими прожилками кровеносных сосудов и тёмными пупырышками на морщинистой коже – зачатками будущих кукушинных перьев...

Почему я об этом вспоминаю? Мне кажется, эти кадры могли бы стать хорошей иллюстрацией к истории, которую хочу поведать читателю. Случай из тех, о которых принято предупреждать: любые совпадения случайны, и рассказ наш не имеет ничего общего с реальными жизненными ситуациями.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ну да, как сказал классик: каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

У Сергея и Оксаны долгое время после женитьбы не было детей. Они познакомились, когда Оксана заканчивала институт. Сергей, после службы в армии, работал водителем. Однажды он подвёз симпатичную и улыбчивую девушку из города до соседнего села. Сдержанный и немногословный высокий блондин с роскошной шевелюрой сразу понравился Оксане. А уже через несколько дней они снова встретились – на молодёжном празднике в райцентре. Конфетно-букетного срока в их добрачной жизни практически не было, уже осенью сыграли свадьбу и благополучно зажили в новой квартире, которую школа предоставила Оксане как молодому педагогу.

Первым впустили в дом котёнка, подаренного кем-то из друзей: говорили, что по обычаю это кошачья обязанность – осваивать новое жильё. Котёночка, не мудрствуя лукаво, назвали Васькой. Так в округе звали практически всех котов, а особы женского пола именовались Мурками по заведённому издавна обычаю. Дом понравился молодым, и славился он гостеприимством с первого дня: гости ушли далеко за полночь, оставив молодую пару наедине с их радостными мечтаниями о счастливой, безоблачной жизни.

Шли годы. И всё складывалось вроде бы очень удачно, будущее рисовалось Оксане светлым и радостным, тем более что её Серёженька не давал поводов для уныния и старался подзаработать как можно больше. То дров кому-то подвезёт, то картошку чью-то в город попутно на продажу доставит – невелик доход, а если посчитать за месяц, то и вторая зарплата выходит...

Одно только беспокоило Оксану с каждым днём всё больше и больше: она никак не могла забеременеть. Жгучее желание иметь собственного ребёнка, естественное для каждой женщины, обращалось при невозможности его осуществления то в смутное беспокойство, то в отчаянные сомнения в своей полноценности, то в невроты и даже панику – ведь её счастье может рухнуть в один миг, если Сергей охладет к ней и найдёт другую. Но пока, всякий раз, когда Оксана заводила речь о ребёнке и своих переживаниях по этому поводу, любимый муж, как мог, успокаивал её: «Всё будет хорошо». Однако со временем Оксана стала замечать: прежде равнодушный к спиртному Сергей стал частенько появляться после работы навеселе, а однажды пришёл за полночь и вдребезги пьяным...

Прежде жизнерадостная и гостеприимная, общительная и обаятельная, Оксана становилась задумчивой и рассеянной, даже суеверной. После того, как одна скандалистка-коллега бросила ей в лицо отвратительное в своей беспощадности слово «пустобрюхая», Оксана и вовсе замкнулась в себе, перестала принимать гостей и всё чаще обращалась к разным бабкам, которые, по их уверениям, творили чудеса. Она, биолог-химик с высшим образованием, уже готова была поверить во что угодно, лишь бы сбылась её заветная мечта.

Как-то раз, в ожидании очередного приёма у гинеколога, Оксана познакомилась с пожилой женщиной, которая участливо выслушала горестную исповедь страдальцы, мечтающей о ребёнке, и посоветовала обратиться к бабке Варваре из дальнего района – та, дескать, непременно поможет. Оксана оглядела новую знакомую с надеждой: кто знает, какая дорога ведёт нас в рай? Женщина сидела рядом с ней такая умиротворённая, спокойная и убедительная, словно хотела всем своим видом показать – твои проблемы не так уж неразрешимы, зря ты себя так накручиваешь.

Одета женщина была небогато, но опрятно и с таким деревенским очарованием: ни колец на пальцах, ни серёжек в ушах, лишь умело повязан вокруг головы кашемировый платок в тон её тёмно-коричневому трикотажному костюму.

– Только ты, это, крещёная ли? – с сомнением взглянула сердобольная женщина на Оксану, и та смущённо ответила «Нет», тут же лихорадочно вспоминая, как студентами ходили в церковь: некоторые приняли крещение, а Оксана почему-то отказалась – вроде бы, негоже будущему педагогу верить в сверхъестественные силы, будто бы управляющие всем в этом мире.

– Нет, – ещё раз повторила Оксана. – Как-то не получилось...

– Это плохо, – продолжала женщина. – Нужно тебе покреститься, Варвара некрещёных не принимает. Запиши-ка, милая, адресок-то и телефон, может, надумаешь съездить.

Говорки у собеседницы были местные, сибирские, так что глагольные окончания укорачивались, отчего речь выглядела домашней, доверительной и задушевной. Вряд ли Оксана с таким же энтузиазмом выслушала бы свою новую приятельницу, если бы та произносила вполне нормативные «не принимает» и «надумаешь». Всё-таки есть нечто такое в сибирском говоре, что настраивает людей, их души как камертоны: «свой-чужой». При этом слова звучат убедительно, с достоинством и верой.

Поразительно, но, кажется, именно эта случайная встреча в казённом коридоре поликлиники оказала решающее влияние на дальнейшую судьбу Оксаны и их фамилии Барлуковых.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вечером, за ужином, Оксана рассказала Сергею о своей неожиданной встрече и предложила в ближайший выходной съездить в бабку Варваре – может быть, народные средства будут получше официальной медицины. К тому же врач ничего определённого не сказал Оксане. Сергей вместе с ней проходил проверку раньше, и тоже выходило по анализам, что он может иметь детей. Да и Оксана, по уверениям врачей, вовсе не была «пустобрюхой». Приходилось верить: то ли порча на них, то ли проклятие какое-то, то ли зависть чья-то не дают им семейного счастья.

Ещё одно обстоятельство внушало Оксане опасение и тревогу: некоторое время спустя после заселения в новую квартиру она узнала, что прежде на этом месте уже был старый дом, а вся семья из четырёх человек сгорела вместе с жилищем. От дома после пожара остался только старинный колодезный журавль. Им и пользовались Барлуковы – вода в колодце была чистой, студёной даже в летнюю жару и вкусной-превкусной; наверное, оттого, что во всей округе никакой химии не наблюдалось, лишь коровий навоз удобрял эту почву, делая местные огурцы сочными и ароматными – и куда только девались малоэстетичные запахи: настолько земля-кормилица умела всевозможные естественные отходы превращать в новый, замечательный и, как говорится, экологически чистый продукт.

Вода, действительно, была очень приятной и чистой, так что любые блюда из неё тоже обладали отменным вкусом – будь то щиборщи или соленья-варенья.

Но сам колодец порой пугал Оксану своей таинственной глубиной и не без оснований представлялся ей источником опасности, особенно для малых детей. К тому же с некоторых пор стало ей чудиться, будто кто-то зовёт её из тёмной глубины, тихонько так и протяжно по имени окликает. «Показалось», – подумает она и, набрав воды, поспешает домой; а в следующий раз уже опасается перегнуться через ветхие бревёшки колодезного сруба, чтобы заглянуть в его манящую колдовскую глубину.

Освободив субботу от домашних дел, Барлуковы отправились в дальний путь, к широко известной в местных кругах целительнице.

С надеждой постучав в калитку, окрашенную в приветливый ярко-зелёный цвет, Оксана и Сергей услышали поначалу грозный лай собаки. Правда, собачьи угрозы лились откуда-то издалека, изнутри двора. Через минуту в калитке появилась женщина средних лет и поздоровалась не очень радушно, как им показалось.

– Вы бабушка Варвара? – спросила смущённо Оксана и услышала в ответ:

– Я что, похожа на старушку? Нет, хозяйка ждёт вас в доме. Вы договаривались о встрече?

– Да, я звонила на днях...

– Идите за мной. Собаку я закрыла, не бойтесь.

В чистеньких хоромах целительницы весь передний угол был увешан иконами разного размера и предназначения: тут и Господь Вседержитель, и Иисус, и Божья Матерь, и Николай Чудотворец, и Неупиваемая чаша, и Богомладенец...

Оксана неумело перекрестилась, ибо только на днях, по наказу новой знакомой, стала воцерковляться и приняла Крещение.

Бабка Варвара оказалась не такой уж старой, лет семидесяти или даже меньше:

– Солнце моё, – обратилась она к Сергею, хотя видела его впервые: – Ты, милоч, посиди пока на улице, мы тут о наших женских секретах поговорим...

Сергей вышел, потоптался на улице возле машины. Закурил. Ждать пришлось долго. Наконец, Оксана появилась на крыльце и кликнула Сергея. Сказала, что бабка ждёт его.

– Вот, солнце моё, эти иконочки носи всегда на теле, и крестик тоже чтобы был. Ты крещёный ли?

– Да, мы вместе с женой крестились, – робко отвечал Сергей.

– А крестик где же, не вижу что-то, – улыбнулась ему старушка.

– Да не привык я.

– Грех, если крест в тягость. Носи всегда, солнце моё, тем более, работа у тебя такая рисковая...

Оксану немного коробило, когда совершенно незнакомая женщина, пусть и старуха, называла её Сергея «солнцем»; он и вправду был похож на солнышко – блондинистый, даже чуть рыжий, улыбчивый, весь как бы сияющий – таким привыкла его видеть жена. И, хотя за этим обращением Варвары ничего не было, кроме привычки так обращаться ко всем клиентам, приватизированное Оксаной звание вдруг стало свободно употребляться совершенно чужим человеком, и это рождало ревность у Оксаны, о чём колдунья даже не догадывалась...

– Через полгода приедете, если ребёнок не появится, – сказала Варвара, обращаясь уже к Оксане, и протягивая Сергею медальоны с крестиком.

– Спасибо, – Сергей принял из рук целительницы связку талисманов. Правда, выйдя из дома колдуньи, бросил всё это в бардачок машины.

– Хотя бы крестик-то надень, – попросила Оксана.

– Ладно, – пошёл ей навстречу Сергей и надел через голову крест на белой тесёмочке.

Машина резво шла среди зелени полей и лугов, окружавших деревеньку, где жила колдунья. Когда в человека вселяется надежда, всё вокруг кажется таким радостным и многообещающим, словно сама проблема уже где-то позади, а впереди только дни, наполненные счастьем и любовью.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Воротясь домой, Оксана стала с верой и жаром исполнять все указания целительницы, какими бы странными они ни казались на первый взгляд, – есть многое на свете, друг мой грамотный, что и не снилось нашим мудрецам...

Дождавшись растущей луны, становилась вечерами перед зеркалом и читала молитву: «Как молодой месяц на небе родился, так и во чреве моём ребялёнок зародился. Амины!».

Давала Сергею и сама пила заговорённый мёд.

А когда месяц пошёл на убыль, сотворила в огороде небольшой костёр и бросила в него кое-что из мужниных вещей нательных: «Не вещь мужнину сжигаю, а болезнь проклятую. Чтоб как дым и огонь вверх уходят, так и проклятие ушло, и у нас ребёночек родился. Заклинаю, запечатываю, прошу. Амины!»...

Покупала в церкви свечи и иконы. И молилась, молилась, молилась. Но – чуда не случилось.

Зато по деревне пошли разговоры, сначала среди соседок, потом и до школы дошло – Оксана Николаевна занялась магией, ударилась в религию, молится, колдует чего-то по ночам. Барлуковы старались не обращать внимания на сплетни, но Оксану снова начали одолевать сомнения и страхи, укрыться от которых было невозможно. Возжигая вечером свечу, она пристально смотрела в зеркало: авось, там покажется её желанный ребёночек, улыбнётся ей и скажет «Мама». Но день за днём проходили в работе, вечер за вечером – в молитвах, а ничего волшебного не происходило.

Через полгода не довелось ехать к ведунье: на работе у Оксаны дел полно – помимо уроков, заседания, конференции, педсоветы, школьные мероприятия и праздники. Как-то так получилось, что решили отложить до лета новый визит к Варваре.

С наступлением каникул поехали – обещала ведь помочь, если ребёночек не родится за эти месяцы...

Ехали всю долгую дорогу почти молча – каждый думал о своём, но оба об одном и том же: что день грядущий им готовит?!

Старых знакомых ведунья встретила ещё более радушно, чем в первый раз, даже чаем с дороги напоила, а потом уж занялась решением проблемы. Отослав опять Сергея, правда, на сей раз в комнаты, оставшись наедине с Оксаной, дала ей крайний рецепт, как обрести долгожданное счастье:

– Тебе, милая, надо взять чужого ребёнка – это верное средство. Будешь ты дитятю ласкать да голубить – проснётся в тебе материнство, вот увидишь. А потом и своего родишь. Сделай, как велю, и молись с верою.

Тяжёлая дума омрачила лицо Оксаны. Она засомневалась: а согласится ли Сергей? а что скажут люди? а если из ребёночка вырастет неизвестно что? – ведь это на всю жизнь решение, отменить его нельзя. Но Варвара убеждала:

– Вот увидишь: как усыновишь, так через год сама родишь ребёнкака...

Выложив за очередной сеанс магии кругленькую сумму, Оксана уезжала домой, полная тревоги и сомнений. А после недолгих колебаний решила: чему быть, того не миновать, другой возможности справиться с неодолимым препятствием в жизни ей не виделось.

А тут и случай подвернулся – в соседнем селе родила девочка-девятиклассница. Ходила до последнего, не замечаемая ни подругами, ни даже родителями, вечно занятыми своими делами, ни учителями, потому что живот начал расти только на седьмом месяце, в мае, а рожала в августе, так что ни слухов в деревне, ни скандала в школе. Родители заставили отказаться от ребёнка, сама девчонка с перепугу ничего не соображала. Да и родился мальчик не от великой первой любви, а даже наоборот: перед Новым годом в один из вечеров в местном клубе на танцах познакомилась Настя с заезжим ухажёром – нагловатый, циничный, напористый черномазый парень с наколками на всех пальцах. Вызвался провожать Настеньку, которую приглашал пару раз на танец, да и изнасиловал по дороге. «Пикнешь – убью», – пригрозил он ошарашенной любительнице танцев. И она молчала – потому что страшно, стыдно и обидно. Поплакала, конечно, но родителям ничего не сказала – авось, обойдётся. Вскоре стало понятно, что не обойдётся, но про аборт она и думать не хотела, всё тянула до последнего.

В ожидании отказа Оксана заранее договорилась с докторами из роддома и специалистами управления образования, которые ведали вопросами усыновления, так что проблем с оформлением документов не возникло. Оксана взяла декретный отпуск, и концу августа стала полноправной молодой мамашей с черноглазым малышом на руках, который, впрочем, не был похож ни на неё, ни на её златокудрого Сергея. Несмотря на это, через пару месяцев она уже горделиво шествовала по деревенским улицам с детской коляской, радостно отвечая на приветствия школьников, их родителей и просто незнакомых местных жителей, которые тоже называли её уважительно – Оксана Николаевна.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Приёмыша называли Петром. Имя не выбирали, так окрестили малыша акушерки в роддоме: Петруша, Петенька, Петюня, Петрила, Петрусик – благо, имя склонялось на все лады. Оксана и Сергей не стали ничего придумывать, да и звучит вроде бы солидно: Пётр Сергеевич Барлуков.

Был у них в доме кот – Василий, тот самый, который в юном возрасте стал талисманом их жилища. Имя своё оправдывал на сто процентов: вышагивал по избе царственной походкой. Хозяев воспринимал как свою прислугу и явственно выказывал своё возмущение, если что-то было ему не по нутру. Встанет, бывало, у двери и даже не мяукает – оглянется только с недовольным видом: дескать, что же не открываешь, видишь – мне нужно выйти на улицу! Или задумчиво взирает на свою пустую миску в ожидании, что кто-то обратит внимание и, наконец, положит чего-нибудь вкусенького; иногда, совсем уж потеряв терпение, стукнет лапкой по чаше: экие вы, право, непутные, хозяева!..

Кота младенец не любил сразу: истошно орал, когда Васька приближался к его колыбельке. Если же охочему до тепла и ласки коту удавалось иногда заснуть рядом с Петрушей, всё равно дело заканчивалось потасовкой – то хозяин колыбельки крепко схватит кота за хвост, то ткнёт острыми ноготками в кошачий глаз или в нос, что, конечно же, Ваське не могло понравиться.

Однажды ситуация разрешилась трагически. Кот имел несчастье поцарапать личико Петруше, после чего семейный совет, на котором председателем и прокурором была Оксана, постановил: Ваську из дома удалить немедленно, пока не выцарапал малышу глаза. Делать нечего – Серёге пришлось примерить на себя роль Герасима, а Ваське досталась участь Му-Му. Отдавать кому-то обвиняемого кота было бесполезно: Васька был стар, и обязательно вернулся бы домой, никаким молочком его не заманить в новый дом – кошки, в отличие от собак, привыкают не к людям, а к жилищу, так что переселять их можно лишь в младенческом возрасте. В общем, сунул Сергей кота в мешок, да и отвёз на речку, где закончилась жизнь дотоле не знавшего бед Василия, так и не понявшего, почему с ним поступили столь немилосердно.

Но странное дело: отсутствие в доме кота возымело обратное действие на малыша – он стал плохо спать, капризничал, плакал и даже отказывался от еды. Оксана пригласила фельдшера, та осмотрела, послушала ребёнка, измерила температуру, но никаких хворей не нашла и, в конце концов, списала всё на искусственное вскармливание, посоветовав больше гулять с ребёнком на свежем воздухе и разнообразить рацион малыша. Оксане хотя и дали декретный отпуск, но молока в груди от этого у неё не появилось, так что кормили Петрушу детскими смесями и коровьим молочком.

Прошли недели и месяцы, история с котом забылась, Петруша подрастал, а к лету уже начал делать первые шаги, когда Оксана с удивлением и даже некоторым испугом поняла, что беременна. Сходила к гинекологу – точно. Петруша был ещё совсем мал, он требовал много сил и внимания родителей, а тут новая жизнь и новые заботы. Счастливое чувство ожидания материнства и рождения собственного ребёнка смешалось у Оксаны с тревогой и страхом: что теперь будет, хватит ли у неё сил и любви на двоих малышей? Но эти сомнения тут же показались ей смешными и нелепыми: ведь растят же многие женщины по пять и даже по десять детей, и ничего страшного не происходит!.. «Мы справимся», – решила Оксана и не стала нагружать Сергея своими тревожными предчувствиями, а просто сообщила ему радостную новость: «Я беременна!..».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Последующие годы выдались для Оксаны едва ли не самыми трудными в жизни и проходили в постоянном напряжённом ожидании то ли чуда, то ли катастрофы: как будто ела мёд вперемешку с горчицей.

Беременность на удивление проходила гладко, и Оксана, в конце концов, успокоилась и перестала нагонять на себя страхи и опасения. Родила тоже без особых проблем, и на седьмой день после родов Сергей увёз её домой со вторым сыном. Решили назвать его Алексеем. Обличьем Лёшенька был больше похож на Оксану, а цвет глаз и волос достались ему от Сергея. Поздравляли всем селом – сослуживцы, соседи, знакомые и совсем не знакомые люди: кто искренне и сердечно, а кто и с некоторым недоумением. Дескать, как же так: вроде бы, списали Оксану как бесплодную смоковницу, а она, поди ж ты, удивила всех!..

Петенька повёл себя не очень дружелюбно при появлении новорождённого. Когда старшенького Сергей поднёс к колыбельке с лежащим в ней Алёшей, Петя стал капризничать, выгибать спину и вырываться из рук – пришлось отпустить его на пол. Петенька забился в угол и стал ворошить там свои игрушки, изредка косо поглядывая в сторону кровати с малышом.

Росли братья как все – дрались и мирились, играли «в войнушку» и в «казаки-разбойники» вместе с соседскими пацанами, бегали со ссадинами на коленках и цыпками на руках и ногах. Но у Петра нет-нет да и прорезались ревность и недоверие к родителям, необъяснимая

ненависть к младшему брату. Тогда он глядел исподлобья и не по-детски злобно. Оксана в такие минуты старалась приобнять Петра и успокоить его ласковыми словами и разными заманчивыми обещаниями. Мальчик оттаивал – детская душа его всё-таки неистребимо стремилась к добру, и неприятный инцидент забывался, братья снова играли вместе, забывая обо всём на свете.

Но в жизни ведь как бывает – из незаметного поначалу пустяка вырастает настоящая катастрофа. Сковырнул какую-нибудь родинку, а из неё возьми да и вырасти чудище зловредной опухоли, которую уже ничем ни унять, ни вылечить, ни удалить даже, потому что эта дрянь успела разбросать свои убийственные семена в самых разных местах обречённого организма.

Благодатный август одаривал сельчан не только пахучими огурцами с зелёными пупырышками на кожице, спелыми помидорами, которые созревали прямо на кустах, толстыми, как поросята, кабачками, лежавшими в огородах среди разлапистых листьев. Природа цвела, повсюду радуя людей самыми разнообразными проявлениями своей изощренной фантазии. Нет, не заморскими чудо-растениями, что росли тут и сям возле грядок, а своими, местными, более скромными, но оттого не менее прекрасными. На пустырях и опушках настоящим сиреневым ковром уже которую неделю подряд цвели пирамидки иван-чая, вдоль дорог оранжевые чашечки пижмы сменялись большими белыми корзинками морковника, яркими красками разнообразили луговые заросли кудрявая сибирская лилия, розовые и фиолетовые соцветия колокольчиков. В воздухе, напоённом ароматами разнотравья, стояла какая-то особенная тишина, которая обычно бывает после первого Спаса и в самый канун Преображения.

Вот в один из таких дней и отметили Барлуковы пятилетие Алёши. Сергей привёз детям из города большой и очень вкусный торт и подарки – имениннику большой резиновый мяч, а Петруше фломастеры. Подарок выбрали с уклоном на развитие способностей, потому что был Петя постарше, и с некоторого времени стал замечаться за ним талант – рисовал маминым учительским мелом на заборах разные, не всегда приличные, вещи. Вот и решили: пусть лучше рисует в альбоме.

Алёше мяч очень понравился – можно было кидать, пинать, даже сидеть на нём и кататься немножко. А вот Петруше подарок не по вкусу пришёлся – рисовать ему расхотелось, и он всё время пытался ото-

отобрать мяч у именинника, но младший брат не сдавался. В итоге первым не выдержал отец:

– Идите-ка на улицу, погоняйте мяч с ребятами, им ведь и в футбол можно играть. Ну, вперёд!..

Ребятам идея понравилась, и они отправились создавать футбольную команду. Впереди, удерживая мяч двумя руками на животе, неуклюже вышагивал Алёшка, следом шествовал Петруша, который был выше братца на целый мяч.

На улице никого из соседских ребят почему-то не оказалось. И тогда Пётр уговорил брата пойти поиграть на речку – там и места много, можно мячик попинать, а, может, и другие ребята там же. После Ильина дня никто на речке давно не купался, но пацаны всё равно обитали у реки – кто с удочкой, кто просто так проводил время. А вечерами старшие парни устраивали небольшой костёр и сидели подолгу, рассказывая разные байки и время от времени прогоняя малышню, которая тут же «грела уши», узнавая то, чего им по статусу ещё не положено знать...

На сей раз у реки никого не оказалось. Оглядевшись вокруг и убедившись, что его никто не видит, Пётр бесцеремонно выхватил мяч из рук оторопевшего Алёшки и бросил в реку:

– Беги, доставай!..

Братишка, не раздумывая, бросился в воду и попытался достать мяч, но тот всё быстрее и быстрее уплывал от него, и вдруг Алёшка перестал чувствовать под собой землю. Это было страшно и непонятно – его понесло течением. Какое-то время Пётр видел над водой как бы два мяча – резиновый впереди, а за ним, в нескольких метрах, голова Алёшки, который уже начинал захлёбываться и не мог даже кричать. Потом над водой остался только резиновый мяч, но и он вскоре растаял вдалеке...

Странно, но Пётр не испытывал ни испуга, ни сострадания – он так и не научился чувствовать чужую боль, она для него просто не существовала. Он боялся только превосходящей его силы, боялся наказания, боялся собственной боли, которую допускать не хотел ни при каких обстоятельствах.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Увидев в дверях Петрушу, одного, без Алёшеньки, Оксана присела на стул – по сердцу пробежал лёгкий холодок, предвестник тревог и несчастий. Она ожидала чего угодно, только не этого:

– Где Алёша? – спросила она, глядя прямо в глаза Петру.

– Он там, на речке, мячик ловит, – отвечал сынуля, не моргнув глазом.

– Как... как ловит?! И ты его оставил?

Не помня себя, Оксана выбежала на крыльцо. Сергей возился во дворе с машиной.

– Серёжа, там, на речке, Алёша... Пойдём скорее, – Оксана уже не могла сдерживать рыданий.

Алёшу нашли только на следующий день – в километре от села, ниже по течению, лямка от штанишек зацепилась за подводную корягу, иначе бы мальчика унесло дальше.

Через несколько дней Петруша пошёл в первый класс.

Когда Оксане, как и всем учителям, преподнесли 1 сентября букет, она разрыдалась: он напомнил ей цветы на могилке Алёши, и сердце вновь сжалось от тоски и боли.

А Петя вёл себя как ни в чём не бывало. Никто и не подумал обвинять его в смерти брата. Решили: несчастный случай. Да и по поведению Петра незаметно было, что малолетка переживает или испытывает угрызения совести. Более того, он как будто окреп, стал увереннее в себе, и взгляд его стал совсем недетским: не было в нём ни детской всегдашней виноватости, ни даже любопытства и любознательности. Если глаза зеркало души, то глаза Петруши являли собой зеркало рано повзрослевшей души, а значит просто-напросто испорченной, потому что всему своё время, и взрослению тоже. Игрушки его уже не занимали, а учёба казалась скучным и бесполезным занятием. В этом он, кстати, был не одинок: почти все его мальчишки-одноклассники относились к учёбе с прохладцей и за глаза костерили учителей самыми нехорошими словами, которых нет в учёных словарях, но которые звучат в улице на каждом шагу.

Однажды Петруша пришёл с прогулки с громким хохотом и неприятной улыбочкой на лице, усвоенной, видимо, от старших ребят из уличной компании.

– Что за смех? – попыталась, было, урезонить сына Оксана, но услышанное в ответ заставило её присесть:

– Да там у соседа дяди Васи пожар случился...

– И что же здесь смешного?

– Ну, там милиция приехала, соседи сбежались, а дядя Вася рассказывал: «Жена где-то загуляла, ребяташки кричат «Папа, холодно!», вот я и растопил печь, чтоб их, значит, согреть. Сунул в печку младше-

го, он сразу и согрелся. А старшенький стал головёшки хватать да на пол бросать. Вот пожар и получился»... Дядю Васю забрали, увезли. Он, наверно, обкуренный был...

Оксана была в ужасе от того, что случилось у их соседей, но ещё больший ужас охватил её от осознания, что Петя, её Петруша, рассказывает обо всём этом со смехом и садистским удовольствием.

«Как получилось, что настолько зачерствела душа ребёнка? Что мы делали не так, Господи? За что? За что, Господи, я так наказана?» – задавала мысленно вопросы Оксана и не находила ответа. «Вон! Поди прочь! Не хочу тебя видеть!» – страшным шёпотом прокричала Оксана и разрыдалась. Петя молча вышел.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Прошло ещё несколько безрадостных для Оксаны лет. Петя подрастал, и с каждым годом всё больше отдалялся от родителей и проводил на улице практически всё свободное от школы время. Улица его не воспитывала – он уже сам воспитывал уличных пацанов, пугая всех своей безжалостностью и беспощадностью. В школе дерзил учителям и мог среди урока встать и без просьб и объяснений уйти из класса, на прощание наградив учителя своей фирменной омерзительной улыбочкой циника и наглеца.

Оксане всё труднее было в школе, где провела почти два десятка лет и была на хорошем счету у директора и в управлении образования. Она уже не раз повздорила с Сергеем по поводу воспитания сына. «Петя уже совсем взрослый, а ведёт себя ужасно, и дома, и в школе. Ты должен быть с ним строже», – увещевала она мужа.

Пара оплеух со стороны Сергея не решили сложную педагогическую проблему, разве что Пётр стал испытывать к отцу смертельную ненависть: глаза его становились чернее чёрного, скулы играли, и он едва удерживал себя, чтобы не налететь на отца с кулаками. Сдерживался, потому что понимал: в открытой схватке ему не справиться с превосходящей силой.

На своё несчастье, Сергей от всех этих передраг стал частенько заглядывать в бутылку, иногда напиваясь до беспамятства.

Однажды Сергей вернулся с работы раньше обычного, Оксана была ещё в школе, дома был один Пётр, который ушёл с уроков, не отсидев и половины. Надев наушники, он слушал «Вектор газа», который приводил подростка в восторг истеричными воплями и доступной уличной лексикой. Увидев отца в полубессознательном состоянии,

Пётр сдвинул наушники на шею и стал пристально наблюдать за перемещениями родителя. Наконец, хаотичное движение Сергея по квартире завершилось падением на кровать с нераскрытой бутылкой водки в руке. Передислоцировавшись в родительскую спальню, Пётр с минуту рассматривал громко храпевшего отца, лежавшего навзничь с раскинутыми в стороны ногами, на которых были надеты грязные рабочие ботинки.

Петя, убедившись, что отец не реагирует на прикосновения, осторожно высвободил бутылку из руки спящего, сковырнул алюминиевый язычок пробки и стал лить водку в раскрытый рот отца. Сергей на секунду очнулся и попытался было увернуться от струи спиртного, но тут же обмяк. Вставив ещё раз для верности горлышко бутылки в рот умирающему, Пётр остановился, когда хрипы прекратились и отец перестал дышать.

Подняв с пола брошенную пробку, Петя нахлобучил её на горлышко, поставил бутылку рядом с кроватью и пошёл звонить матери:

– Мам, тут батя пришёл пьяный, упал на кровать, ему плохо. Приходи срочно, – голос у Пети даже немножко дрогнул, так что можно было подумать, будто он переживает за отца.

Оксана прибежала скоро, тело ещё не остыло, но сделать для спасения уже ничего было нельзя. Милиция долго не разбиралась – несчастный случай на почве пьянки, такое бывает то в одном, то в другом селе едва ли не каждый день. Отпечатки пальцев Петра на бутылке тоже объяснялись просто – он взял водку из рук отца и закупорил бутылку, поставив рядом с кроватью. А что скандалили с отцом, так в какой семье этого не бывает, особенно где есть подростки, сплошь и рядом доказывающие свою взрослость и право быть самостоятельными. В общем, криминала в смерти Сергея Барлукова не нашли, с тем и отправили его на покой, похоронив рядом с младшим сыном Алёшей, со дня смерти которого уже прошло без малого десять лет.

А Оксана места себе не находила, сердцем чуя, что дело тут нечисто. Она догадывалась, что и смерть Алёши, и смерть Сергея – вина Петра. Если не умыслом, то не оказанием помощи в нужный момент он содействовал их кончине. Доказательств у неё никаких, но само поведение Петра заставляло так думать. На похороны Сергея пришли несколько одноклассников Петра, они стояли отдельным кружком в некотором отдалении от могилы. Пётр что-то рассказывал пацанам, и они весело смеялись. Оксана бросила укоризненный взгляд на сына, но

тот ответил ей с вызовом – пристальным ненавидящим и мстительным взглядом. После похорон Оксана пыталась вызвать сына на откровенный разговор, но это ни к чему не привело – Пётр отделялся издевательскими шуточками либо просто отмахивался от неё как от назойливой мухи.

Поделиться горестными сомнениями и опасениями Оксана ни с кем не могла – её родители давно умерли, а Сергей вообще был детдомовец, так что не было никого близких с его стороны.

Вдобавок ко всему каждый раз, как она шла за водой к своему журавлику, в тёмной глубине таинственного колодца ей виделось лицо Сергея, который манил её туда, в неведомую глубину. Набрав воды, Оксана спешила по тропинке домой, ей казалось, что только там, за стенами дома, можно укрыться от навязчивых видений...

Но странные видения эти повторялись снова и снова, и Оксане иногда казалось, что она сходит с ума. В такие минуты она старалась обратиться к Пете, чтобы ощутить его поддержку и участие, но приёмш оставался холодным и безучастным, заставляя её страдать ещё больше от этого ненавидящего взгляда чёрных глаз.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пётр с горем пополам оканчивал среднюю школу. Скоро ему исполняется восемнадцать лет, и в нередких стычках с матерью он не раз злобно заявлял:

– Скорей бы школу закончить, уеду сразу – видеть тебя не хочу и эту драную деревню!..

Но в мае, незадолго до окончания школы, случилось вот что. Очередная ссора с матерью состоялась во дворе, и началась она с пустяка: Оксана отказала сыну, попросившему некую сумму на какие-то безделушки:

– Нет у меня лишних денег, школу окончишь – понадобятся для поступления на учёбу в вуз или техникум, да и сейчас на выпускной нужны деньги, на подарки школе и учителям, на новую одежду тебе же...

– Не нужна мне новая одежда, денег дай, слышишь? – Пётр быстро терял терпение, выдержки у него никакой. Он угрожающе двинулся на мать, та присела на край колодезного сруба:

– Не подходи ко мне, я в колодец брошусь. Прошу тебя, остановись!.. – Но Пётр и не думал останавливаться:

– Сука!.. – прошептал он с ненавистью и сделал ещё шаг в сторону Оксаны.

Глаза его налились пугающей чернотой. Оксана замахала руками, как бы отстраняясь от этого ненавидящего взгляда и вдруг, подавшись спиной назад, полетела в гулкую пустоту колодца.

Соседка, вышедшая в этот момент на крыльцо, видела, что Оксана сама упала в колодец, а Петя стоял в этот момент в двух-трёх шагах от неё. А вот о чём между ними был разговор, не слышала. Поэтому, когда милиция стала опрашивать парня об обстоятельствах случившегося, он поведал душещипательную историю о том, что мать после смерти отца не раз говорила о том, что ей не хочется жить, что она покончит с собой.

– И в этот раз то же самое сказала, я хотел её остановить, просил, чтобы она не делала этого. Но мама не послушала меня, и я теперь остался совсем один, – на глазах у Петра даже блеснули слёзы, и он закончил рассказ, как ему казалось, эффектной фразой: – Я ей этого никогда не прощу!..

Старухи на соседской скамейке на все лады обсуждали произошедшее, но совсем в другом направлении шли их разговоры и мысли:

– Надо же, первая-то семья здесь вся сгорела в огне, а эти все утопли, начиная с кота Васьки. Видно, место тут проклятое, нечисто что-то. И что же теперь с парнем будет? Один остался...

Окончив школу, Пётр сразу же продал дом. И не кому-нибудь, а собственной, как теперь принято говорить, биологической матери. Только ни продавец, ни покупатель не догадывались об этом. Правда, приглядевшись к юному хозяину дома, покупательница увидела в его чертах до боли знакомое лицо её давнего насильника, но тут же прогнала эту мысль. Она в четвёртый раз вышла замуж, на руках у неё трое детей от разных мужчин, старшей дочери уже четырнадцать, так что думать о разной чертовщине некогда.

Пётр уехал из деревни и никогда больше здесь не появлялся.

По каким городам и весям носит сейчас Петра Сергеевича Барлукова, неизвестно. Так что кукушонка Петю можно встретить где угодно. И не дай Бог вам задеть его хоть словом, хоть взглядом.

Часть вторая

В родстве со счастьем

*Ибо всех заключил Бог в непослушание,
чтобы всех помиловать.*

*(Послание к римлянам Св. Апостола Павла,
гл.11, ст.32).*

Глава первая

Время наступило лихое и странное, омытое слезами перестройки и исполненное всеобщего бестолкового одушевления.

Большинство молодых людей, обитая в неуютной и беспросветной бедности, окружённые всеобщим развалом и разрухой, насмотревшись голливудских сказок о том, как вчерашние бомжи становились миллионерами, а прекрасные бедные Золушки находили своего принца на белом коне, грезили наяву о земле обетованной там, за океаном, где каждый может стать богатым и знаменитым, стоит только захотеть. Про отечественные молочные реки и кисельные берега никто и не вспоминал, напрочь забыв и про жар-птицу, и про щуку, исполняющую все желания, и про волшебную печку в чистом поле... Новые герои, пришедшие с экрана, очаровали всех своей ощутимой реальностью и правдоподобием.

Пётр не был фантазёром, он не привык просто так, беспричинно радоваться жизни, считая это малополезное занятие уделом неудачников и мажоров. Куда важнее было цепко стоять на ногах, не надеясь на непостоянство матушки-земли, так и норовившей ускользнуть из-под ног, не давая задарма надёжной опоры. Верность её ещё надо было заслужить, а как – Пётр пока не знал, но предчувствовал всей душой, что окаянная удача явит ему свою царственную милость.

Выйдя на омытый щедрым летним дождиком и уже почти пустой перрон, он вскинул свою буйну голову вверх, потряхнув длинными смолистыми кудрями и раскинув жилистые руки в стороны, как бы обнимая этот приветливый, но пока ещё не известный мир и с необыкновенной лёгкостью спеша навстречу грядущему бытию, быть может, уже поджидавшему его с самым ошеломительным сюрпризом за ши-

рокими дверями маленького, но уютного вокзальчика с парой киосков у входа.

В одном киоске предлагали пищу духовную – газеты и журналы на любой вкус: кроссворды и множество детективов и любовных романов с почти одинаковыми обложками у тех и других: на одних знойные красавцы в смокингах направляли прямо на читателя дуло пистолета, на других – такие же красавцы в порыве страсти прижимали к себе тонкоталиих и рыжекудых девиц, выражавших на не испорченных интеллектом лицах то ли удивление, то ли обожание.

Владелец киоска по другую сторону вокзальной двери был, видимо, побогаче и для привлечения покупателей к своей продукции, питающей грешное и ненасытное тело, разукрасил боковые стенки яркими баннерами с красочным изображением предлагаемых яств, тоже на любой вкус, но как видно, из одного источника – какой-нибудь оптовой базы неподалёку: наскоро закопчённые балыки из протухшей на складах горбуши, колбасы нескольких сортов по разной цене, но с совершенно одинаковым вкусом несъедобного продукта, плюс безжалостно убитые временем пирожки, которые продавец пытался реанимировать с помощью чуда техники под названием микроволновка на глазах у покупателей.

Сняв со спины потрёпанный рюкзак, в котором лежала только смена белья и все деньги, вырученные от продажи родительского дома, Пётр без энтузиазма оглядел предлагаемое киоском пищевое богатство и уверенно попросил: «Мне булку хлеба, пожалуйста!». Усатый владелец торговой точки удивлённо вскинул брови: «И это всё? Слушай, дорогой, ты такой здоровый джигит, один хлеб не надо кушать, надо мясо, рыба, пирожок. Эх!». «Я же сказал: только булку хлеба!» – быстро теряющий терпение Пётр произнёс эти слова с угрюмым выражением лица и недружелюбной интонацией, так что обескураженный продавец поперхнулся, и во взгляде его Пётр прочёл такой же страх, какой видел в глазах своих сверстников, которые боялись Петра с малых лет и не смели ему перечить.

– Ну вот, – уже более миролюбиво сказал Пётр, заполучив свою румяную булку и положив на прилавок пятидесятирублёвую купюру. – Сдачи не надо.

Не хотелось в этот первый день знакомства с будущим местом жительства портить себе настроение ссорой из-за пустяка с малоприятным, но абсолютно не виноватым торговцем. Предчувствие чего-то необыкновенного и щемяще радостного настраивало Петра на прими-

рительный лад: хотелось петь, плясать, дурачиться, делать разные глупости и дарить окружающим улыбки, которых они, быть может, во-все и не заслуживают. Но, конечно, ничего этого Пётр делать не стал, а просто вошёл в здание вокзала и тут же вышел из него через другую дверь – теперь уже в незнакомый город, где и собирался обосноваться, возможно, надолго.

К небольшой привокзальной площади прилепились несколько одноэтажных и двухэтажных деревянных домов, а чуть далее виднелись двухэтажные и трёхэтажные, крашенные в белый или жёлтый цвет кирпичные здания; похоже, в них находились какие-то учреждения. Было даже несколько панельных пятиэтажек, одинаково серых и невзрачных на вид.

Но оживляла весь немудрёный пейзаж небольшая трёхглавая церковь с колокольной и золочёными маковками. Купола и кресты светились на солнце, и окружающая картина обретала вдруг целостный вид, который и был олицетворением особенного мира этого затерянного в российской глубинке городка. Убери церковь – и рассыплется этот благостный образ патриархального местечка, так похожего на сотни других, но в то же время неповторимого, как всё в этом непредсказуемом мире, будто бы построенном по чёткому плану. Казалось, что эти сплошь серые здания и ветхие домишки и наклеплены-то на кривых улочках лишь для того, чтобы создавать впечатляющую картинку остановленного времени. Убери провода и антенны над крышами – и не понять, какой сегодня век; кажется, вот-вот из-за угла выскочит пролётка, и ямщик в армяке, подпоясанном кушаком, и нахлобученной на затылке шапке прикрикнет: «Но, милая, походи, походи!»...

«Надо бы зайти в церковь, никогда не был в храме», – подумал Пётр и, не обременённый никакими срочными заботами, неспешно зашагал по пыльной дороге в сторону сияющего на солнце и вырастающего по мере приближения храма.

Глава вторая

Церковь была ограждена со всех сторон неброской изгородью, состоявшей из кирпичных столбиков и металлических прутьев меж ними; прутья торчали заострёнными концами вверх, как ряды копий, обороняющих Божий храм от нашествия неприятеля. Неприятеля поблизости не наблюдалось, а ошетилившийся пиками забор был, как видно, частью архитектурного замысла, создавая уютный дворик, похожий на

небольшой парк. Деревья в нём были омыты недавно прошедшим дождем, а в центре сияла разноцветьем большая клумба, которую огibal с обеих сторон тротуар, выложенный из неброской плитки и обрамлённый аккуратно постриженной травой.

На широком крыльце Пётр потоптался немного в раздумье – как быть и как себя вести, но тут наудачу из церкви вышла старушонка: «Вот она-то мне всё и разъяснит», – решил Пётр, обрадовавшись появлению прихожанки.

– Бабулька, а мне в церковь можно войти?.. Я некрещёный и в первый раз тут...

– Отчего же нельзя – можно, конечно. Ты же к Богу идёшь, а к нему двери ни для кого не закрыты. Иди, милый, там тебе всё покажут и объяснят, если какая нужда есть...

Поблагодарив бабульку, Пётр вошёл, наконец, в церковь и оробел: запах ладана и тающего воска кружил голову, а строгие лики святых глядели, казалось, в самую душу. Пётр испытал чувство, похожее на испуг. Только это был не страх, а необъяснимый трепет, беспредельное доверие и желание подчиняться Творцу. Пётр ещё не знал, что это чувство называется благоговением, и оно посещает тех, кто открыт Богу и желает благодатного общения с ним. Чувство это было настолько же удивительно, насколько и всеобъемлюще; не сразу Пётр услышал мягкий, вопрошающий голос женщины в монашеском одеянии: «Юноша, вам что-нибудь надобно? Служба только недавно закончилась, батюшка ушёл на трапезу, а я вам помогу, чем могу».

Расспросив монашку, когда можно покреститься и нет ли тому каких-то препятствий, Пётр купил свечу и, возжигая её, помолился, как мог, о здравии и успехе в новом своём жителстве.

Вышел из храма с чувством щенячьей радости в сердце и необыкновенной лёгкости в душе, с убеждением, что его ждёт непременно счастливое будущее и какие-то радостные обретения, ещё неясно, какие, но обязательно светлые.

Не хотелось расставаться с этим необыкновенным чувством, никогда прежде не посещавшим его, но уже убедившим, что счастье существует, и оно где-то совсем рядом, только протяни руку – и оно обожжёт её светлым теплом доброты и исполнения заветных желаний. Чувства эти настолько переполняли его, что он присел на скамью в церковном скверике и решил передохнуть, оглядеться и подумать, куда же направиться – нужно было искать жильё, работу, где-то подкре-

питься. Эти мысли пробудили в нём голод и с ним более приземлённые мысли.

Только тут он заметил на скамье напротив девушку с сумкой на коленях, с низко склонённой головой, утирающую слёзы и негромко всхлипывающую. Девушка была худенькая, почти подросток, и лица её не было видно, по крайней мере, пока она не прекратила на минуту всхлипывать и осторожно облокотилась на спинку скамейки.

Пётр был слегка смущён, что его девственная радость до сей поры ничем не омрачённого нового бытия вдруг нарушена чьим-то совершенно незапланированным злосчастьем, грозившим уничтожить его радужные надежды своим непозволительно отчётливым существованием совсем рядом с обителем справедливого мироустройства. «Непорядок», – возмутился разум Петра и начал искать возможности для устранения явного диссонанса.

Из-за этого факта, существующего как бы отдельно от его одинокой личности, Пётр почувствовал вдруг, как земля уходит у него из-под ног, а его привольное одиночество, так обожаемое им и ценимое, необъяснимым образом исчезло. Оставались он и эта девушка, да полтора-два метра пешеходной дорожки между двумя скамейками. Осторожно преодолев разделяющее их расстояние и заодно чувство непривычного смущения, Пётр присел на лавочку рядом с всё ещё всхлипывающей девушкой и кончиками пальцев тронул её за плечико:

– Ты чего? Что случилось-то? Может, чем помочь?

Девушка отрицательно покачала головой и снова шмыгнула носом:

– Никто и ничто мне не поможет, – она зарыдала так безутешно, что парень растерялся, не зная, что предпринять и как успокоить незнакомку.

– Тебя как зовут-то? – спросил Пётр, как ребёнку утирая ей слёзы своим платком.

– Света... Светлана, – почти по-взрослому отвечала она, проглатывая остатки слёз. – Спасибо.

– Ну, так что случилось, Светик? – с интонацией заботливого папы осведомился Пётр, ожидая услышать что-нибудь по-детски трагическое вроде: «Потеряла заколку».

Но нет, Светлана, ещё разок всхлипнув, овладела, наконец, собой и ответила, покачивая головой:

– Меня мама из дому выгнала, – она опустила голову, но плакать больше не стала: обида родила возмущение, а следом и нечаянное

спокойствие; нужно было что-то предпринимать, дабы освоиться в новых обстоятельствах.

Девушка глянула на Петра, на его взъерошенные волосы и гордый восточный профиль, но молчала, хотя порывалась что-то сказать участливому незнакомцу.

Глава третья

Пётр деликатно помолчал какое-то время, не став расспрашивать, в чём была причина родительского гнева. Светлана тем временем почти успокоилась и совсем по-бабы вздохнула, глубоко и с негромкой укоризной всему белому свету.

– Знаешь, Светик, – кажется, у Петра появилась идея на тему дальнейшего существования, и он предложил, не ожидая, впрочем, согласия: – Думаю, нам нужно держаться вместе. Я в вашем городе впервые и никого здесь не знаю. Хочу снять где-нибудь угол, но понятия не имею, с чего начать поиски жилья. Ты не могла бы мне помочь? Я вижу, что ты пока ещё не решила, что делать со своей свободой. Деньги у меня есть на первое время, сидеть я не намерен – устроюсь куда-нибудь, хотя бы грузчиком. Ты поможешь мне, я помогу тебе – вместе ведь легче справиться со всеми проблемами. Как ты думаешь?.. Меня, кстати, Петром зовут. Так как, Света?

Светлана испуганно вскинула на него свои красивые небесно-голубые глаза, опушённые не покрашенными, но выразительными ресничками. В этой внезапно возникшей тревоге Пётр прочитал опасение по поводу его намерений. Тревога девушки была понятна: незнакомец, имени которого она не знала ещё пять минут назад, предлагал ей помощь, от которой трудно отказаться, но что стоит за его открытостью и широким жестом? Попасть в течение одного дня в ещё одну неразрешимо безвыходную ситуацию ей бы очень не хотелось: вот что читалось в светиных глазах. Видя понятное и вполне объяснимое замешательство девушки, Пётр терпеливо ждал ответа.

– Не знаю, – всё ещё борясь с сомнениями по поводу намерений малознакомого парня, ответила Светлана. Хотя, если говорить откровенно, Пётр понравился ей с первого взгляда – и лицом, и фигурой, и обращением, которое внушало доверие, потому что парень был не похож на местных гопников, от которых, того и гляди, получишь оскорбление и словами, и похабными ручищами...

– Вижу, что ты не хочешь мне довериться, – продолжил Пётр. – Я тебя понимаю: идти куда-то с первым встречным негоже. Но и сидеть здесь и плакать – тоже не выход. Хотя бы проводи меня, помоги найти жильё, что ли?

– Ладно, – не без колебаний согласилась, наконец, Светлана, чем порадовала парня, явно не желавшего бродить в одиночестве по улицам незнакомого городка. Ей и самой-то нужно было что-то предпринимать: «Не век же сидеть возле церкви», – подумала она. Может, это сам Бог послал ей неведомого попутчика, подсказывая решение.

– Давай попробуем сразу частный сектор, – предложила Светлана.

Частным сектором называли в городе околоток, сплошь состоявший из деревянных домов, образуя нечто вроде большой деревни в городской черте. Сходство с селом придавали белёные палисадники из остроконечного штакетника, кусты сирени и черёмухи, весной и летом оживлявшие сонный пейзаж, полусгнившие деревянные тротуары и неасфальтированная проезжая часть, вся в колдобинах и ухабах, да сизый дымок, поднимавшийся из труб по утрам и вечерам, растворяясь в голубом небе, которое временами затягивало смогом, как в большом городе.

– Думаю, это правильно, ведь частники чаще всего и сдают жильё внаём, – согласился Пётр, украдкой посматривая на Светлану и не решаясь спросить, что же с ней случилось в родительском доме. – Давай-ка, Света, твою сумку, а ты пока Расскажи мне что-нибудь о себе, и поподробнее...

– Особо и рассказывать нечего, – помедлила Светлана, передав сумку с небогатыми пожитками попутчику.

Пётр ловким движением перебросил с плеча на спину свой рюкзачок, чтобы удобнее было нести сумку, и вопросительно взглянул на Светлану: – Ну, как это нечего, начнём с того, что ты где-то родилась, училась... Кстати, сколько тебе лет?

– Восемнадцать... будет в сентябре, – засмушалась Света, и щёчки её порозовели, а губы стали брусничного цвета.

Было видно, что смущённая девушка немного озадачена и не знает, с чего начать своё повествование. Бывают в жизни моменты, когда самые простые вопросы ставят человека в тупик, а проблемы представляются чудовищно гигантскими, и кажется, что они вот-вот раздавят тебя своей неимоверной тяжестью. Но время течёт быстро, и вчерашние беды уже видятся как бы в тумане, а новые беды и трудности спихивают вчерашние проблемы на обочину жизни. И как-то удиви-

тельно преображаются, и уже не такими безысходными выглядят вещи и дела, из-за которых ещё вчера намерен был, упаси Боже, лезть в петлю или кинуться с головой в омут. Всё течёт, всё меняется, и наше мнение о житье-бытье тоже. И тот, кто сделал было непоправимый шаг, будучи спасён в последний момент, новыми глазами посмотрит на этот цветущий и пышущий жизнью мир да скажет о своём опрометчивом решении: «Экая глупость!..».

За разговорами Пётр и Светлана уже почти дошли до городской деревни, свернув с давно убитого асфальта на совсем не ухоженную грунтовую дорогу. И вдруг Пётр резко толкнул попутчицу в бок, да так сильно, что она не смогла удержать равновесия и упала на обочину. В первый момент Светлана не сообразила, что произошло: сзади на них мчался со всей дури огромный «Камаз», водитель которого, видимо, и не думал сбавлять скорость. Пётр, желая уберечь попутчицу от стремительно мчавшейся машины, резко столкнул Светлану на обочину, а сам уже не успел увернуться от наезда. Секунда-другая, и «Камаз» исчез за поворотом, а Пётр остался лежать на дороге и, кажется, потерял сознание.

Глава четвёртая

Светлана на миг оставалась в шоке, но уже через пару секунд взяла себя в руки и попробовала приподнять Петра, тот тихо застонал. Бережно опустила голову на землю: где-то читала, что пострадавшего лучше не трогать до приезда скорой помощи – можно сделать только хуже. Быстро собрала в Петин рюкзак свои вещи, выпавшие из сумки, и саму сумку туда же, потом забросила мешок за спину и бросилась к дому напротив, откуда уже выходили люди, похоже, наблюдавшие аварию в окно.

– Пожалуйста, помогите вызвать скорую! – в панике обратилась она к людям, тревожно и озадаченно глядевшим на Петю, не подававшего признаков жизни. Губы Светланы дрожали, и видно было, что она вот-вот расплачется или, хуже того, упадёт в обморок

– Дождёшься нашу скорую помощь! – Мужик смачно выругался трёхэтажным матом и предложил: – Давайте, я свою машину выгоню. Доставим в больницу не хуже скорой, а то так и помрёт парень на дороге?!

– Ладно, – торопливо согласилась Светлана. – Только потихоньку положим в машину, чтоб не повредить чего...

...В приёмном покое городской больницы дежурила пожилая, строгая медсестра, внушавшая уважение и своими внушительными объёмами, и манерами очень самоуверенной и не склонной к сантиментам женщины.

– Так! – она решительно осмотрела из-под очков галдящую группу самодетельной «скорой помощи»: – Прошу вас, прекратите шум! Кто здесь родственники или близкие пострадавшего?

Светлана кивнула головой: – Я!

– Остальных прошу покинуть помещение, и побыстрее! – Так, а вас, – она обратилась к Светлане, – я попрошу коротко сообщить, что случилось и при каких обстоятельствах. Кем вы приходитесь пострадавшему?

– Я... Я невеста Петра, – ответила, чуть помедлив. Светлана. – «Назовёшься подругой или знакомой, может и выгнать, как остальных», – не без оснований решила озадаченная строгим приёмом девушка.

– Как фамилия?

– Моя? – Смутилась Света. – Скворцова я, Светлана.

– И твоя тоже. Но прежде я должна заполнить карту на больного. Как фамилия вашего жениха? Вы что, не помните фамилию жениха? – удивилась медсестра, видя замешательство девушки.

– Сейчас, сейчас! – Торопливо скинув мешок с плеч, Света быстро разыскала в нём паспорт Петра: – Вот, пожалуйста!

– Так, Барлуков Пётр Сергеевич, год рождения... – Хорошо, можете забрать паспорт.

Медсестра нажала кнопку связи: – Виктор Арсентьевич, у нас больной: без сознания, с травмой, после аварии. – Сестра произносила слова раздельно, как бы перечисляя признаки неисправности организма. – Подойдите, пожалуйста, в приёмный покой!..

Вскоре в кабинете появился молодой врач с щегольской бородкой наподобие тех, что носили доктора в чеховские времена. Не хватало только пенсне, но его заменяли современные очки в модной оправе и колпак на голове, похожий на скуфейку, только белого цвета. Доктор «Чехов» бегло осмотрел Петра, померил пульс и давление, назначил анализы и высказал предположение:

– Видимых повреждений и переломов нет, но, вероятно, тяжёлое сотрясение мозга, нужен постельный режим. Надеюсь, скоро придёт в сознание, потом сможем лучше ориентироваться в ситуации. – И, обращаясь к Светлане: – Вам надо бы принести для больного какой-

нибудь спортивный костюм, а эту одежду заберёте. Наши больничные пижамы не всем нравятся. Да, и тапочки тоже лучше домашние, чем здешние ношенные-переношенные...

– Хорошо, – отвечала Светлана. – Я прямо сейчас схожу в магазин, он здесь недалеко. А скоро Петя поправится? Ему ничто не угрожает? Может, мне посидеть с ним?

– Сами понимаете, состояние тяжёлое, но, судя по всему, молодой организм справится с недугом, скоро всё выяснится... А вы возвращайтесь к вечеру – может, понадобится посидеть с ним всю ночь, у нас санитарок не хватает... Да и вам спокойней будет.

– Хорошо, хорошо, – закивала головой Светлана.

– Ну, не смею больше вас задерживать, – сказал «Чехов» и улыбнулся, обнаружив жёлтые зубы заядлого курильщика.

Выйдя из больницы, Светлана направилась по скверу в сторону магазина, видневшегося невдалеке. Магазин назывался незамысловато – «Промтовары» и, к счастью, был открыт. Роста и размеров одежды Петиных Света, конечно, не знала, но выбрала наугад и спортивный костюм, и пару футболок, и носочки, и даже трусы, и, конечно, домашние тапочки, без которых в больнице не обойтись. Через полчаса она снова была в приёмном покое, но Пети там уже не было. Дежурная сестра дала ей белый халат и отправила в палату, куда поместили Светино «жениха».

– А я могу прямо сейчас его переодеть? – спросила Света. – И, кстати, как вас мне называть?

– Анна Африкановна я, а больничные зовут меня просто Нюра или тётя Нюра. Переодеть доктор разрешил, может, тебе помочь?

– Если не справлюсь, я вас позову, тётя Нюра, хорошо?

– Давай.

В палате у Петра было всего две койки, одна из них пустовала. И Петя лежал поверх одеяла в джинсах и ветровке, как его и привезли...

Светлана осторожно расстегнула молнию на ветровке, освободила один рукав, потом второй, перевернув Петра на другой бок. Убрав ветровку, сняла и футболку, заменив её на новую. Немного помедлив, сняла и джинсы, смущаясь и краснея, сменила трусы, носки и надела спортивные штаны. Закончив с переодеванием, решила пойти в ванную комнату и наскоро перестирать бельё, а вечером, после отбоя, развешать на батарее в палате – высохнет быстро, никто и не заметит нарушения больничного распорядка.

Глава пятая

Пока Светлана управлялась с бельём, в палату наведались доктор и медсестра. Сделав инъекции, удивились почти мгновенному результату: Петр открыл глаза и спросил: «Где я?».

– В больничке ты, тебя привезли после аварии, – отвечала тётя Нюра. – Молодец, быстро пришёл в себя.

– А откуда эти вещи на мне? И кто меня переодел?

– Так невеста твоя...

– Какая невеста? У меня вроде бы не было невесты...

– Это у тебя память немного отшибло, скоро всё вспомнишь. Ты был с девушкой. А вот и она, – обернулась медсестра в сторону двери: в палату с пакетом входила Светлана.

Пётр, конечно же, вспомнил Светлану. Точнее сказать, он её и не забывал, но никак не мог взять в толк, почему она назвалась его невестой, ведь познакомились только сегодня.

– Что ж тут непонятного? Мне пришлось соврать, потому что к больным, особенно тяжёлым, пускают только родственников. А я кто? Никто, и зовут меня никак! Так же, как всех остальных, выставили бы меня за двери. Не могла же я оставить тебя одного в таком состоянии! Вот и назвалась невестой – вроде бы как родня тоже...

– Ну, садись ко мне на кровать, родня! – улыбнулся Пётр.

Медики уже ушли из палаты, и можно было поговорить по душам, без оглядки...

Договорились, что Света сегодня останется дежурить в палате, а завтра с утра пойдёт и присмотрит и, может быть, даже снимет квартиру. Иначе куда же выпишется Петя, когда поправится? Да и Светлана некуда идти, не в палате же ей с Петром жить до самой выписки. Так и получилось, что они оказались поневоле в одной доле. Удивительные вещи порой случаются в жизни: встретились случайно, но кто-то вышний решил, что им надо быть вместе.

– Надо бы тётю Нюру спросить, может, что-нибудь посоветует насчёт жилья, – сказала Света. – Я схожу в сестринскую, а ты пока отдыхай, Петя...

– И-и-и, девонька, – сказала Свете Анна Африкановна, – у меня по соседству бабка одна сдаёт флигель. Ну, это она так называет. На самом деле, это маленький домик во дворе, рядом с её пятистенком. Потому там жить можно как бы отдельно от хозяйки. Правда, у неё мало кто уживается, вредная она и прижимиста, падкая на деньги. Так что ты сразу на её условия не соглашайся – скажи, что будешь пла-

тить, как все берут, иначе пойду, мол, дальше искать. Она мигом согласится, у нас шибко жильцов-то сторонних нету, разве что вот как вы, молодожёны...

Светлане так и хотелось возразить, что они с Петром и не молодожёны вовсе, но получится, что её обман выйдет на белый свет, да и потом – как не молодожёны, если квартиру вместе снимают?! Так, волею случая, оказались они с Петром помолвлены пред людьми...

Шагая по указанному медсестрой адресу, Светлана постепенно обретала спокойствие и уверенность. Жухлая трава у дороги, покрытая серой пылью, с узловатыми морщинистыми корнями, местами обнажёнными, которые цепко держали чахлые растеньица, изо всех сил старавшиеся выжить в этой знойной, прокопчённой бензиновыми парами земле, уходя корешками куда-то далеко, где всегда была для них хотя бы капелька влаги. Света по-детски удивилась: ведь у растений нет инстинкта самосохранения, но что-то же заставляет их быть такими стойкими, упорно тянущимися к свету и влаге?! Наверное, сама сила жизни...

Биолого-философские рассуждения незаметно привели Светлану к нужному дому, где за высокой оградой из пепельно-серых досок неутомимо лаял пёс. Вскоре послышался скрип двери и лёгкий стукоток каблуков по дощатому настилу, и на Светино громоухание щеколдой откликнулась хозяйка:

– Щас, иду!.. – Наконец, в воротах появилась невысокая пожилая женщина, по-старушечьи подвязанная цветастым платком и с толстыми стёклами очков на лице, из-под которых старуха цепко и насторожённо смотрела на Свету оценивающим взглядом.

О цене договорились быстро: девчонка с рюкзачком за плечами, видимо, приглянулась неприветливой бабушке. Света оплатила из Петиных капиталов три месяца пользования жильём, сообщив, что её жених сейчас в больнице с травмой и скоро выпишется, они будут жить вдвоём во флигеле. При оплате старуха зыркнула на соблазнительную пачку денег в руках у Светланы, но ничего не сказала.

– Меня зовут Дора Прокопьевна, можно просто Прокоповна, - сообщила старуха. – И вот что: возьми ключик от флигеля, будете уходить – замки и ключик на всякий случай повесь вот здесь на гвоздик. Пса не бойтесь – он лает так, для острастки, о чужих предупреждает, но не кусается. Я всё время дома нахожусь, так что никто к вам не зайдёт без спросу...

– Имя у вас какое-то интересное – Дора. – Света взглянула на старуху вопросительно.

– А чево тут интересного? Федора я по документам. До войны ещё такие имена давали, сейчас девочек Федорами не назовут, всё больше Наташи да Марины. А Дорой величают, потому что короче и красивше вроде бы, по-женски, а то как мужика зовут Фёдором-то...

– А можно я буду вас называть баба Дора? Так как-то уютней, по-домашнему...

– Да хошь горшком назови, тока в печь не сажай!.. – махнула рукой баба Дора и пошла показывать флигель. Изнутри избушка была невелика размером, но в неё вмещались каким-то чудом и кровать, и стол с двумя стульями, и небольшая печь-голландка, и сундук, и полочка для посуды, и даже старинная этажерка в углу с какими-то книжками, разномастными и потрёпанными, с засаленными страницами и истёртыми картонными обложками. Но в домике было чисто и даже уютно, картину дополнял рисованный масляными красками на старой простыне ковёр с непрямыми лебедями и озером, поросшим заморскими диковинными цветами – мещанский раритет пятидесятих годов прошлого века.

Глава шестая

На другой день Света пришла в палату со слезами на глазах. Губы её дрожали, и казалось, она вот-вот расплачется. Пётр встревожился:

– Тебя кто-то обидел? Что случилось?

– Петя, я боюсь тебе сказать...

– Да что с тобой? Не бойся, я всегда тебе помогу!.. Не сомневайся!.. Успокойся и расскажи всё по порядку. Ну?!

– Знаешь, я все деньги потеряла!..

– Ты шутишь? Как потеряла? Не может быть! А на что мы будем жить, пока я не устроился на работу? Как это случилось?

– Понимаешь, я отлучилась ненадолго в магазин, хотела продуктов прикупить немного, а рюкзачок забросила в сундук. Флигелёк закрыла на замок, а ключик повесила с краю избы на гвоздик, как мне баба Дора велела. Вернулась, хотела сдачу магазинную туда же положить, а там денег не оказалось...

– Ты у бабки спрашивала?

– Да, я сразу к ней бросилась, спрашиваю, не был ли кто, не заходил ли. А она отвечает – нет, мол, никого не видела. «А что случи-

лось?» – говорит, а у самой глаза так и бегают. Я ей говорю: деньги пропали, кто мог взять? Она мне: «Не знаю, я не брала и не заходила во флигелёк! Бережнее надо с деньгами-то! Может, где обронила?». Где ж я могла обронить, если дома оставила?

– Так, – глаза у Пети стали яростными, желваки заиграли чуть ли не с хрустом и кудри надо лбом затопорщились угрожающе. – Идём!

– Но тебе же нельзя?! Врач не разрешит! И потом – у тебя постельный режим, не надо рисковать!

– Надо! – Петя твёрдой рукой потянул Свету из палаты.

В конце больничного коридора Петра попыталась остановить медсестра, но он отмахнулся от неё и, пообещав «Скоро вернусь!», направился вместе со Светланой к выходу. «Что случилось-то?» – спросила Анна Африкановна, но они уже не слышали её.

...Стремительно вошедший в дом юноша, которого баба Дора до сего часа ни разу не видела, а следом за ним испуганная Светлана не сулили квартирной хозяйке ничего хорошего. Чуть ли не с порога взъерошенный Пётр схватил старуху за руку и прокричал:

– Где мои деньги?

– Какие деньги? Не знаю я ни про какие деньги! Не брала я...

– Я спрашиваю, зачем ты взяла чужое, старая воровка? – Пётр терял терпение и схватил бабку за горло, повалив её на кровать:

– Лучше верни мои деньги, иначе я тебя сейчас же придушу!. Я не шучу! Я молодой – отсижу быстро, а ты сгниёшь раньше времени из-за своей жадности!

– Петя, не надо! – взмолилась Светлана за его спиной, но Пётр её не слышал и продолжал трясти старуху.

– Последний раз спрашиваю – где мои деньги?

– Там, – кивнула головой старуха на шкаф. – Там они все, я ни копейки не потратила...

– Вот и хорошо. Достань! – скомандовал Пётр, и бабка суетливо распахнула дверцы шкафа, извлекая откуда-то с нижней полки узелок с деньгами. – Вот. Но тут и мои сбережения!

– Твои кровные мне не нужны, – отвечал Петя, всё ещё не остывший и зло смотревший на похитительницу: – Так, и верни заодно ту сумму, что ты взяла за три месяца вперёд за проживание.

– А вы, чо ли, жить не будете?

– Будем, но пока бесплатно, это штраф тебе за алчность! И не вздумай вызывать милицию или кому-нибудь жаловаться – я тебя саму посажу за воровство! Поняла?!

Старуха молчала.

– Поняла, я спрашиваю!

– Поняла, поняла, – заверещала бабка, в душе молясь Богу, что ещё легко отделалась: «Ишь какой злой парень-то! Глаза так и горят! Чуть не придушил, окаанный!»...

От переживаний старуха слегла, особенно обидно было, что уже заработанные квартирные деньги пришлось отдать. Вечером к ней заглянула Светлана:

– Ты, баба Дора, прости нас, пожалуйста. Петя, он такой вспыльчивый, но отходчивый. Вот просил передать тебе деньги за три месяца. Это он от злости наговорил всего и пострадал тебя. Ты уж прости его, вишь, какой характер у него необузданный...

– Да ладно, чего уж там, – обрадовалась возвращённым деньгам старуха. – Сама виновата, бес попутал. Вот лежу себе и думаю: отчего мы вроде бы все русские люди, а ведём себя как басурманы?.. Я-то на старости лет сподобилась грех на душу взять... Ты тоже прости меня, доча, заходи если чо!..

Напоследок бабка спросила: – Ты его любишь?

Света засмушалась, и щёки у неё покраснели: – Даже не знаю, что сказать... Он мне нравится...

– Выходи за него, не сомневайся! Парень крепкий, надёжный, не смотри что вспыльчивый! Это притрётся, обещется... Главное, чтобы он тебя любил. Любовь – великое дело. Когда любишь, никакие беды не страшны!.. Поверь мне, я знаю, что говорю...

– Спасибо, баба Дора. Я пойду, надо ещё Петю в больничку проводить. К ужину, думаю, успеем, а то дома почти ничего нет...

– Иди, милая, иди...

Вернувшись во флигель, Света обратилась в Петру, робея и не зная, как начать разговор, который уже давно назрел между ними:

– Петя, нам надо поговорить!..

– Давай! О чём?

– Ну как о чём? О нас. Все считают нас чуть ли не молодожёнами, думают, что мы помолвлены, а на самом деле...

– А что на самом деле? – Пётр улыбнулся обезоруживающе: – Как нас теперь называть?

– Ну, я же в больнице назвалась так вынужденно, чтобы меня допустили к тебе в палату... А на самом деле, ты же мне не делал предложения, не сватался, не говорил, любишь ли меня...

– Ах, вот что тебя волнует – что подумают люди? Я готов сделать предложение хоть сейчас – выходи за меня замуж!..

– Как у тебя всё легко! Мы и знакомы-то только три дня.

– Дурёха! – Пётр подошёл к Светлане и крепко обнял её. – Да, я тебя люблю!.. И хочу, чтобы ты была со мной...

– Но это как-то слишком просто, неправильно, что ли...

– А чего усложнять-то? Жизнь и без того слишком сложная штука, чтобы её усложнять там, где совсем не требуется!.. Или я тебе совсем не нравлюсь? Тогда так и скажи, я не обижусь.

– Нравишься, Петя, нравишься!.. Только...

Светлана не успела договорить – Петя притянул её к себе и поцеловал прямо в губы. Смущённая его напором Света пыталась было отстраниться, но быстро обмякла в крепких руках Петра и ответила долгим, сладким поцелуем...

Глава седьмая

– Счастье вдруг в тишине постучалось в двери... Неужель ты ко мне? Верю и не верю!.. – нарочито баяя, весело пропел ранним утром Пётр, натягивая штаны: – Светик, просыпайся, надо в больничку всё-таки сходить, отметиться, попрошу доктора назначить амбулаторное лечение, там всякие уколы-капельницы, а пока пойду искать работу...

– Петя, Петенька, я так тебя люблю, – Света сладко потянулась в кровати и протянула руки из-под одеяла: – Иди ко мне!..

– Ну, Светик! Я уже на двор собрался, давай вставай! – Петя поцеловал Светлану в лобик и удалился, мурлыча себе под нос что-то весёленькое...

Во дворе баба Дора, кряхтя и то и дело хватаясь за поясницу, колола дрова, беря из поленицы швырок, видимо, кем-то ранее наколотый и сложенный, и делала из этого швырка подходящие для истопли небольшие поленья. Получалось у неё как-то неуклюже, и было заметно, что старуха едва справляется с этой несложной в прошлом работой.

– Давай, баба Дора, подсоблю! – Пётр потянулся за топором, и старуха с опаской вручила ему орудие труда, на всякий случай переместившись в сторону от поленицы.

За каких-нибудь пять минут Петя наколот целый курган дровишек, заодно исполнив утреннюю зарядку, к которой был с детства приучен:

– Вы это, больше не колите сами, баба Дора, я вечером ещё немного поработаю и на неделю заготовлю, мне нетрудно, – сказал он восхищённой его сноровкой старухе...

«А ведь у меня мог быть сейчас такой же красавец, или даже по-старше, если бы не сделала в молодости неудачный аборт. Сколько уже раз пожалела, но прошлого не вернёшь», – подумала Федора Прокопьевна и направилась в избу.

Сходя в больницу и договорившись с доктором об амбулаторном лечении и последующем наблюдении, Пётр, не растягивая решение вопроса, отправился на поиски работы. У бичей, околачивающихся возле магазина, Пётр не стал просить совета насчёт трудоустройства – не тот контингент, что интересуется работой и производством. Верное дело – женщины в магазине: они обычно и разговорчивее, и знают все городские новости. Благо город маленький – просто большая деревня. Две разговорчивые женщины средних лет с удовольствием отвели на вопросы симпатичного парня и заговорили наперебой:

– В комхозе у нас всегда есть вакантные места: одних пьяниц увольняют, других принимают, да всё не могут подобрать подходящих работяг – хоть в кочегарку, хоть в слесаря, хоть в плотники. И платят хорошо, только вот из-за пьянки работнички не держатся...

– А ещё я слыхала от соседки, у них в речном порту нужны грузчики, работа тяжёлая, но платят хорошо тоже, – подключилась вторая. – Ты непьющий? Вот и хорошо! С руками-ногами оторвут! Ну, в смысле, сразу возьмут на работу. Парень ты, видно, хороший. Сходи в комхоз, в порт – где понравится, там и попробуешь рабочую профессию... У тебя и стажа-то, наверное, нету?..

– Спасибо, премного вам благодарен!.. Пойду зарабатывать стаж...

Пётр вернулся во флигелёк только к вечеру:

– Светик, можешь меня поздравить – уже первый рабочий день мне поставили!..

– Ну, ты шустрый, Петя! Где? Кем?

– Устроился в комхоз, учеником плотника пока, там видно будет. Мне нравится работать с деревом, с инструментом. И зарплату обещают сдельную – от выполненных работ надбавка, а так твёрдый оклад. Да ещё квартиру обещали служебную через год-другой.

– И где же ты обедал?

– Так мужики там обеды с собой из дома берут. Угостили кто чем – мы же русские люди или как?

– Я вижу – ты нигде не пропадёшь!

– А особенно с тобой, моя красавица! Кстати, я успел зайти в военкомат, встал на учёт. Сразу вручили повестку, пока на медкомиссию. Думаю, дадут отсрочку из-за травмы, видел там моего доктора, он и возглавляет комиссию по отбору новобранцев. Сказал, что мне пока надо повременить со службой. Так что год, по крайней мере, у нас с тобой в запасе есть!..

– А потом?

– А потом – будет суп с котом! Через год ещё одна комиссия, и там решат, нужен ли я Родине как солдат и защитник. Понятно, рядовая Скворцова?! Кстати, ты фамилию на Барлукова не хочешь сменить?

– Хочу. Хочу забыть свою фамилию... – Лицо Светланы помрачнело, на глазах выступили слёзы.

– Да что ж с тобой такое?! Ты не хочешь рассказать мне, что у тебя случилось и почему выгнала мама из дома?

– Нет, не хочу. Давай больше никогда не будем говорить об этом?

– Хорошо, как скажешь, – Отвечал Пётр, но по лицу его было видно, что он расстроен. – Ладно, забудем! Завтра идём в загс, подавать заявление. Ты согласна?

– Я-то согласна, но ведь мне ещё нет восемнадцати...

– Мы этот пустяк уладим!..

Утром, собираясь в загс, Пётр заметил:

– Да, нарядов у тебя негусто, можно сказать, нечего надеть. Ладно, пойдём, в чём есть, а после зайдём в магазин и купим тебе всё что нужно. Идёт?

– Хорошо. Как у тебя всё просто получается! Будто не живёшь, а играешь...

– Ничего себе игрушки! Мы идём в загс, у нас впереди женитьба и целая жизнь, счастливая, с кучей детишек!..

Глава восьмая

Светлана вскоре тоже устроилась работать – ученицей швеи в комбинат быта. Предприятие было большое, вмещавшее в себе и парикмахерскую, и ремонты бытовой техники, и ремонты телевизоров, и много других услуг. Швейный цех состоял из одних женщин и девушек, компания у них была весёлая и дружная. Швеи и закройщицы из недорогих тканей и материалов умудрялись делать красивые и модные вещи, успешно конкурировавшие с фабричными изделиями. К тому же

пошив был по индивидуальным заказам, и местным жителям очень нравилось, когда выполняли все их пожелания. Света быстро освоила швейное дело и стала присматриваться к работе закройщиц – эта профессия была ей по душе, потому что предоставляла больше простора для фантазии и творчества, а не просто строчить швы на машинке...

«Ну, Светик, ты у меня скоро будешь знаменитым кутюрье, как Юдашкин!» - шутил Пётр, дурачась с ней по вечерам и слегка подтрунивая. «А ты скоро станешь местным Корбюзье!» - парировала Светлана, намекая на его работу в качестве подмастерья на строительстве городских объектов деревянного зодчества. «Это что ещё за зверь?» - «Это не зверь, а французский архитектор знаменитый».

В один из выходных дней Светлана и Пётр сходили в церковь, ту самую, возле которой их свела судьба. Оба приняли крещение. Светлану батюшка исповедовал коротко, а вот с Петром о чём-то долго беседовал и, наконец, возложил на его голову край епитрахили, видимо, в знак отпущения грехов...

Вскоре Пётр и Светлана «расписались» в загсе, как раз в день её рождения. А ещё через три дня, в день церковного Новолетия, тот же батюшка обвенчал их в храме.

Пётр немного замешкался, видимо, не сообразив, о чём спросил его священник:

– Имаши ли, Пётр, произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль, пояти себе в жену сию Светлану, ю же zde пред тобою видиши?

Заметив, что жених немного растерялся, батюшка повторил уже по-русски, по-современному:

– Имеешь ли ты, Пётр, намерение доброе и непринужденное и крепкую мысль взять себе в жену Светлану, которую здесь пред собою видишь?

– Да, конечно, имею. Иначе, зачем я сюда пришёл?

Священник терпеливо объяснил:

– Следует отвечать кратко, без лишних замечаний.

Приняв Светланино «да», батюшка объявил их мужем и женой.

После венчания к Петру подошла регентша церковного хора и попросила вознаградить певчих:

– Мы так старались, со всей душой пели, желая вам счастья!

Пётр щедро поделился и с певчими, и с церковной кассой, на что регентша и весь хор не поскупились на пожелания достойного и бого-

угодного супружества на всю жизнь. Это было тем более трогательно, что поздравлять-то больше и некому было, кроме церковных служителей, никаких свидетелей и друзей у Светланы и Петра не было. Не было ни фаты, ни белого платья, ни машин с цветочками и куклами, ни пьяных гостей – всей этой свадебной мишуры, без которой, как оказалось, вполне можно обойтись. Одна Федора Прокопьевна встретила их у ворот с поздравлениями и благопожеланиями.

... Прошло девять месяцев. Светлана благополучно родила сына, назвали которого Леонидом Петровичем.

На этом можно было бы закончить наше повествование, пожелав молодым счастья, да только два эпизода из событий, затем последовавших, надо бы, хотя и вкратце, осветить...

Однажды жарким июльским полднем, уложив Лёшеньку спать, Светлана перестирала пелёнки-распашонки и вышла на улицу развешать бельишко. Вдруг кто-то постучал в калитку. Светлана, оставив тазик с постирушками на земле, подошла к воротам и открыла калитку. Перед ней стояла мать.

– Мама?.. Ты зачем пришла?

– Ну, как же? Соскучилась я, вот и пришла. Поговорить хочу.

– Не о чем нам с тобой говорить. У тебя есть собеседник, которому ты веришь больше, чем собственной дочери!.. Уходи!..

– Не гони меня, доча, мне так одиноко. Он ушёл, бросил меня, нашёл какую-то помоложе, покрасивше...

– Ну, а я-то чем могу помочь? Ты ж меня прогнала ни за что, вот и живи теперь, как знаешь, – Светлана прикрыла калитку и заплакала, утирая слёзы краешком фартука. Вечером не стала рассказывать Петру об этом неожиданном визите прозревшей мамыши...

Второй эпизод больше смахивает на кадры из какой-нибудь мелодрамы. Не того бы хотелось, да так случилось.

Под вечер заглянула во флигелёк баба Дора:

– Петя, тебя там какая-то женщина спрашивают...

Вышел Пётр к калитке, а там женщина – вроде бы, знакомая, а никак не припомнит, где её видел.

– Пётр, ты помнишь, я у тебя дом купила? Вот... Я тогда ещё заметила, что ты мне кого-то напоминаешь. А после, как стала спрашивать соседок и других знакомых, узнала, что ты у Барлуковых был неродной ребёнок, а приёмш. Стала спрашивать тех, кто работал в то время в роддоме. Я тогда ещё школьницей была, и мне пришлось отказаться от тебя. Оказалось, моего ребёночка усыновили именно

Барлуковы. Да ты и похож на того парня, с которым я встретила на танцах перед Новым годом. Меня Анастасия зовут. Выходит, ты мой сын!..

Пётр усмехнулся:

– И что ж вы хотите от меня?! Я уже взрослый, нянчить меня не надо. Помощи от вас не требуется. И прошу меня больше с этим вопросом не беспокоить, по крайней мере, в ближайшие несколько лет. Может, когда-нибудь.. У вас, помнится, было потом ещё трое детей – вот и живите себе спокойно, как жили. А мы со Светланой счастливы в своём гнёздышке, и никого не хотим в него пускать! Как говорится – не буди лихо, пока оно тихо!.. Всего хорошего, тётя Настя!..

Несчастливая женщина жалостливо смотрела на него, пытаясь уловить хотя бы тень сочувствия на его лице, но Пётр был непреклонен, потому что жизнь только начала шлифовать его неумеренно жёсткий характер. Когда-нибудь и он поймёт, что любить и прощать – это одно и то же, а умение прощать – главное качество нечестивой души...

НЕФРИТОВЫЙ ВСАДНИК

Повесть

*Видение в больнице. Нефритовый всадник.
Рисунок Елены Леоновой*

Нефритовый всадник

Глава первая

Я окончил тогда второй курс исторического факультета и летние каникулы должен был провести в экспедиции на Байкале, в районе Провала. Научный руководитель поручил мне с одногруппником Алдаром провести сбор легенд, сказаний и, может быть, сохранившихся описаний страшной катастрофы, которая произошла в этой местности полтора века назад. Понятно, что живых свидетелей тех событий мы не могли найти, но ведь есть в нашем народе хороший обычай передавать из поколения в поколение не только сведения о своих предках, но и их рассказы о важных событиях, в которых они участвовали либо были их свидетелями. Было бы здорово, если бы мы нашли ещё и артефакты, материальные свидетельства тех событий или просто того времени, но надежды на это почти не было.

Тем не менее, в экспедицию мы готовились основательно: приобрели палатку, собираясь провести часть лета на берегу Байкала, в местности, где бывали маститые учёные вроде академика Окладникова и писателя-путешественника Обручева. Лавры академиков нам, конечно, не снились, но побывать в шкуре настоящих исследователей для будущего историка просто необходимо, считали мы.

Долго ли коротко ли, а приготовления были благополучно завершены. Удружили старший брат Алдарика – отдал ему свою старую машину. Загрузили мы в неё палатку, личные вещи, провизию и нехитрую технику в виде фотоаппарата и радиоприёмника, да ещё сам «жигулёнок» был оборудован магнитолой, так что ехать было нескучно. Дорога на Байкал из Улан-Удэ была прекрасная, не похожая на просёлочные хляби, коими порой приходилось ездить по республике. Радовала и погода – солнечно, тепло.

Километров за полсотни до цели путешествия нас стал доставать тяжелогруженный лесовоз с прицепом, который медленно тащился впереди, пока мы не решились на обгон. Выйдя на встречную полосу, мы в ту же секунду увидели, что прямо на нас несётся с бешеной скоростью фура, водитель которой от неожиданности не сразу среагировал. За миг до столкновения Алдарик вывернул руль влево, но это нас не спасло. Удар!..

Дальше провал в памяти. Когда я вновь увидел белый свет, то оказался в какой-то старинной бурятской юрте, притом на ногах и в добром здравии.

Глава вторая

– А вот и ты. Ну, здравствуй, внучок! – Меня приветствовала невысокого роста статная старушонка в красивом бурятском халате из атласной тёмно-синей ткани с узорами и высокой шапочке, отороченной мехом и украшенной серебряными монетами и драгоценными камнями. Не уверен, что она говорила на русском, но другого языка я не понимал, по-бурятски знал лишь две-три фразы вроде «Би шамда дуртэб»¹. – Я так рада тебя видеть, у меня будто семь солнц внутри зажглось. Проходи, проходи!..

Я огляделся: в центре юрты был небольшой очаг, в котором тлели не то торф, не то коровьи лепёшки. Прямо напротив входа, у дальней стены, стоял небольшой столик, похожий скорее на старинный комод. Шкатулка, обитая узорами из серебра, масляный светильник, тоже из серебра, несколько продолговатых дощечек, на которых старинной монгольской вязью были начертаны, по-видимому, буддийские молитвы или шаманские заклинания. О шамане мне вспомнилось из-за бубна с медными колокольчиками, лежавшего тут же.

Бабушка проследила за моим взглядом, за несколько секунд пробежавшим и по топчану с левой стороны, застеленному войлоком, и по скамейке с правой стороны, с резной спинкой, видимо, для почётных гостей. Справа и слева от входа стояли и лежали предметы обихода, мне совсем не знакомые и трудно поддающиеся описанию. Наиболее понятный для меня предмет – высокая ступа. Она была даже повыше теперешних напольных ваз, используемых в роскошных интерьерах. Но эту ступу к предметам роскоши вряд ли отнесёшь, хотя в верхней и срединной части она была обита медными кольцами, делавшими её похожей на вазу.

Рядом с топчаном и скамьёю стояли по обе стороны два почти одинаковых сундука, обитые узорами из меди или латуни, на каждом из них висел маленький замочек, ключи от которого висели на поясе у хозяйки.

¹ Я тебя люблю (по-бурятски)- здесь и далее примечания автора.

– Меня зовут Жаргалма², – поведала хозяйка юрты. – Ты родился через триста лет после меня. И, хотя ты русский, кровь в тебе на четвертинку наша. Будь хорошим мальчиком, не подведи фамилию – тебе, наверно, известно, какие знаменитые люди были в нашем роду: и ламы, и шаманы, и улигершины, и мастера известные, и врачеватели...

«Как это – через триста лет?!» – поразился я. – «Не может этого быть! Так кто у кого в гостях тогда?». Но вслух сказал:

– Да, я немного знаю, мой дедушка бурят, он рассказывал кое-что, но я тогда маленький был, а теперь и деда нет.

Бабушка Жаргалма улыбнулась понимающе и продолжала:

– Знаю, ты решил стать большим учёным, – сказала она. Тут я улыбнулся – мои планы не были столь тщеславными. Я считал, что скромный преподаватель истории в средней школе – самое большое, что мне светит, и не очень ободрялся насчёт своего будущего.

– Никто не знает, что ждёт нас впереди, – будто читая мои мысли, продолжала бабушка Жаргалма. – Скоро сам увидишь, какой подарок тебе сделает судьба. Счастье – не конь, его не взнуздаешь. Но ты найдёшь больше, чем ищешь.

Она подняла маленькую морщинистую ладонь, унизанную серебряными перстнями, как будто хотела остановить мои возражения. Но я и не возражал.

– Пойдём, – пригласила она, поднимая полог у входа в юрту. – Моя юрта стоит как раз на том самом месте, где будет Провал после страшного землетрясения в новогоднюю ночь. Видишь, вон там далеко – берег Байкала. А тут наши земли – степь, леса и болота. Всё это Цаганская степь, тут несколько улусов, много скота. Здесь, поближе к юртам, пасутся коровы. Там, дальше, отары овец. И всё это погибнет в одну ночь. А знаешь почему?

– Так землетрясение же, что ж тут непонятного? – наивно возразил я бабушке.

– А отчего землетрясение-то случилось, знаешь?

– Ну, этого никто не знает.

– Нет ничего тайного, что не стало бы явным. Вот слушай. Один богатый хозяин решил посреди этой степи построить большой амбар. А как начал землю копать, то обнаружил много драгоценностей, да таких, что впору носить лишь императору. В здешних местах издавна ходили слухи о том, что тут, на берегу Байкала, похоронен самый

² "Жаргал" - по-бурятски "счастье".

великий военачальник всех бывших и будущих времён – Чингисхан. Несметные сокровища погребли вместе с ним. А потом сотни лошадей, табуны прогоняли по кругу несколько дней, всё увеличивая круги. Так что скоро совсем не видно стало, где именно могила Великого монгола. Но приближённые Тэмужина не могли на этом успокоиться и убили всех, кто участвовал в похоронах. Уехали отсюда в свою ставку даже без охраны. Народ местный видел оставшиеся без присмотра табуны лошадей, но боялся их брать себе, потому что чужое. Эти кони разбрелись кто куда, одичали, а некоторые просто умерли с голоду. Но всё равно потом слух ходил долго, что где-то здесь могила Чингисхана. Говорили: если кто-нибудь обнаружит могилу Завоевателя Вселенной или хотя бы предметы из неё – быть большой беде. Вот и случилось страшное землетрясение, так что погиб и человек, нашедший предметы из могилы Великого воина, и все свидетели того события. Это землетрясение было уже через много лет после меня. Но тебе могу сказать, что второй раз такое же землетрясение случится через двести лет после первого. Когда Селенга будет в некоторых местах ручейком, который легко перейти вброд, а Байкал настолько обмелеет, что Провал снова станет сушей. И кто-то снова обнаружит место захоронения Тэмужина...

– Как-то не очень верится во всё это, – возразил было я, но бабушка Жаргалма продолжала:

– Я помогу тебе. Подожди, – она вернулась на минуту в юрту и вышла оттуда, держа в руке какой-то небольшой сияющий предмет зеленоватого цвета. – Вот, возьми, это Нефритовый Всадник. Он будет защищать тебя. Он принесёт тебе счастье в делах и удачу. Но как только ты приблизишься к тайне Чингисхана, Всадник покинет тебя, потому что Счастье не может ходить рядом с Бедой. Помни об этом.

Бабушка говорила нараспев, некоторые слоги звучали протяжно, как в песне или улигере³. Теперь так никто не разговаривает – речь наша стала стремительной как сама жизнь.

– Добивайся своего: целеустремлённый человек – уже наполовину победитель. Не гонись за успехом: глупому человеку Бог дарит слепую удачу, а счастливому – ум.

Бабушка Жаргалма протянула мне сделанную из зеленоватого нефрита фигурку Всадника. Грива и хвост его коня были из золотых волос, и даже малюсенькие подковки на копытах тоже были золотыми.

³ Улигер - сказание, эпос.

У самого Всадника из золота были сделаны только копьё и плащ. Сувенир сильно смахивал на работы знаменитого на весь мир бурятского скульптора Даши Намдакова, которые я видел в музее, – что-то очень древнее в сочетании с безукоризненными линиями всего изделия. А Всадник бабушки Жаргалмы ещё и светился изнутри, как бы приветствуя меня, своего нового владельца.

Я осторожно взял Всадника из рук бабушки, и всё исчезло.

Глава третья

Очнулся я в больничной палате. Надо мной склонилась медсестра, рядом стоял доктор и что-то говорил ей, пытавшейся привести меня в чувство.

– А где бабушка Жаргалма? – спросил я, выходя из небытия.

– Он, наверное, ещё бредит, – сказала медсестра доктору, но тот возразил:

– Похоже, что нет. Наверное, кто-то приснился ему.

Мне сделали укол, поставили капельницу и на какое-то время оставили одного. Я огляделся. Палата как палата, ничего лишнего, вот только на моей прикроватной тумбочке я увидел своего Нефритового Всадника! Его золотой плащ, казалось, чуть колышется, а копьё блестело так убедительно, будто хотело разом расправиться со всеми моими недугами.

Так значит это был не сон?

Вернулась медсестра, которую я ждал с большим нетерпением:

– Сестричка, вы видели – кто-нибудь приходил ко мне, когда я спал?

– Нет, никого не было. Хотя... Вчера вечером я видела в коридоре пожилую женщину в старинном бурятском костюме и гутулах⁴. Кажется, она выходила от вас. Но она так быстро исчезла – я даже не уверена, что видела её...

«Значит, это не бред и не сон», – подумал я и протянул руку за Всадником. Он осветился изнутри, как будто подмигивал мне. Я сжал нефритовую фигурку в ладони и заснул.

⁴ Гуталы или Гутулы - бурятская и монгольская обувь с загнутой вверх передней частью. По поверью, такая обувь не ранит землю и не позволяет случайно лишить жизни мелких насекомых под ногами.

Проснувшись во второй раз, я вспомнил, наконец, что с нами случилось, и спросил сестру про Алдара.

– Ваш друг пострадал значительно меньше. Он даже не терял сознание. Ему обработали раны и ссадины и отпустили домой. Он, кстати, обещал сегодня зайти к вам.

И точно: вскоре нарисовался Алдарик со своей широкой и доброй улыбкой, он принёс много вкусностей и по-хозяйски разместил их в тумбочке. И, конечно, увидел моего Всадника, его нельзя было не заметить: золото на нём так и блестело, а сам он таинственно светился изнутри, вызывая интерес и удивление.

– Откуда у тебя эта диковинная штука? – поинтересовался Алдар, на что мне пришлось сказать правду:

– Бабушка подарила, – сказал я, не уточняя, что жила она триста лет назад, иначе бы Алдар подумал, что после аварии сильно пострадали мои интеллектуальные способности.

– И когда же она успела побывать здесь? Что-то раньше я не видел у тебя ничего подобного?

– Да вот, как-то успела, пока я был без сознания.

Слава Богу, вопросы на этом закончились. Алдар ещё немного повертел в руках драгоценную фигурку и водрузил на место:

– Смотри, как бы не свистнули!..

– Не свистнут – он не простой, заговорённый. Мой Всадник – очарованный, и чары его не позволят плохому человеку даже приблизиться...

Алдар повертел пальцем у виска, больше ничего не сказал, а только попрощался и пообещал зайти на другой день.

Глава четвёртая

Обнаруженные у меня травмы – сотрясение мозга, переломы рёбер и голени – потребовали длительного лечения в условиях больничного стационара. Читать и писать врач разрешил, так что я попросил Алдара раздобыть мне всю литературу, касающуюся Провала и землетрясения на Байкале, произошедшего в далёком 1862 году.

С интересом я читал рассказы о том, как накануне первого января в улусах Цаганской степи из колодцев стала выливаться вода, кое-где устремляясь фонтаном вверх. Как испуганно жались друг к другу животные, овцы беспрестанно блеяли, а собаки жутко выли. Как в ночь землетрясения стала быстро прибывать вода, а потом большая волна

накрыла в одночасье всю округу. Как стоял устрашающий подземный гул и клочкотание чего-то таинственного там, в недрах. Как испуганные люди, не успевшие уйти с места катастрофы, взбирались на крыши или садились со своим скарбом на лодки, которые, слава Богу, были у каждого дома или юрты. Как поначалу бывшая тёплой вода быстро остывала, а потом замерзала, и в ней оставались вмёрзшие животные – коровы, быки и овцы. Как в русских деревнях за много километров от Цаганской степи сами собой звонили колокола, а кое-где рушились церкви и колокольни. Всё это наводило ужас на местных жителей, многие из которых от страха и безысходности сходили с ума, и потом долго ещё по деревням ходили юродивые, говорившие о знамениях конца света и грядущих катаклизмах...

Лежать в больничке мне пришлось несколько недель, и от нечего делать я мало-помалу написал доклад на тему Провала и его тайн, которые ещё предстоит исследовать. Как и положено, в числе источников и информантов я назвал свидетельства бабушки Жаргалмы, только долго мучился, кем её представить – ныне живущей или давно умершей. В конце концов, решил обозначить дальней родственницей, но о том, что она жила так далеко – триста лет назад, написать постеснялся...

Через несколько дней сияющий Алдар ворвался в палату, размахивая листком бумаги, в котором содержался, видимо, некий приятный сюрприз:

– Пляши, Санёк! – он помахал бумагой перед моим носом. – Вот, Сергей Дашиевич хвалебную оду на твою работу написал и уже включил тебя в число выступающих от нашего универа на студенческой научной конференции в Москве.

Я оглянулся на своего Нефритового Всадника – он ликующе сиял изнутри, будто радовался моему успеху. «Спасибо, бабушка Жаргалма! Спасибо, Всадник!» - поблагодарил я мысленно и вслед за этим почувствовал, что дела мои идут на поправку. Так бывает: организм даёт невидимые сигналы об улучшении состояния – уходит прочь беспокоящая неизвестность, грусть-тоска сменяется бодростью и жизненной силой в каждой клеточке выздоравливающего тела, и ты начинаешь понимать, что самое неприятное позади. А хорошие вести – они как добрые ангелы, помогают этому целительному процессу.

– Нет, это несправедливо, – начал я разговор с Алдариком при следующей встрече.

– Что именно? – не понял мой друг и однокашник.

– Да то, что я поеду один в Москву. Нам ведь эту тему на двоих давали, и ты не виноват, что так получилось. Ты ведь мне литературу подбирал, приносил, мы всё написанное вместе обсуждали. Я только изложил это на бумаге и дал тебе, в сущности, черновик, чтобы ты показал научному руководителю. А оно вот как всё обернулось. В общем, я на днях выписываюсь и первое, что сделаю, откажусь от поездки, если тебя не включают в число участников конференции...

– Ты что? – замахал руками Алдар. – И не вздумай даже отказываться, а мне лишь бы зачёт поставили.

В чём в чём, а в благородстве Алдар уступать не хотел, натура у него такая буддистская – обиду ни за что не покажет, а спрячет её далеко-далеко, чтобы она не смела беспокоить ни его, ни окружающих.

Глава пятая

Сразу после выписки из больницы я поспешил на факультет, чтобы встретиться с научным руководителем. Сергей Дашиевич встретил меня дружелюбно и сначала расспросил о здоровье, потом ещё раз отметил достоинства нашего доклада и, наконец, продолжил:

– Так о чём ты хотел поговорить?

– Я без Алдара на конференцию не поеду. Вы ведь нам двоим давали эту тему, и мы вместе работали над ней. Просто я не успел правильно оформить доклад, это был черновик.

– Что же делать? У нас ведь уже списки участников утверждены. Впрочем, пока билеты на самолёт не куплены, можно ещё успеть внести изменения, тем более что одна девушка с четвёртого курса отказалась сегодня ехать по состоянию здоровья. Постараюсь вам помочь, только поскорее оформите доклад как следует!..

Я вынул из кармана Нефритового Всадника и убедился, что без его помощи не обошлось: мой талисман светился изнутри ободряюще и весело. Сергей Дашиевич тоже обратил на него внимание:

– Это что за штука интересная у тебя? Можно посмотреть?

Я протянул Всадника преподавателю. Тот изумился:

– Какая древняя вещь, а как хорошо сохранилась! Откуда она у тебя?

– Бабушкин подарок, – ответил я, осторожно принимая Всадника из рук Сергея Дашиевича и пряча его в карман, дабы необычное сияние моего талисмана не привлекло излишнего внимания нашего научного

руководителя с его скептическим взглядом на вещи и мировоззрением, воспитанным в суровых условиях советского материализма. Сверхъестественное – это естественное, только ещё не изученное и не объяснённое наукой, – вот его точка зрения на все и всякие чудеса и паранормальные явления.

А вот Алдару я рассказал в подробностях о своём общении с потусторонним миром, и это его несколько не удивило.

...Перелёт в Москву не обошёлся без приключений. В Екатеринбурге сделали посадку и долго не выпускали аэробус на взлётную полосу. Среди пассажиров поползли слухи, что самолёт неисправен, что поступило сообщение о бомбе на борту. Но, кажется, всё это были досужие домыслы – никаких террористов не было, и вскоре мы благополучно прибыли в Домодедово.

Москва встретила нас не очень приветливо: шёл дождь, небо было затянуто тучами, было сыкатно и холодно. Это немного удивило – у нас в Сибири стояло бабье лето, было солнечно, сухо и тепло, и этот контраст с московской ветреной и сыкатной погодой нас, конечно, позабавил.

С трудом добравшись до общежития, где разместили участников конференции, мы первым делом разузнали, где будут проходить заседания секции историков-археологов, а уж потом – вместе с другими участниками с удовольствием прокатились с экскурсией по столице, благо, что это было организовано принимающей стороной совершенно бесплатно. День получился насыщенным, но нелёгким. Спать легли рано, потому что семь часов вечера московского времени – это полночь по-забайкальски.

Моё выступление состоялось на следующий день, и вопросов у коллег из других регионов было много: что ни говори, а фигура Чингисхана и тайна захоронения Человека Тысячелетия интересуют учёных уже много десятилетий. Не говоря уже об интересе к различным катаклизмам на Байкале. Доклад наш отметили дипломом и пообещали опубликовать в научном сборнике. С тем и вернулись мы на родину.

Глава шестая

Надо ли говорить, что учебный год для меня сложился очень удачно. И я подозреваю, что в этом была не столько моя личная заслуга, сколько сказывалась помощь моего Всадника – на экзаменах

и зачётах он хитро подмигивал мне своим загадочным светом изнутри, как бы ободряя: всё будет хорошо! В результате по некоторым дисциплинам я получил зачёты «автоматом», на экзаменах мне попадались билеты один другого легче – какой бы ни вытянул, отвечать мог без подготовки. Мне даже неловко стало перед товарищами, которые по несколько раз вынуждены были сдавать один и тот же предмет, и «хвосты» тянулись за некоторыми аж до последнего курса. Ребята ведь не знали, в чём причина моего невероятного везения. Спасибо бабушке Жаргалме!..

Следующим летом мы с Алдаром решили повторить свой вояж на Провал и походить по нему на лодке, чтобы лучше представить себе размеры бывшей Цаганской степи и предположить, в каком именно её месте могла быть могила Чингисхана.

Оставшись без машины, мы на сей раз добирались до Байкала автостопом.

Разговоры с дальнбойщиками делали путешествие не только увлекательным, но и полезным. Дальнбойщики – народ особый, это люди непритязательные, но знающие себе цену, трудолюбивые и умеющие погулять, если удаётся. Грузовик и дорога – две главных составляющих их существования, для дальнбойщика нет ни границ, ни расстояний. А уж поговорить они могут на любую тему, потому что видели так много людей, городов и стран, что оседлому человеку и представить трудно. Мне даже кажется, что самый лучший дальнбойщик – это бурят, потому что у него в крови кочевой образ жизни. Простор, свобода, непривязанность к рабочему месту – что ещё нужно человеку, который не любит повседневной рутины и однообразия?!

Сделав пару пересадок, начиная от столицы Бурятии, мы, наконец, оказались у цели. На берегу сговорились с бородатым семейским мужиком об аренде лодки на день:

– Деньги вперёд, и паспорта ваши тоже давайте, – абориген подлёморья был непреклонен.

– А паспорта зачем?

– Чтоб не я за вами, а вы за мной бегали. Верну, когда лодку вернёте.

«Логично», – подумал я и подал свой паспорт в мозолистые руки мужика, Алдарик тоже молча предъявил документ.

Получив ключ от цепи и замка, которыми лодка надёжно пришвартована была к небольшому пирсу, мы двинулись навстречу приключениям. День был солнечный и жаркий, от Байкала тянуло

прохладой, вода в нём прозрачна настолько, что видно было дно далеко от побережья.

Залив Провал по сравнению с основной частью Байкала неглубокий, всего несколько метров, да еще и отделён от озера отмелью, которую местные жители окрестили Сахалином. В южной части – дельта реки Селенги, разделившаяся на несколько рукавов и образовавшая при впадении в Байкал несколько больших и малых островов. Место кормное, и тут любят гнездиться пернатые всех мастей. Чайки дополняют эту картину вполне приморского пейзажа, который так дорог местным жителям.

Мы догребли на самую середину Провала и здесь остановились, чтобы оглядеться и отдохнуть. Становилось жарко, и я скинул свою ветровку. Потом решил ещё и намочить бейсболку, чтобы голова не перегрелась от нещадного солнца. И тут увидел, как в воде что-то крутится-вертится, устремляясь ко дну, небольшой предмет поблёскивал золотом и зеленоватыми гранями, почти сливавшимся по цвету с байкальской водой. Я оторопел: да это же мой Нефритовый Всадник! Видимо, снимая куртку, я слишком резко махнул ею, и мой талисман выпал из кармана.

Я стал снимать одежду, чтобы нырнуть вслед за исчезающим Всадником, но Алдар остановил меня:

– Ты помнишь, что говорила бабушка Жаргалма? Как только ты приблизишься к тайне Чингисхана, Всадник покинет тебя. Не испытывай судьбу – не навлекай беду...

Мой друг был прав. Я с сожалением смотрел, как мой Всадник скрывается и прощально посверкивает золотом, заносимый на дне илом и песком.

Эпилог

С потерей Всадника моя жизнь ничуть не изменилась, просто я стал более самостоятельным, что ли: меньше стал надеяться на чудо и помощь сверхъестественных сил. И всё-таки: когда мне трудно или дела не клеятся, я еду на Байкал и просто опускаю руки в воду, потому что знаю – где-то там находится мой Всадник, и бабушкин талисман обязательно поможет мне! Попробуйте и вы – придите на Байкал, опустите руки в воду и попросите о чём угодно, но обязательно с верой и молитвой. Мой Всадник и духи Байкала обязательно помогут, вот увидите!

Ещё один вопрос меня волнует неотступно: если мой Всадник покинул меня не случайно, значит, сбудется пророчество бабушки Жаргалмы? Ведь она говорила, что через двести лет после первого Провала будет новое землетрясение, перед этим Селенга и Байкал обмелеют, а Провал снова станет сушей. Что-то подсказывает мне, что эти времена и вправду настают.

УИКЕНД НА СЕНОВАЛЕ

и другие рассказы

Старинное село. Рисунок Елены Леоновой.

Красная купель

Если кто-то и знает всё про всех, так это не Господь Бог, а тётя Галя из второго подъезда, которую за глаза все называли «старухой Шапокляк» из-за её зловредного характера: никогда не пройдёт мимо без того, чтобы не сделать какое-нибудь едкое замечание встречному, сказать нечто мерзопакостное и обидное. Вторая кличка её была «Информбюро», потому что её непечатному средству каждодневной информации можно было доверять на сто процентов: сведения она собирала тщательно, иногда годами отслеживая жизнь того или иного семейства или отдельно взятого человека. При этом, чем менее ординарен индивид, тем больший интерес он вызывал у старухи Шапокляк...

Все в округе побаивались попасть на убойный язык малосимпатичной старухи, в том числе и я, конечно. Но однажды понадобилась и ей помощь – сломался телевизор, а без него она не мыслила долгих зимних вечеров, да и дней тоже. И вот что интересно – будучи сама, с всеобщей точки зрения, человеком не очень положительным, в общении с телевизором она давала персонажам оценки, коих добивались, очевидно, безымянные режиссёры: что такое хорошо и что такое плохо определяла безошибочно. Обожала сериалы, могла смотреть часами мелодрамы и обсуждать героев как живых людей, предъявляя претензии плохим персонажам и сочувствуя положительным героям.

По-соседски она пригласила меня починить телевизор, и, ступив на порог её квартиры, я немного оробел, не зная как себя вести с ведьмой, давно уже всем опостылевшей. В доме её был идеальный порядок: все вещи на своём месте, опрятно убрано и достаточно уютно. Сама хозяйка светилась гостеприимством, предложила чашку чая и всячески выказывала своё расположение. Чаю я выпил из вежливости, а от разносолов отказался – вообще-то, пришёл я по поводу забастовавшего телевизора. А поговорить мы можем и за работой, на том и порешили.

Я принялся чинить аппарат, а старуха Шапокляк устроилась в кресле со своим вязанием и стала говорить, к моему удивлению, не о сплетнях или жалобах на власти и неурядицы, а о многих интересных и доселе мне не известных событиях и фактах. Вскоре я узнал, что родилась она ещё при Николае, а теперь вот дожила до Бориса Оканного (разговор происходил в середине девяностых). Очень уж ре-

альным и живописным (если к этой истории приложимо такое понятие) показался мне рассказ о событиях времён Гражданской войны. Ничего подобного ни читать, ни слышать мне раньше не приходилось. Если что-то покажется дотошным историкам не соответствующим действительности или просто выдумкой – прошу меня простить, источник информации: Галина Ивановна Сутемьева, ул. Набережная, 13. Итак...

Было это в марте 1920 года, мне тогда только что исполнилось 11 лет, по тем временам, человек уже почти взрослый. Жили все Сутемьевы тогда в деревне Кордон недалеко от Селенги. Улица наша шла вдоль крутого склона горы. Из наших окон была видна как на ладони и часть Селенги с островами, и село Караулово с железнодорожной станцией, и сама ветка железной дороги с водонапорной башней и казармами, в коих обитал персонал дороги и телеграфной станции.

В этом месте когда-то, в стародавние времена, стоял сторожевой отряд русских казаков, потом здесь возникла деревня, которую и стали называть Караулово. В 1920 году здесь были американские и японские войска, белогвардейцы. А по нашему правобережью Селенги в те полтора-два года как раз управлял атаман Семёнов. Ничего плохого о нём сказать не могу, потому что он был простой казак, с людьми был обходителен, а меня и мою подружку так даже угостил конфетами. Глаза у него, помню, были такие черные, пронзительные. Лицо братсковатое, круглое и скуластое, он же, говорят, наполовину бурят был, мать у него бурятка была. Так что он наш, местный. Пока он правил, у нас в Прибайкалье тихо было, спокойно. После Гражданской войны он в Маньчжурии остался. У него было две дочери, они там в русском женском монастыре воспитывались. Это мне позже рассказывала бабушка Бородина, она в те годы жила в Маньчжурии. После, в 1945-м, Семёнова схватили и потом повесили в Москве...

А в марте двадцатого года мы с подружкой Груней Шадриной видели вот что. Накануне вечером со станции Караулово вооружённые люди на лошадях, с красными лентами на папах и шашками наголо прогнали колонну из пленных, видимо, белогвардейцев. Арестанты были без шинелей и погон, некоторые в одном исподнем, другие в военных штанах и рубахах, но тоже без погон. Их подгоняли, били прикладами и крыли матом, чтобы двигались быстрее. Сами-то на конях, а эти раненые, больные, некоторые даже босиком по скользкому весеннему насту шли, раздирая ноги в кровь... Мы это из окна видели с Груней, хотя мать на нас орала, чтобы не приближались близко к окну – «Уви-

дят, утащат с собой. Ишь, рожи-то у них бандитские. Да и сами-то военные-невоенные – не поймёшь, кто во что горазд одеты!..».

Но мы всё равно потихоньку подглядывали из-за занавески.

Наутро арестантов погнали назад. Они, видно, ночь-то провели в мангазее – склад у нас в деревне такой большой был, там до революции общественное зерно хранилось. Весной у кого не было семян, тому давали из этой мангазеи в долг до следующего урожая.

Утром соседка Груня по задам пробралась к нам в избу, и мы с ней опять заняли свою наблюдательную позицию у окна. Мать строго-настрого запретила нам выходить на улицу, да и сама-то выходила на недолго, покормить-попоить скотину.

– А отец? – спросил я.

– А отец как в четырнадцатом году ушёл в конце лета на войну, так мы больше о нём ничего и не слышали. Да и не помню я почти своего отца-то, он когда уходил, мне годков пять только было, – отвечала баба Галя и продолжила свой рассказ:

Тут Шура-телеграфистка неподалёку от нас жила, телеграфисткой в деревне её называли по профессии мужа – сама-то она только год проучительствовала у нас, да и бросила из-за войны и бесконечной смены власти. И вот, значит, этой Шуре приспичило в такую непогоду тащиться в Караулово, к мужу, значит. Он там сутками дежурил на телеграфной станции.

Она только за ворота, а там уже красные колонну ведут, погоняют – самим даже холодно, хотя в куртках кожаных, в шинелях и телогрейках разных. Шура было поспешила, но вскоре за околицей её нагнал конвой, двое отделились от колонны и спешились. Задержали Шуру, а колонна двинулась дальше. Арестантов было, наверно, человек шестьдесят-восемьдесят, все больные и немощные, а конвоиров не больше двадцати, но свирепые – ужас.

Смотрим: эти двое у Шурочки её муфточку отобрали и бросили в снег, хохочут. Потом жакетку с неё плюшевую тоже скинули на снег и саму её повалили на жакетку. Она кричит, кулачками машет, но где ж ей отбиться от таких здоровенных бугаёв?!.. Глядь, один уже отряхивается и штаны натягивает, другой на его место пристраивается, а Шура уже и не сопротивляется. Может, даже сознание потеряла, кто знает. Только по окончании второй ткнул ей штыком прямо в грудь, вскочил в седло и последовал за товарищем.

А колонна уже подошла к Селенге, перешла на остров Спасский, за которым было самое глубокое место и зияла огромная полынья. Из-

далека вода смотрелась чёрным пятном среди ещё заснеженного острова и чахлых деревьев и кустарника на нём. Мы-то думали, что арестантов ведут в Караулово, на станцию, чтобы увезти в тюрьму или ещё куда. Но нет – колонна остановилась, часть конвоиров спешила, и стали отбивать от колонны по три-четыре человека, как овец от стада. Выстрелов не было, а только штыками кололи их и сталкивали в воду. Длилось это очень долго, так что мы не в силах были даже смотреть на это изуверство.

Когда всё закончилось, конвоиры все спешили, взяли коней под уздцы и перешли реку в другом месте, чуть выше по течению, где ещё был крепкий лёд. Больше мы их не видели.

Говорили, что в эти дни японцы и семёновцы оставили Верхнеудинск, а город заняла Красная армия, потом сделали буферное государство, но мы как жили в России, так и остались, а вот половина нашего района стали «маньчжурами» в буферном-то государстве. Чудно было как-то – живём рядом, все те же русские и буряты, а государства разные. Но это недолго было, через год или полтора везде установилась советская власть. Потом и жизнь стала налаживаться...

А в тот день мы только к вечеру осмелели, видя, что душегубы не возвращаются. Решили посмотреть, что с Шурой и куда делись арестанты. Добро бы японцы или американцы убивали, а то наши же, свои. Вот какую вражду между людьми посеяли!..

Мать не пустила нас с Груней одних, пошла с нами. Шура-телеграфистка лежала навзничь у дороги, раскинув руки и глядя в небо широко раскрытыми глазами, будто спрашивая у Бога: «За что?». Юбка у неё была срамно задрана, мы опустили её до колен и пошли дальше. До полыньи было рукой подать. Что там творилось, и сейчас рассказать страшно: трупы ещё не все унесло течением, потому что убитых было слишком много, а снег у кромки полыньи был весь красный от крови. Я, помню, нашла чей-то крестик с оторвавшейся тесёмкой и хотела взять себе, но мать строго приказала: «Не бери! Это убитому принадлежит – брось в воду!». Я так и сделала. Мы там недолго были, сразу же вернулись домой. Всем было не по себе, нас с Груней трясло как в лихорадке.

Шуру муж нашёл и долго плакал над её телом, потом взял на руки и понёс домой. Так до самого дома на руках и нёс. Шатался, как пьяный, но плакал и нёс. Мы потом всей деревней помогали похоронить и помянуть бедную женщину.

Пока баба Галя вела свой рассказ, я уже и телевизор отремонтировал, включил его, и наша старуха Шапокляк засияла от удовольствия: «Так сколько я тебе буду должна, Санёк?». Я отказался от вознаграждения: «Хватит с меня и вашей интересной истории!..». Тут лицо у бабы Гали засияло ещё сильнее, и она поспешно спрятала свой толстый бумажник куда-то в складки широкого цветастого халата: «Ты заходи, если чо надо будет!». Она раз сто сказала спасибо, пока провожала меня до двери, а в последующие дни при встрече со мной обходилась без едких замечаний.

Она ценила тех, у кого руки растут откуда надо, кто может что-то делать сам, уважала знающих и мастеровитых. Между прочим, рассказала мне и про то, что её старший брат был первым председателем колхоза в деревне, а позже – бригадиром. Она сама молодость свою провела в колхозе на разных работах – и овощеводом была, и дояркой, и снопы вязала на уборке. Колхозные годы и весь советский период вспоминала с благодарностью и ненавидела тех, кто развалил и колхозы, и Союз. В общем, была коммунисткой по убеждениям, хотя за всю жизнь никогда не состояла ни в партии, ни в комсомоле.

И при этом рассказала мне такое о «красных душегубах», что и не снилось её ненавистным «дерьмократам». Видимо, есть что-то такое в русской душе, что можно назвать, наверное, стремлением к справедливости. Ощущение несправедливости содеянного с беззащитными людьми и не давало ей покоя всю долгую жизнь. Конечно, в годы её благословенной колхозной молодости страшно было бы даже подумать о том, чтобы кому-то рассказать эту душераздирающую историю из времён братоубийственной Гражданской войны.

Последний солдат

Апрель нынче выдался ветреный и холодный, так что последние дни перед праздниками дед Елистрат занемог и почти не вставал с постели – кости и без того болели от старости и изношенности организма, а тут ещё простуда. Запивая аспирин молоком, Елистрат почти целыми днями лежал, думая о своём житье-бытье и теряясь в предположениях, сколько ещё ему осталось мыкаться на белом свете. Да хоть бы не мучиться при кончине, думал он, заснуть бы и не проснуться в один прекрасный день. Сам себе уже надоел, а людям тем более,

думал старик, которому скоро должно уже было исполниться девяносто.

В деревне деда издавна называли просто Елистрат, хотя по документам он был Евстратий Якимович. Так получилось, что через шестьдесят лет после Великой Отечественной он остался последний солдат той войны в Сосновке, деревушке из трёх десятков домов не вдалеке от Байкала.

Елистрат слыл угрюмым, прижимистым и нелюдимым стариком, не склонным к общению по душам, к тому же он был непьющим. А на непьющих в деревне всегда смотрели с подозрением. Внешность Елистрата была соответственная – густые, лохматые брови нависали над глазами, которые смотрели то ли насторожённо, то ли неприязненно. Из-за редких стрижек седые кучерявые волосы на голове торчали в разные стороны неопрятными клоками, а со лба до самого верха затылка блестела здоровенная проплешина. Складки морщин, изрезавшие лицо, и редкие, жёлтые от табака зубы дополняли облик этого одинокого, неухоженного человека.

Овдовел Елистрат лет десять назад, все трое их детей умерли раньше матери, правда, успев пережениться и народить шестерых внуков. Но внуки жили в далёких городах и никогда не приезжали к деду, разве что присылали ему раз в год открытки ко Дню Победы, и на том спасибо. Раз в год вспоминала о нём и местная власть, которую он по привычке называл сельсоветом, хотя она давно уже именовалась администрацией. В последние годы накануне девятого мая приезжал к нему сам глава и привозил приглашение на митинг по случаю праздника:

– Ты у нас на весь сельсовет один солдат остался, Евстратий Якимович. Так что обязательно ждём тебя, весь народ ждёт. Мы там тебе и подарок приготовили, – председатель подмигивал деду заговорщически, стараясь то ли приободрить старика, то ли заманить обещанием.

Нынче Елистрат возразил на привычное приглашение:

– Сам вишь, Михаил Алексеич, како здоровье у меня. Не знаю, если тока получче станет – приду. Машину-то пришлешь за мной? А то у меня ноги совсем отказываются...

– А как же! Конечно! Давай только выздоравливай...

На праздники Елистрат надевал свой единственный выходной пиджак, на котором красовались три награды, полученные в годы войны:

медаль «За отвагу», орден Красной Звезды и медаль «За победу над Германией».

Были у него ещё с десятков разных юбилейных медалей и даже ордена Отечественной войны, но их Елистрат не надевал никогда, просто хранил в коробочках вместе с удостоверениями. То ли считал их незаслуженными, то ли стыдно было перед теми фронтовиками, которые не дожили до этих юбилеев и которым не достались такие награды, а особенно совестно было перед теми, кто погиб на фронте: уж они-то, считал Елистрат, трижды достойны всех этих наград.

Может, и прав был дед – его боевые награды, без окружения многочисленными новенькими медалями, смотрелись как-то внушительнее, несмотря на их малое число: каждый видел, что это настоящие фронтовые награды и невольно проникался уважением к ветерану.

...Очередное утро Елистрат встретил на ногах – в доме стало холодно. «Надо бы печь подтопить», - подумал старик и глянул на подтопочный железный лист: на нём лежала аккуратная кучка дров. Видно, его помощница, Лидия Макаровна, с вечера заготовила. Заглянул в печь – и там наложены дрова, а промеж них – лучинки и скомканная старая газета для растопки, остаётся только чиркнуть спичкой. «Молодец», – мысленно похвалил он Лиду.

Эта женщина уже несколько лет была его помощницей от райсобеса, к пенсии ему делали доплату на работницу, которая мыла, стирала, убиралась в доме, готовила обеды и ходила в магазин за покупками. Елистрат ещё и от себя добавлял ей немного денег, потому как она и дров наколет, и в огороде уберётся, и в огороде весной картошку и кое-какую мелочь посадит.

Работала Лида добросовестно, только, как почти у всех жителей деревни, у неё была непомерная страсть к водке, так что она могла день-другой и прогулять. Но при этом не забывала проведать старика – мало ли что может понадобиться. Елистрат сильно не придирался, потому что в деревне найти непьющего помощника было просто нереально. Для порядка иногда журил Лиду, и та извинялась, но обещаний никаких не давала, потому что хорошо себя знала.

Елистрат чиркнул спичкой, полюбовался, как споро язычки пламени обнимали полешки и весело потрескивали, увлечённые своим привычным делом. Укрощённый огонь – не стихия, смотреть на него приятно и бесхлопотно, жар струится в комнату как из камина. Минуту-другую старик постоял у печи, потом прикрыл дверцу и вернулся на кровать. Укрывшись одеялом, согрелся и задремал. Пару раз просы-

пался и вставал, чтобы подбросить в топку дрова, и снова ложился спать. Часа через полтора в доме стало тепло и уютно, кости прогрелись, и тело перестало ныть. Тут и горячий чай подоспел, после которого дед почувствовал себя почти совсем здоровым.

Лида в этот день не пришла. «Обойдусь как-нибудь», - подумал Елистрат. Перед сном выпил рюмку водки, в задумчивости посмотрел на отрывной календарь над столом и сорвал листок – завтра уже восьмое мая. Обычно лист отрывал он утром следующего дня, а тут, видно, в ожидании Дня Победы хотел, чтобы быстрее проходили эти тягостные будни накануне главного праздника в году. Лёг спать рано, но сон всё никак не приходил – мысли крутились вокруг будущего митинга, потом память унесла его в далёкие военные годы, снова и снова Елистрат переживал тяготы и ужасы войны и никак не мог избавиться от этих воспоминаний...

Вдруг за окном послышалось гудение машины, потом пьяные голоса, и следом раздался стук в дверь. Дед лежал, не собираясь вставать и встречать незваных гостей. Горницу освещал лишь тусклый свет ночника у изголовья кровати. Стук становился всё настойчивей, из-за двери кричали: «Открывай, всё равно сломаем дверь!». Старик молчал и не знал, что делать, потом встал, приподнял матрас и вынул оттуда черный целлофановый пакет с чем-то увесистым. Шагнул за печь, где у него стояло ведро, выполнявшее функции ночного горшка, который стоял на узеньком магазинском ящичке из-под фруктов, сунул пакет в ящик, затем вернул ведро на своё место. На всё про всё ушло полминуты. Дед вернулся на свою постель и стал ждать развязки...

Дверной крючок от ударов и пинков ногами подпрыгивал и шатался, но держался в железной петельке, пока, наконец, новый сильный удар не заставил его выпрыгнуть, и тут же дверь распахнулась. На пороге стояли трое пьяных парней. Все, как один, бритоголовые, в куртках с капюшонами, спортивных брюках и кроссовках. Тот, что постарше, обратился к Елистрату:

– Ну что, дед, к празднику приготовился? Накрывай поляну! Ты же ветеран, поди. Значит, деньги хорошие получаешь?

Елистрат молчал. Тот, что поменьше ростом, с глумливой рожей, заглянул в холодильник и обнаружил там лишь полбутылки водки, кусочек сыра и немного варёной колбасы:

– Негусто, хозяин. Ты чо такой бедный? Или скупой?

Дед молчал. Третий парень, совсем молодой, бледнолицый, старался не смотреть на деда, отводя глаза в сторону и не поддерживая разговора.

Старший открыл шкаф и вынул оттуда праздничный пиджак деда:

– А чо у тебя, дед, так мало наград? Плохо воевал, что ли? Или ты эти медальки купил на базаре? Ты смотри – «За отвагу», а это «Красная Звезда»... Какие такие подвиги совершил, а, дед?

Елистрат не отвечал – что тут скажешь? Что он в их годы бил фашистов, что медаль получил за то, что вынес с поля боя под обстрелом фрицев своего боевого товарища, что орден получил за форсирование Днепра и занятие с группой бойцов плацдарма на вражеском берегу?

– Чо молчишь, старый хрен? – Вопросал незванный гость, тот, что постарше, снимая награды с пиджака и пряча их себе в карман. – Говори, где деньги, мы возьмём и уйдём. Тока не ври, что у тебя их нет...

Елистрат сидел на своей кровати, и предательская слеза катилась по его щеке. Даже когда хоронил жену, он не плакал, хотя было очень горько. А тут от обиды за свою беспомощность и наглость этих, по сути, внуков-правнуков сердце не выдерживало, и не было сил терпеть дальше это издевательство:

– Уходите, – тихо прошептал Елистрат.

– Мы уйдём, давай деньги, сволочь старая!

Один из парней держал деда за руку, а главарь бил старика по лицу кулаками. Наконец, эта экзекуция надоела им, и они бросили Елистрата на пол. Приподняв матрас, бандиты обнаружили там белый целлофановый пакет и в нём сберкнижку на тысячу рублей, паспорт, ещё какие-то документы и несколько сотенных ассигнаций.

– И это всё, что у тебя есть? Ни за что не поверю! – Главарь стал пинать ногами лежащего на полу старика.

Младший в это время налил себе рюмку водки и залпом выпил её, затем вытер рот листком календаря, который дед с вечера оставил на столе.

Обыскав шкаф, буфет, холодильник, бандиты не нашли больше ничего ценного.

– Ладно, смываемся, – скомандовал старший. – Дед, видно, надолго отключился...

Утром Лида, придя в дом Елистрата, обнаружила там лежащего на полу хозяина – лицо его было в синяках и ссадинах, изо рта выбежала струйка крови и застыла на подбородке. Тело было уже холодным, и

Лида в ужасе бросилась звонить в милицию. Вскоре нагрянули три сотрудника, Лиду и её соседку Катю взяли понятыми, и обе присутствовали при осмотре тела и жилья ветерана. Пакет с документами валялся на полу. Милиция изъяла бутылку с остатками водки и отпечатками пальцев, сняли отпечатки пальцев на дверцах шкафа, холодильника и буфета.

В доме больше ничего не было, кроме нескольких стульев и большой рамки со старыми фотографиями на стене. В подполье тоже ничего не нашли, кроме проросшей картошки и нескольких свеколок и морковок. Помойное ведро и его содержимое не заинтересовали милиционеров, и вскоре тело Елистрата увезли на экспертизу. Лида повесила замок на двери и ушла к себе – сотрудники сказали, что привезут Елистрата только после праздника, десятого мая.

День Победы был испорчен произошедшим событием. Праздника не получилось. Скорее, его можно было назвать поминками по последнему солдату Сосновки. Возмущались все, клеймили позором преступников. Прошёл слух, что заезжих криминальных гастролёров уже поймали, но денег при них не нашли, изъяли только награды Елистрата.

Тело ветерана привезли сразу после праздника. Администрация взяла похороны на себя, а Лиду и её подружку Катю упростили обмыть Елистрата и одеть во всё чистое. Подруги попросили мужиков положить деда на пол, а потом мы, де, сами управимся. Мужики сели на солнышке погреться и покурить, а Лида с Катей принялись за дело. Лида на правах хозяйки, пусть и временной, заглянула за печь, сняла со стены полиэтиленовый оранжевый тазик и налила туда холодной воды.

– Ведро-то, поди, надо вынести, – сказала Катя. – Пахнет от него нехорошо. Да и ящик этот тоже выбросить надо.

Она приподняла ящик, и оттуда выпал чёрный пакет с чем-то увесистым:

– Глянь-ка, Лида, чо я нашла! Это же деньги! И много!..

– Тише ты, дура! – прошептала Лида. – Молчи! Всё – пополам, поняла?

Катя кивнула головой. Молча рассовали за пазуху, в лифчики по пять пачек тысячерублёвых купюр.

– Это же целый миллион! – не могла успокоиться Катя, сроду не выдававшая таких денег.

– Да заткнись ты! – оборвала её Лида. – Давай мыть Елистрата и одевать, долго он у нас так лежать будет раздетым?

Без обычных причитаний и разговоров о бренности бытия провели они скорбную процедуру, вынесли ведро и ящик с пустым пакетом на помойку за сараем, и Лида скомандовала мужикам:

– Заносите гроб и укладывайте Елистрата!

Похоронили последнего солдата без особых почестей, помянули в его же доме, который после поминок Лида закрыла на амбарный замок.

Лисапед

С Натальей Митрофановной я познакомился вот при каких обстоятельствах.

Это было много лет тому назад. После смерти отца нас у матери осталось семеро – мал мала меньше. Поскольку прокормить такую ораву и тем более собрать старших в школу мать не могла, органы опеки посоветовали ей отдать старших детей в интернат, а младших оставить при себе. Бедная моя мама, как ни печалилась, а согласилась на этот шаг – другого выхода не было. Не могла же она допустить, чтобы дети голодали и мёрзли, ходили в школу в одном тряпье и терпели бесконечные издевательства знакомых и незнакомых добрых людей. Тем более что детский дом находился в пределах досягаемости – в соседнем селе, и мать могла хотя бы изредка навещать своих чад, да и мои две старшие сестры и брат могли приезжать домой на каникулы. В общем, посчитали это самым благоприятным выходом из трудной жизненной ситуации, как теперь говорят чиновники.

Со мной было сложнее – я был средний, мне шёл шестой год, и через год я должен был пойти в первый класс. Мама никак не могла решиться – отдавать ли меня в интернат или оставить при себе. Наслушавшись рассказов старших своих родных о том, как замечательно и интересно в детдоме, я тоже стал настойчиво проситься в детдом, который представлялся мне раем на земле: и кормят вкусно, и одежду дают бесплатно красивую и добротную, и в походы ходят, и у пионерского костра собираются, и кино смотрят.

В конце концов, мои капризы были вознаграждены, и мать решила отдать меня в интернат, хотя бы на какое-то время. «Ну, куда те-

бя такого маленького?» - причитала мать, хотя все бумаги уже подписала, а вскоре и машина пришла из детдома за мной. До начала учебного года оставалось ещё несколько дней, но воспитанники уже малопомалу собирались с каникул, которые провели, видимо, в своих семьях. Учитель рисования, Филипп Андреевич, от нечего делать (уроков ещё не было) вознамерился написать мой портрет. Портрет – это, пожалуй, слишком громко – детдомовский художник делал лишь карандашные наброски: получалось очень похоже, только выражение лица было слишком грустное и серьёзное для пацана. Уж не знаю, чем привлекла его моя физиономия, но пару дней подряд мы просиживали с ним в классе – я позировал, он сидел напротив и рисовал в альбоме, добиваясь ему одному известного результата.

На третий день Филипп Андреевич попросил меня сходить в сельский магазин, это недалеко от интернатовских ворот, чтобы купить мягкие карандаши для рисования. Художник дал мне монету в пять копеек, и я отправился в первое самостоятельное путешествие в незнакомой местности.

В магазине смешанных товаров была очередь. Женщины, как всегда, выясняли отношения, переругивались и толкались, никак не умея договориться о спокойном продвижении к прилавку. Наверное, потому, что каждая боялась: именно ей не достанется дефицитной сметаны или двухсотграммового кусочка колбасы, который установлено было давать «в одни руки». Я прилепился в самом конце бурлящей очереди, зажав в кулачке свой пятак.

Очередь двигалась медленно, потому что много времени уходило на споры, в которые неизбежно вовлекалась и продавщица, она время от времени угрожала: «Будете драться и ругаться, вообще отпускать не стану!». Очередь ненадолго стихала, но вскоре какая-нибудь нетерпеливая возмутительница спокойствия опять проявляла излишнюю прыть и пыталась протиснуться вперёд. Наблюдать эту картину было интереснее, чем сидеть в пустом классе с учителем, который то молчал, то доставал меня вопросами.

И вот в магазине появилась она. Женщина неопределённого возраста в светло-коричневом костюме, из-под пиджака выглядывала белоснежная кофточка с отложным воротником и рюшами спереди. Белые туфли на каблучке и круто взбитый шиньон на голове дополняли этот портрет самоуверенной и немного высокомерной дамы и делали её очень непохожей на местных бестолково одетых и неухоженных женщин.

– Здравствуйте, Наталья Митрофановна, – подобострастно загалдела очередь. – Проходите, пожалуйста!

Только что принимавшие участие в потасовках местные колхозницы потеснились, чтобы дать ей пройти к прилавку. Однако Наталья Митрофановна не торопилась, обратив внимание на меня, стоявшего в хвосте и не очень заметного:

– А ты что тут делаешь? Новенький? Из интерната? Воровать пришёл? – вопросы сыпались из неё как из пулемёта, так что я не успевал вставить ни единого слова. Наконец, она потребовала: – Отвечай!

– Меня Филипп Андреевич отправил в магазин, чтобы купить карандаши. Мягкие, для рисования. Вот, – я разжал ладонь и показал пятак, чтобы доказать, что я никакой не вор, а тоже покупатель.

– Дайте ему карандаши, пусть идёт, – повелела Наталья Митрофановна продавщице, и та уже ласково, насколько ей позволяла высокая должность завселямагом, обратилась ко мне:

– Тебе какие карандаши?

– Мягкие, простые, – я положил пятак на прилавок, она дала мне два карандаша и одну копейку сдачи.

Наталья Митрофановна уже по-хозяйски расположилась напротив продавца и продолжала повелевать, когда я выходил на улицу.

Оказалось, что таким образом я познакомился со своей будущей учительницей и классной руководительницей, грозой всех детдомовских пацанов и девчонок тоже. Её дом стоял как раз напротив ворот интерната, и вся его территория была перед окнами Натальи Митрофановны как на ладони. Впрочем, в окна ей заглядывать не очень-то приходилось – целыми сутками она пропадала в интернате, уходя с работы порой только после отбоя, когда мы уже засыпали. Девчонки позже рассказывали, что у неё есть сын трёх или четырёх лет, только с кем он оставался на целый день, не знали – наверное, с бабушкой. Школьники за глаза называли грозную учительницу Митрофанушкой.

Вскоре после начала учебного года к нам в детдом приехали шефы – спонсоры, как теперь говорят. Это были представители двух-трёх предприятий, которые прибыли не с пустыми руками, а привезли подарки: проигрыватель грампластинок для пионерской комнаты, картину про Ленина в Горках с детьми и стопку книг для библиотеки.

Важные дяди и тёти говорили речи о доброй Партии, которая заботится обо всех нас и создала нам такие замечательные условия для учёбы и развития. Только меня это не очень радовало – я всё ещё находился под впечатлением первой половины общешкольной линейки.

До приезда шефов директор произнёс грозную речь о нарушителях дисциплины и заставил всех мальчишек вывернуть карманы, потом прошелся по рядам и внимательно рассмотрел содержимое. У кого обнаружил в карманах махорку, заставил выйти вперёд и жевать табак. У ребят наворачивались слёзы на глаза, но директор был неумолим: он заставлял жевать и глотать махорку. Одного пацана даже вырвало тут же, в школьном коридоре. Ему дали тряпку и заставили убирать за собой, а остальным директор сделал строгое предупреждение: «Ещё раз замечу, что курите, - отправлю в колонию для несовершеннолетних. Там с вами чикаться не будут!». Что такое «чикаться», директор не пояснил, но я понял, что будет хуже, чем на нашей линейке...

Линейка проходила в длинном школьном коридоре, где выстроились все наши восемь классов, последними были первоклассники, соответственно, я как самый маленький ростом стоял в хвосте общешкольного строя.

От грустных размышлений меня разбудил чей-то участливый голос:

– А ты, малец, что такой невесёлый? У вас сегодня праздник, а ты чуть не плачешь! Посмотри, сколько подарков школе привезли!

Мужчина даже взял меня на руки и спросил:

– А ты какой бы хотел подарок?!

– Лисапед.

– Что-что?!

– Лисапед, – тихо повторил я. – Такой трёхколёсный, чтобы можно было из него сделать двухколёсный, и чтобы был звонок и сиденье кожаное. И фонарик спереди...

В общем, обрисовал я свою мечту как мог.

– Ладно, будет тебе велосипед, но в следующий раз. Хорошо?

Мне не оставалось ничего, кроме как согласиться.

С этого момента я почти каждый день в свободное от уроков время стоял у железных интернатовских ворот и подолгу смотрел на дорогу – не едут ли шефы? Однажды Наталья Митрофановна увидела меня за этим, без сомнения, глупым занятием и сделала серьёзное внушение, чтобы я не тратил время зря и что когда к нам приедут шефы, она известит всех заранее.

Шефы появились во второй раз только к Новому году. Как уже было заведено, вся школа выстроилась на линейку. Опять звучали речи о том, как хорошо в Стране Советской жить, и как о нас, детях, заботится Партия, которую мы все должны благодарить за счастливое детст-

во. Я был не против благодарить кого угодно, потому что увидел среди подарков, которые будут вручать, свою мечту – обещанный велосипед. И тот добрый дядька стоял рядом. Оказалось, что это был первый секретарь райкома Партии. В заключение своей речи он сказал:

– В прошлый раз я обещал тут своему маленькому другу подарить велосипед, вот мы привезли этот подарок. – Он разыскал меня глазами. – Подойди сюда, держи. Нравится?

У меня не было слов, от волнения даже не мог сдвинуться с места. Выручила Наталья Митрофановна:

– Ну что же ты? Скажи спасибо Евгению Николаевичу! Возьми велосипед. Но помни: он не только твой, но всей школы, всех ребят...

Мой «лисапед» решили поставить в пионерской комнате. И, так как стояла зима, покататься можно было лишь в просторном коридоре спального корпуса, в котором и находилась пионерская комната. После уроков мы частенько бывали там: играли в шашки и шахматы, читали, разучивали стихи и песни или просто дурачились, если куда-то отлучались воспитатели.

Зимние каникулы многие из нас провели дома, и я в том числе. Как бы ни было хорошо в интернате, а дома – лучше. Потому что дома мама, и это обстоятельство перетягивало все плюсы детдома: не надо было ни вкусной еды, ни хорошей школьной формы, ни кино, ни увлекательных мероприятий, когда рядом мама. Но всё хорошее когда-то кончается, закончились и каникулы. В детдом я тоже торопился ехать, ведь там меня ждал мой велосипед.

Мать передала меня дежурному воспитателю, а сама той же машиной вернулась домой – шофёр даже не заглушал двигатель, ожидая её. Первым делом я помчался в пионерскую комнату, но там меня ждало разочарование – велосипеда не было. Воспитательница ничего не смогла ответить на вопрос, куда подевался мой «лисапед», и только развела руками, дескать: что я могу поделать?!

С трудом я дождался начала занятий и на первом же уроке спросил Наталью Митрофановну про велик: куда он пропал?

– Ну что ты со своим великом, достал уже. Нет – значит, нет. Всё равно сейчас зима, кататься не будешь. И вообще: ты на уроки пришёл? Вот и занимайся, а про велосипед забудь!..

Лицо у нашей «класски», и без того вечно недовольное, на сей раз было перекошено от злобы – можно было подумать, что это я украл велосипед и мне грозит за это самая суровая кара. Но наша Митрофанушка просто сказала «Садись!» и продолжила урок...

Велосипед не появился ни на другой день, ни на третий, и спрашивать о нём воспитателей и тем более свою классную руководительницу я боялся. Перед сном я представлял, как наступит весна, и мы будем кататься на нём по ограде интерната, а, может, даже и по улице, если разрешат.

На уроках Наталья Митрофановна становилась ко мне с каждым днём всё придирчивее и постоянно старалась уколоть меня обидными прозвищами и замечаниями:

– А ну-ка, кто сейчас пойдёт к доске? К доске пойдёт..., – она делала томительную паузу, а потом с удовольствием ставила жирную точку в клетке против моей фамилии: – А пойдёт наш самый лучший зубрила...

Она называла мою фамилию, и все смеялись. Позже, став взрослым, я понял: учитель при желании может как угодно манипулировать классом, чтобы создать невыносимо негативное общественное мнение вокруг той или иной персоны. В чудовищно большой мере власть педагога сродни власти какого-нибудь тирана, и люди с не очень высокими моральными принципами, с моей точки зрения, просто не имеют права быть педагогами. Но тогда, в свои семь лет, я, конечно, не мог думать о таких вещах. Я просто выходил к доске и читал стихотворение, которое задавали «на дом». При этом зубрить мне вовсе не приходилось, потому что я легко запоминал стихи, для этого мне достаточно было два-три раза прочитать вслух или про себя творение из трёх-четырёх строк. Но как бы я ни старался, Наталья Митрофановна в итоге делала замечание:

– Поставила бы пять, но, думаю, четвёрки хватит – читал без выражения, – выносила она приговор.

Мне было, конечно, обидно, но причину такого отношения я постичь не мог, и слава Богу!..

Мало-помалу время шло, и наступил долгожданный май. Скоро каникулы! Мы радовались яркому солнцу, наступившим теплым дням, весёлому гомону птиц, даже свежей зелени на обочинах дорог. Сопки вокруг посёлка стали ярче и рельефней, потому что тёмные пятна хвойных вечнозелёных сосен и елей уже перемежались светлыми радостными тонами свежей зелени лиственных деревьев. Весна!

Но в один из майских дней случилось невообразимое. До сих пор стоит в глазах картина того ужаса, которому почти все детдомовцы стали свидетелями. Я уже говорил, что дом Натальи Митрофановны находился как раз напротив ворот интерната. Однажды нашу учитель-

ницу срочно вызвали с уроков, она бросилась бежать, даже не надев верхней одежды. Мы гурьбой выскочили сначала на крыльцо, а потом и побежали к воротам. То, что мы увидели, было выше наших сил, и вскоре воспитатели загнали нас в спальный корпус, запретив выходить на улицу.

А увидели мы вот что: около дома учительницы произошла авария, какой-то водитель стоял на коленях у обочины и плакал, как ребёнок. Напротив него, на другой стороне дороги, тоже на коленях, стояла Наталья Митрофановна. Мы её даже не сразу узнали – волосы растрёпаны, взгляд какой-то дикий, затравленный, а что она кричала, даже и не вспомнить!.. Она держала на руках тельце своего четырёхлетнего сына и собирала с проезжей части одной рукой какие-то красно-серые сгустки, пытаясь уложить их на место, в маленькую черепную коробку, которая от удара была наполовину разможжённой. Рядом лежал покорёженный велосипед.

В спальном корпусе мы долго не могли прийти в себя и даже не обсуждали происшествие – настолько все были шокированы произошедшим. Ночью мне приснился кошмар: будто это я еду на велосипеде по улице, а навстречу мне мчится с огромной скоростью грузовик с испуганным водителем за рулём. Я проснулся, слава Богу, за секунду до столкновения. Но потом долго боялся заснуть. Огляделся по сторонам – никто не ворочался, все потихоньку сопели. Вскоре и я заснул.

Целую неделю уроки у нас вела воспитательница, а когда пришла Наталья Митрофановна, мы поразились произошедшей в ней перемене: она не красилась, волосы были уложены кое-как, на плечи была накинута какая-то старушечья шаль, и сама она сразу постарела. И хотя она не ругалась, не повышала голос, тишина в классе была гробовая. Охотников нарушить дисциплину так и не появилось до конца учебного года.

Вскоре мы разъехались на каникулы, а к 1 сентября мне уже не нужно было возвращаться в детдом – мама вышла замуж, и отчим, переписав всю ораву на себя, перевёз семью в другой район, где ему предложили хорошую работу...

Лет через двадцать я приехал в село, где раньше был наш детдом, – интернат, оказывается, расформировали давным-давно, осталась только школа для сельских детей. Я поинтересовался, как живёт Наталья Митрофановна, и мне рассказали, что вскоре после того случая у неё умерла мать, она осталась одна, стала чудить и в конце концов

сошла с ума, её даже продержали несколько месяцев в психбольнице, но позжепустили – не буйная, и ладно. Потом у неё случился пожар – дом сгорел, и она стала жить, где придётся.

Сердобольные старушки давали ей кров, добрые люди – старую одежду и обувь. Питалась тоже, чем придётся: кто даст кусок пирога, кто краюху хлеба. Когда я увидел её воочию и поздоровался, она меня, конечно, не узнала. Я не стал ей напоминать о себе – зачем?

Как Гагарин помирил меня с Федькой

Детство всегда дышит счастьем. И наше послевоенное детство тоже было счастливым. Многострадальная страна ещё залечивала раны недавней войны, ещё ходили по российским дорогам сотни и тысячи покалеченных мужиков, умудрявшихся работать, будучи без руки или ноги (а у нас был сапожник без обеих ног!), но народ верил в светлое будущее, которое обязательно настанет – стоит только хорошенько потрудиться! А мы, послевоенная оптимистичная детвора, начитавшись Жюль Верна и наслушавшись рассказов по радио о грядущих полётах на Луну, грезили о ракетах и космических путешествиях в неизвестные миры. Нет, не подумайте: мы мечтали не только об этом, но частенько спорили о том, кто будет первым в космосе – наш, советский, человек или американец? Конечно, всегда побеждало мнение, что наши будут первыми! Потому что наша страна самая-самая, и никто её не сможет опередить! И мы уже не раз видели в вечернем небе медленнодвигающуюся мерцающую звёздочку – спутник полетел!

Понятно, что при таком раскладе верить в Бога было как-то не с руки. Тем более, что и по нашей деревне уже не раз ходили агитаторы из партячейки и требовали от домохозяек снять атрибуты, по их мнению, отжившей веры: иконы, распятия, лампадки и вообще домашние иконостасы, украшенные рушниками и искусственными цветами. Но семейские бабы стояли твёрдо и не давали уничтожить свои раритеты, имевшие трёхсотлетнюю давность. Те же агитаторы ходили по дворам и заглядывали в стайки – нет ли лишней свиньи или коровы в хозяйстве (можно было иметь при Хрущёве только одну свинью или одну корову, прочее изымалось). Потому агитаторов не очень жаловали в наших деревнях, хотя в остальном народ был в основном законопослушным, особенно после того, как в тридцатых годах многих зажиточных

крестьян лишили имущества и отправили в ссылку – как у нас шутили: из Сибири в Сибирь.

Хорошо помню воскресенье перед самым гагаринским полётом, потому что это была Пасха. Прошедшая жестокая война укрепила в людях веру в Бога, пошатнувшуюся было с наступлением науки и техники, пропаганды и агитации.

А Пасху праздновали в народе всегда, и верующие, и неверующие. И даже иноверцы. Все леспромхозовские бабы наряжались в крепдешины и панбархат, а семейские надевали свои яркие сарафаны и богато украшенные кички в жемчугах и камнях, янтарные бусы размерами порой чуть ли не с куриное яйцо! Церквей не было, и потому многие шли на кладбище – считалось, что там самое святое место. Да так и было.

А мы, малышня из начальной школы, устраивали катания крашеных пасхальных яиц на горке, что возвышалась прямо над небольшим и уютным посёлком лесорубов; сопка называлась Халзановская, потому что была лысой, только на самой вершине её росли сосны, окружённые каменистыми склонами (по-бурятски халзан – лысый).

Яйца на Пасху красили все – и верующие, и неверующие, коих было большинство. Игра с пасхальными яйцами заключалась в том, что нужно было так ударить яйцо соперника, чтобы повредилась скорлупа. Чьё яйцо осталось целым – тот и победитель, он забирает трофей у соперника. Поначалу я не знал, что тут есть небольшая хитрость – если подставить тупой конец, то почти на сто процентов победит соперник, который бьёт острым концом своего пасхального яйца. Этим моим невежеством и воспользовался Федька Коляда, выигравший у меня все три яйца, принесённых из дому.

– Неси ещё, если мамка даст, может, тебе тоже повезёт! – хитро улыбался счастливец, которому остальные пацаны не спешили доверяться.

– Санька, да он тебя обманывает – надо острым концом подставлять и острым бить, когда твоя очередь! – Окружившие нас сверстники были поопытнее...

Зимой на этих крутых склонах ребятня каталась на санках и лыжах, а в тёплое время пацаны устраивали здесь игры в «войнушку», разделившись на «русских» и «немцев». Пересечённая местность с неглубокими оврагами и живописными скалами, как нельзя лучше, подходила для этой цели. Забавно было, когда Баир, Лубсан и Нима, имевшие ярко выраженное азиатское обличье, становились «немцами» или

«русскими» по обстоятельствам и условиям игры. Зато литовец Пятрас Ясюнас всегда возглавлял команду «немцев», потому что имел, по нашему общему мнению, чисто «немецкую» внешность – длинный нос, оттопыренные уши и выпученные глаза навывкате: именно такими должны быть, по нашему убеждению, все немцы!

Накануне я стырил у соседки тёти Ани Батымовой небольшую, но крепкую дощечку, которой она закрывала курятник, и смастерил себе автомат с помощью ножовки и изоленты. Мне казалось, что моё оружие самое что ни на есть «советское», а вот мой вечный соперник Федька Коляда был другого мнения. Надо заметить, что мы с Федькой попеременно возглавляли команду «русских», но на этот раз, хотя была моя очередь стать командиром «советских» бойцов, Федька презрительно сказал, увидев мой «автомат»:

– Будешь немцем. И автомат у тебя немецкий, и сам ты похож на немца!..

– Ах ты гад! Ты зачем тёте Ане сказал, что это я украл её дощечку? Решил меня подставить? Сам ты немец, предатель! – я набросился на своего обидчика и сбил его с ног. Через секунду он уже сидел верхом на мне и яростно колошматил меня по лицу.

Странные выкрутасы порой делает жизнь: кто бы мог подумать в тот момент, что через десяток лет я буду преподавать немецкий язык в родной деревенской школе?!

Но в тот момент нам было не до размышлений о будущем: отчаянно пытаюсь перехватить инициативу в схватке, мы катились вниз по склону, а ребята, окружавшие нас, пытались остановить «войнушку» без правил:

- Ну, хватит вам! Давайте вытянем жребий, кто будет командиром!

Две хвоинки решили судьбу командирской должности для «русских»: длинная досталась мне, а покороче – Федьке, который вынужден был смириться с моей победой. Началась «войнушка», и тут уже мне пришлось выяснять отношения с Ясюнасом и его командой «фрицев»...

В середине ожесточённой «Сталинградской битвы», как мы её называли, мы вдруг разом остановились, услышав из посёлка тревожное звучание рупора на местном клубе, построенном лишь год назад и ставшем гордостью посёлка лесорубов. Между прочим, благодаря талантливому кинорежиссёру Александру Итыгилову, наш клуб, разрушенный до основания в лихие 90-е годы, навсегда остался жить в кадрах фильма «Продаётся медвежья шкура»: четыре узнаваемых дере-

вянных колонны и невысокий фронтон с козырьком, на котором и закреплён был алюминиевый громкоговоритель, вещавший с шести утра до десяти вечера на весь посёлок.

Услышав голос Левитана, мы всполошились: не началась ли правдашняя война?! Мы видели, как к зданию клуба сбегались со всех сторон свободные от работы граждане (была середина пасхальной недели). Просторная клубная площадь быстро заполнялась людьми: продавщицы, навесив замок на магазин, тоже бросились к центру событий, расположенная рядом школа отреагировала внеочередным звонком, и ребята из второй смены оживлённой толпой приближались к клубу. Мы, естественно, взволнованные и озадаченные, бросились туда же. И уже на подходе увидели, что никакая это не война: люди бросали шапки в небо, наперебой кричали радостными голосами и обнимались со встречными и поперечными. И, подойдя поближе, услышали то, чего так долго ждали:

– Советский человек – первый в космосе!

У всех на глазах были слёзы радости и гордости за нашу Советскую Страну. Было такое ощущение, что каждый считал себя причастным к этому событию, будто он лично участвовал в создании ракеты и запуске её в космос. Все обнимались и целовались, плакали и смеялись. Обнялись и мы с Федькой, оба светя свежесделанными «фонарями» под глазами – все обиды и ссоры ушли куда-то в небытие, сделав нас в одну секунду крепкими друзьями, которым под силу любые испытания! Такого счастья мы не ощущали никогда! Мы ещё даже не знали имени первого космонавта, никто не мог сказать, потому что начало сообщения застигло всех врасплох, и люди плохо соображали. Но Москва, видимо, учла это обстоятельство, и Левитан повторил снова Сообщение ТАСС о первом полёте человека в космос. И мы узнали, что первого космонавта зовут Юрий Алексеевич Гагарин. «Всё-таки мы, а не американцы!» – гордо говорили все и снова обнимались, радостно крича и плача.

Вот так высоко летевший в космосе Гагарин помирил нас с Федькой в далёком сибирском селе, «войнушка» в этот день больше не продолжалась, а командир «немцев» Пятрас Ясюнас горячо обнимал нас с Федькой как родных и любимых братьев.

Ясюнас вместе с несколькими литовскими семьями уехал на историческую родину в середине 90-х; тогда же приехавшие из Литвы поисковики эксгумировали всех захороненных в Сибири земляков, сосланных когда-то Сталиным за пособничество фашистским оккупан-

там. На леспромхозовском кладбище остались лишь массивные литовские кресты из чугуна и железобетона, напоминающие об этой странице в истории посёлка лесорубов...

...А в тот вечер, 12 апреля 1961 года, мы непривычно долго сидели на тесной деревянной скамейке возле дома и всматривались в звёздное небо – не пролетит ли над нами храбрый витязь из новой сказки Юрий Гагарин?

Колодец

– Ну вот, значит, шёл мужик мимо колодца – настроение хорошее, солнышко светит, душа радуется, птички поют – благодать Божия... Подошёл мужик, значит, к колодцу да и крикнул туда: – А! А в ответ ему: – Б! Он туда: – В! А ему: – Г!!! Заглянул тогда мужик в колодец и удивился...

Тут дед Матвей, как всегда неожиданно, по своему обыкновению, замолчал, вроде что-то припоминая, а потом начал рассказывать совсем другую историю. У него так частенько случается: в середине рассказа, обычно на самом интересном и захватывающем моменте, он как бы теряет мысль или нить повествования и либо продолжает рассказ, оставив за кулисами несколько событий и продолжая из другого места, либо вовсе начинает излагать другую историю. Либо просто засыпает, и тогда вернуть его к уютной беседе у костра нет решительно никакой возможности. Пока не проспится и не продолжит сам, как ни в чём не бывало, иногда даже так удачно, что именно с оборванного полуслова.

Одним словом, дед был ещё тот, а нам, молодым лэповцам, в то время его рассказы заменяли и телевизор, и радио, и компьютеры, о которых мы тогда и слыхом не слыхивали. Молодые и здоровые, мы могли в то время весь тёплый летний вечер просидеть своей бригадой у костра, с одной лишь бутылочкой водки, выпивая из кружки, которая неспешно ходила по кругу и делала разговоры откровенней и задушевней. Это было, кажется, году в тысяча девятьсот шестидесятом, может, чуть раньше или позже. Мы в те времена прошли пол-Сибири, строя линии высоковольтных электропередач и зарабатывая на электрификации просторной окраины по тем временам немалые деньги.

Дед Матвей с некоторых пор стал к нам наведываться из соседнего села, благо, что жил на окраине Покосного. Ну да, того самого, о котором поётся в песне: «А вокруг у села Покосного хороводят берёзки с соснами, и пускай тот, кто не был в Лэпии, завидует нам». Мы Пахмуту любим – она в те годы написала много хороших песен: и про Братск, и про Усть-Илим, и про Иркутскую ГЭС, и про Ангару...

Дед Матвей много побродил по белу свету, пока не осел в Покосном: начиная с двадцатых годов, сразу после Гражданской, он освоил строительство колодцев, а поскольку мастеров таких было мало, то и заказы сыпались изо всех ближних и дальних деревень. Работы хватало от весны до поздней осени, и так каждый год.

Строить колодцы – особое искусство, тут многое нужно знать – и где вода находится, какой глубины делать шахту, чтобы среди зимы или по весне вода не ушла; какую древесину подобрать для сруба, чтобы он простоял лет пятьдесят, не сгнивая; как укрепить подводную часть, чтобы она не осела и не разрушилась. А то ещё раньше делал журавлики – большей частью ими доставали воду из колодцев в деревнях, это много позже стали делать срубы с воротом, на который наматывалась цепь с ведром. Опять же цепь нужна хорошая, сталистая, чтобы ржавчина не портила воду. Чтобы вода всегда была чистой и студёной, на дно колодца надо положить слой речного песка, сверху присыпать его галечником. В общем, много было хитростей и секретов, которые теперь, пожалуй, никому не нужны: даже на дачах стали забивать трубы и устанавливать насосы, так что обходятся без колодцев. И всё-таки колодец – это не какая-то там ржавая труба или бетонный ствол, это поэма, сказка, романтика!..

Сколько с колодцами связано былей и небылиц! Дед Матвей знал их бессчётно и мог рассказывать неделями. Мы слушали, как заворожённые. Однажды поведал он малоправдоподобную историю из своей практики, предупредив, однако, чтобы мы не смеялись, потому что ничего он не придумывал, а рассказал всё, как случилось.

Было это в середине или в конце тридцатых годов, время трудное и непростое. Хотя, с одной стороны, жить стало веселее – позабылись тяготы и беспредел революции и Гражданской войны, голод начала тридцатых. Матвей в те годы уже не был подмастерьем, работал самостоятельно. Однажды пригласили его в деревню Н. (тут дед сделал строгое лицо и отметил – «Не буду называть, какую»). Молодые хозяева построили хороший дом, баню, стайки, а вот соорудить колодец

сами не смогли – пригласили Матвея, как самого известного мастера в округе.

– Дед, а ты видел звёзды из колодца? Говорят, даже ясным днём из колодца видны звёзды? – спросил кто-то из сидевших у костра.

– Нет, не видел ни разу. Враки всё это про звёзды, только кусочек неба видно, такое же синее. Но я видел кое-что поинтереснее, но не на небе, а в глубине колодца. Вот слушайте.

Сговорились мы, значит, о цене, столовался я у них, место мне отвели в сениях, в кладовочке поставили топчан, по летнему времени нормальное жильё. Со мной работал, правда, ещё пацан лет тринадцати-четырнадцати – подмастерье, его отправили на сеновал. Пацана Спирькой звали, Спиридон, значит, по-взрослому. Одному-то несподручно рыть колодец, надо ведь отвал кому-то подавать, ну там и самому подняться-спуститься помочь надо, да мало ли что?

Вот, значит, докопался я до водоносного слоя, это метра четыре слишком будет, смотрю: земля подо мной мокреть начала – значит, скоро вода наберётся в мою ямину. И тут копнул я ещё немного сбоку, а оттуда – не поверите! – золото и каменья драгоценные посыпались как ручьём! Я опешил: что делать? Время было строгое, меня и без того уже несколько раз милиция задерживала – не шпион ли? почему по деревням ходишь, место жительства постоянно меняешь? Запросто в те годы мог загреметь в лагеря. Говорят же – не всякой находке радуйся! Потому и решил от греха подальше не трогать это богатство, а прикопать его поглубже, чтобы с водой кто не поднял случайно наверх.

– Дядь Матвей, чо там у тебя такое? – сверху спрашивает мой помощник.

– Да так, потом скажу, подымай наверх!..

Когда закончили работу, я в последний вечер рассказал Спирьке, что обнаружил на дне колодца. Подмастерью моему было невдомёк, почему я это отказался от такого богатства:

– Ведь можно было за эти деньги безбедно прожить до скончания века...

– Ага. Если бы сам не скончался раньше срока...

Вскоре мы получили расчёт и ушли в другую деревню на заработки, только я не знал, что перед уходом Спирька рассказал хозяину дома о том, какой клад таится в его колодце.

...Летний сибирский вечер набирал крепость: вокруг стало темно и прохладно. Дед Матвей молчал, глядя на золотые язычки пламени, и

явно думал о продолжении истории, потому что хитро улыбался и неодобрительно качал головой. Зная характер нашего знакомца, ребята стали упрашивать старика:

– Ну, дед, не томи, ты ведь знаешь, чем закончилась история с колодецем?

– Знаю, как же. Года через два мы снова оказались в той деревушке.

– И что же там?

– А вот что. Слушайте...

Пришли мы со Спиридоном к тому месту, где раньше строили колодец, а дома-то и нету – одни обгорелые останки от него. А колодец наш стоит, цел и невредим, только сруб сверху заколочен напроочь.

Стали мы расспрашивать тогда, что же случилось с хозяевами, и соседи поведали жуткую историю. Такие чудеса, что дыбом волоса. За что купил, за то и продаю.

После нашего ухода спирькины слова про клад никак не давали покоя хозяину – всё думал, как добыть этакое богатство, прямо под носом у него хранящееся. И ведь как оно оказалось на такой глубине-то? Какой дурак будет копать яму в несколько метров, чтобы спрятать драгоценности? Загадка!

Думал-думал мужик и придумал: подцепил вместо ведра к журавлику нечто вроде поддона; сам журавль утяжелил дополнительным грузом, чтобы человека сподручнее было спускать-поднимать; приготовил мешок, самодельный сачок из дуршлага, примотанного к черню от лопаты; ведро привязал к длинной веревке, а бабу свою поставил помощницей. Спустился в колодец, а вода в нём небольшая была – с метр или чуть больше глубиной. Сунул свой дуршлаг в воду, чуть пошурудил им, и вот уже что-то блеснуло в полумраке сквозь слой воды. Черпнул и вынул поближе своё орудие – мать честная! Там золотые монеты, какие-то камни разноцветные блестят, переливаются.

Крикнул мужик бабе своей: спускай, мол, ведро на веревке. Наполнил его драгоценностями и отправил наверх. «Там в мешок сразу ссыпай, чтоб никто не увидел ненароком!» – это он бабе наказал. Набрал второй раз ведро, потом третий. Потом попробовал копнуть ещё – нет, ничего, вроде бы, нет. Решил подниматься. Оказалось, набрал сокровищ почти полмешка, пуда три с гаком будет. Решили спрятать клад в амбаре. Вечером заснули, уставшие, но довольные.

– Ну, дед Матвей, ты даёшь – кто же клады по три пуда зарывает, да ещё на такую глубину?! – раздался у костра голос одного из скептиков.

Мы же тогда коммунизм строили, все были атеисты и в сказки разные не верили. Сказка, вот она – вся Сибирь в электрических огнях и электропоездах...

– Попал пальцем в небо, да в самую серёдку, – возразил дед Матвей. – Не любо – не слушай, а врать не мешай. Не хочешь слушать, как врут другие, ври сам.

Старик обиженно замолчал.

– Да ладно, не обращай внимания, дед. Рассказывай дальше, интересно же, чем всё кончилось. На-ка вот, смочи горло, – протянули мы деду Матвею кружку с остатками водки. Дед выпил и продолжал:

– Ну вот. Спят, значит, молодые, а среди ночи вдруг шум какой-то в сенях и мерзкий такой звук угрожающий – не рычание, а что-то похожее на соболиную угрозу. Соболя ведь, не смотри, что маленький, а очень свирепый зверь. От его рычания мороз по коже. Так вот, это было похоже на соболя, или на медведя, но послабее медвежьего, угрожающий такой звук – страшно! И давай эта невидимая тварь дверь грызть, да так, что вскорости образовалась дыра такая, что и морда стала видна крысиная. Только крыса была раза в три больше обычной. Баба поспоровистей, видно, была – на стол вскочила, где лампа стояла керосиновая. А мужик на кровати от ужаса застыл, потому что эта крысиная тварь не одна была, а за ней протиснулись в отверстие ещё с десятка мерзких чудовищ. И бросились все на мужика, в несколько минут разорвав ему плотку и залив всю постель кровью. Баба в ужасе была, но самообладания не потеряла – схватила лампу, открутила с неё головку с фитилём и бросила горящий фитиль на пол, а следом вылила из лампы весь керосин. Огонь занялся знатный, так что все крысы быстренько выскочили из дому, а баба, чтоб самой не сгореть, накинула на себя одежку и выбежала следом. Дом уже весь был объят огнём, так что вокруг стало светло как днём. Крыс нигде не было, и только из колодца доносилось их мерзкое рычание, потом и оно стихло.

Соседи проснулись, бросились дом тушить с ведрами и баграми, но где там! Сгорел дотла. А вот амбар с сокровищами остался цел. Баба посмотрела – сокровища на месте, только мало радости было от этого: она поняла, что ночное нападение крыс как-то связано с этим кладом.

Утром явилась комиссия во главе с милиционером, чтобы выяснить все обстоятельства ночного происшествия. Сначала стали подозревать бабу в убийстве мужа и попытке с помощью пожара скрыть свою вину. Но баба повела их в амбар и показала клад. Ошарашенная комиссия стала осматривать сокровища и составлять акт. Но пересчитывать все камушки и монеты было бы нереально – месяц бы сидели, составляя акт. Решили написать общий вес – получилось три пуда с лишком. Опечатав ценный груз, вызвали сотрудников НКВД, и только в их сопровождении милиционер согласился везти ценный груз в городское отделение Госбанка. Два сотрудника НКВД и милиционер часа через полтора после осмотра места происшествия были уже в городе. Управляющему банком предъявили акт на три пуда сокровищ и опечатанный мешок. Тут же вскрыли мешок, чтобы уже официально подтвердить изъятие клада. Но в мешке оказались только крысиные кашки, серо-чёрный помёт, издававший отвратительный запах.

Говорят, энкавэдэшников и милиционера арестовали, обвинив их в присвоении клада и долго пытали, так ничего и не добившись. Дальнейшая судьба их неизвестна, а баба куда-то уехала из деревни. Местные жители, напуганные этой историей, наглухо заколотили злосчастный колодец...

Посиделки наши у костра уже подошли к концу, завтра всем рано вставать, да и дед засобирался домой – в деревне загорелись огоньки. В темноте казалось, что они совсем рядом. «Близко видно, да ногам обидно», - сказал дед Матвей, сделав шаг в сторону от догоравшего костра. Скоро он растворился в темноте, будто его и не было.

Инвентарная Галя

Глава первая

Менты, по их ориентировкам, задержали меня на вокзале как сбежавшую из дома и определили в детскую комнату милиции. В детскую – потому что несовершеннолетняя, мне только недавно исполнилось шестнадцать, а я уже третий раз сбегаю из дома. Школу я бросила, родителей ненавижу больше, чем учителей, и как теперь жить – не представляю. В довершение ко всему мой парень связался с моей бывшей лучшей подругой, и теперь у меня ни парня, ни подруги. Зашибись!..

Сию вот на продавленном диванчике в детской комнате милиции, напротив меня, за обшарпанным светло-жёлтым фанерным столом, – девица в милицейской форме, кажется, лейтенант. Ну да, две звёздочки. Из-под серой пилотки выглядывают такие же жёлтые, как стол, кудри. Глаза не то чтобы строгие, но какие-то презрительные и высокомерные, как почти у всех ментов, если только они не пьяные и не в добром расположении духа.

Сейчас она, наверное, заведёт обычную песенку: «Что же ты думаешь? Почему бросила школу? Как дальше жить собираешься? Куда собиралась ехать? Почему не устраиваешься на работу?». Она, скорее всего, не настоящий милиционер, в том смысле, что по образованию наверняка какой-нибудь педагог или инженер по соцсоревнованию. Да, так и есть: вон на кителе значок пединститута прикручен с открытой книжкой и гербом СССР. Точно, педагог. Потому и поставили с детьми заниматься. А школу, видимо, как и я, не любит, хотя кто её знает...

– Ну, так что, Климова, рассказывай, как докатилась до такой жизни? – это она, значит, начала воспитательную беседу со мной. «Ага, курица мажорная, щас я тебе начну душу изливать! Жди!».

– Что молчишь? Нечего сказать?

Меньше всего мне сейчас хотелось бы с кем-то разговаривать о своих проблемах. Всё равно я никому не нужна, и никто мне не поможет, пока сама не выкарабкаюсь из этого дерьма. Смешно даже думать, что помогут менты, у них одна метода: ловить, страшать, наказывать, угрожать и, в конце концов, спихивать другим, кто не так перегружен работой, как они.

Родителям я оставила письмо: «Сволочи! Вам пишет ваша бывшая дочь. Я ненавижу вас и проклинаю. Я просила вас, как родителей, отдать мне документы. Вы не дали мне возможности жить. Суки. Отныне я буду шататься по свету». На конверте написала: «Мой адрес вам не нужен». Быстро же они обнаружили моё послание, если уже через несколько часов милиция начала на меня охоту в подвалах и на вокзалах.

Серёже я тоже написала письмо, но не отправила, оно со мной: «Я ни минуты не живу без мысли о тебе. Да живу, пожалуй, только потому, что есть ты, мой родной. Ты злой, грубый, наглый – я знаю. Но, Серёжа, ты можешь быть и ласковым, и нежным. Жаль только, что не со мной. Конечно, ты никогда не узнаешь об этих моих мыслях. Я пишу это только для себя...».

Вспоминаю свой последний день в школе. Мне кажется, наша молоденькая учительница ждёт звонка с урока так же страстно, как и мы. Ей главное – лишь бы не шумели, а чем мы там занимаемся, её мало интересует. После школы мы собираемся где-нибудь в подвале и говорим обо всём на свете, домой идти не хочется. Я всегда завидовала тем, кто с радостью мчится после школы домой, где их ждёт вкусный обед и любящие родители, которые не твердят постоянно, что ты тупая, что ты ни на что не годишься, что ты дрянь, которая не должна была появиться на белый свет...

Ненависть непостижима. И правда: мне никогда не понять, за что меня так ненавидит собственная мать, которая, по всем представлениям, должна бы любить и лелеять своё дитя, оберегать его от жизненных невзгод, а главное – уметь прощать и всегда защищать своего ребёнка, как им бы он ни был. Но это в теории, а на практике слишком часто встречаются между родителями и детьми очень непростые, порой нетерпимые отношения... Как, откуда рождается такая ненависть?! Уму непостижимо!.. Впрочем, на свой счёт у меня есть кое-какие соображения.

Наша соседка, тётка Матрёна, люто ненавидевшая мою маму, рассказала мне в приступе доброты (или ненависти?) историю, много проясняющую: в молодости они обе пользовались успехом у одного и того же парня – Степана Беспородного, красивого и самоуверенного, долго и настойчиво ухаживавшего, но не спешившего делать предложение. Матрёна оказалась дальновиднее и не подпускала к себе близко ухажёра, а вот моя мать не устояла. В результате Степан исчез надолго из села, как только узнал, что мать моя беременна. И появилась я, плод несчастной любви опрометчивой «брошенки». Ну, хорошо: ненавидь ты своего изменщика Степана, но я-то тут при чём? Почему всю ненависть к своему бывшему ухажёру мама перекинула на мои плечи?..

Прервав постылые думы, я смотрю по сторонам, изучая кабинет: слева от стола моей начальницы шкаф грязно-жёлтого цвета со стеклянными дверцами, краешек одного стекла отколот, и кусочек стекла лежит на полке внутри шкафа. «Наверное, хотят приклеить его», – подумала я. На полках стоят несколько разноцветных детских книжек и игрушки: маленькие машинки, какие-то домики, резиновая лягушка и кукла. Кукла в нарядном белом платье в синий горошек, с яркой фиолетовой лентой и бантиком на поясе, с пушистыми, почти белыми, вьющимися волосами и голубыми фарфоровыми глазами. Кукла мне

понравилась. Может быть, потому что своим существованием как бы доказывала: есть и другая жизнь, счастливая и весёлая, праздничная и радостная. Наверное, кому-то повезло больше, чем мне, потому что у меня такой куклы никогда не было, как вообще не было игрушек и ничего похожего на эту принцессу со сказочной планеты, где нет страданий и ненависти.

Мои грустные размышления прервал громкий детский плач за дверью, которая через секунду распахнулась, и в кабинет вошёл молодой милиционер, державший за руку девочку лет трёх-четырёх.

– Лена, – обратился милиционер к хозяйке «детского» кабинета, – девочка потерялась. По словам очевидцев, не потерялась, а брошена. Её, видимо, мама привезла на такси, оставила в зале ожиданий вокзала, а сама уехала с той же машиной...

«М-да, – подумала я. – Похоже, она моя подруга по несчастью. Только я сама сбежала от родителей, а эту малышку, кажется, мамаша бросила».

Девочка плакала, не переставая, и требовала маму. Лейтенант Лена усадила её на стул и вынула из кармана кителя карамельку:

– Хочешь конфетку? Как тебя зовут?

Девочка не отвечала и продолжала плакать. Кажется, у неё была настоящая истерика. Милиционер ушёл, а лейтенант осталась один на один с новой проблемой. Наконец, Елена достала из шкафа куклу и вручила девочке:

– Посмотри, какая красавица! Её зовут Галя. Нравится?

Девочка молча кивнула головой.

– Это будет твоя дочка. Ты её мамой будешь, хорошо? Скажи, чтобы Галя не плакала, поиграй с ней. А тебя как зовут?

– Малина...

– Марина, наверное, да?

Девочка снова кивнула головой.

Хитрый педагогический ход возымел действие, и скоро Марина увлечённо разговаривала с куклой, поправляла ей причёску и платье, то усаживала Галю на диванчик, то брала на руки, чтобы баюкать. Лейтенант Лена блаженно улыбалась, потому что на время проблема была решена. Но кто знает, сколько протянется эта пауза в истерике, ведь причина её не устранена.

Я наблюдаю за этой картиной и немного отвлекаюсь от своих тяжёлых дум. Хотя нет, я продолжаю думать о своём житье-бытье, но странное дело: мои мысли движутся уже совсем в другом направлении

нии. Я думаю о том, что положение этой девочки намного хуже, чем моё: Марину никто не ищет, она, видимо, не нужна своей матери. А мои родители? Они ищут меня, несмотря на то, что я наговорила и написала им кучу гадостей. При этом у меня есть возможность вернуться домой, я могу сама принимать решения, потому что уже почти взрослая, а эта малышка отныне, может, обречена скитаться по приютам и детдомам. Кто знает, чья судьба завиднее?!

Вскоре в дверях появился всё тот же милиционер:

– Приказано доставить найденную девочку в приют, я отвезу.

– Хорошо. Мариночка, давай, поедешь с дядей – там тебя накормят вкусненько, уложат спать. А потом и мама найдётся. Дай мне куклу, я посажу её назад, в шкафчик, это её домик...

Марина не поддавалась на уговоры лейтенанта Лены:

– Я хочу Галю с собой, мы с ней будем вместе спать.

– Нет, Мариночка, нельзя. Это кукла инвентарная, её нельзя выносить из кабинета, она у меня на подотчёте, я за неё отвечаю, понимаешь?

Девочка не хотела понимать, почему инвентарную Галю нельзя взять с собой. На глазах её снова появились слёзы. По лицу лейтенанта Лены пробежала тень смущения: видимо, в ней боролись между собой жалость к девочке и долг ответственного работника милицейского учреждения. Кажется, ответственный работник победил – Лена просто вырвала куклу из рук Марины, закрыла инвентарное изделие в шкаф, а безутешная девочка проследовала за милиционером, влекомая за руку. Марина плакала, но её никто уже не слушал – к подобным сценам, в милиции, наверное, уже привыкли, так что слабостям здесь не место, приходится проявлять иногда жёсткость.

Девочку увели, и больше я её никогда не видела.

Глава вторая

Из детприёмника меня забрали родители.

Мама, только появившись на пороге ментовки, стала ругаться и причитать, будто артистка на сцене в привычном своём репертуаре. Но по глазам её теперь я видела: она рада, что я нашлась. В конце концов, когда лейтенант дала ей расписаться в протоколе, мама уже миролюбиво обратилась ко мне: «Ну, что? Пойдём домой, горе ты моё луковое!...».

На прощанье я повернулась к шкафу, где сидела за сломанным стеклом большеглазая инвентарная Галя, и помахала ей рукой: «До

свидания, Галочка!». Лейтенант лишь усмехнулась и ответила за куклу: «До свидания! Надеюсь, больше не увидимся?!». «А уж как я-то на это надеюсь!» – подумалось мне, но вслух я ничего не сказала, стараясь не нарываться на скандал...

Теперь я дома.

Поселковый совет помог мне устроиться на завод учеником токаря. Вместо паспорта дали временную справку, по которой и приняли на работу. Хожу в десятый класс вечерней школы. Моя мама рада, что я вернулась. Дома меня никто не ругал, просили только больше не убежать. Да я и сама, пожалуй, никогда больше такого не сделаю.

Написала письмо Серёже, да передумала – порвала. Ни к чему. Надо будет – и здесь найдётся парень, а лучше всего пока что вообще без них обойтись. Одни проблемы только.

Моим учителем на заводе стал токарь Паша Петухов, он очень хороший специалист. Думаю, может многому меня научить, чтобы освоить рабочую профессию. Мне нравится моя работа. Нравится, что платят за неё настоящие деньги. Настоящие – это заработанные мною самой, а не выданные на расходы мамой или отчимом. Деньги небольшие, но как радостно делается на душе, когда расписываешься в ведомости на получение зарплаты. Нравится, как я умело управляюсь со станком, хотя вчера ещё не подозревала о его существовании. Нравится, как стружкой сбегает металлическая стружка с обрабатываемых деталей, стружка похожа на серпантин, отливающий холодным серебряным блеском... Нравится, как Паша терпеливо объясняет мне секреты токарной профессии и как он смотрит на меня – совсем не так, как учителя в школе. Хотя для меня он сейчас учитель. Иногда Паша прикасается к моей руке, и тогда я вспоминаю Серёжу. Но Паша совсем не такой, как Серёжа – Серёжа грубый, наглый и, кажется, ещё ни дня не работал, живёт на шее родителей, хотя на два с лишним года старше меня. Паша деликатный, обходительный и немного застенчивый. Кажется, он даже поцеловать побоится – по крайней мере, обязательно спросит разрешения. Не говоря уже о грубых требованиях чего-то большего.

Скоро Новый год – надо купить украшений на ёлку...

Глава третья

Иногда я вспоминаю плачущую девочку Марину и инвентарную куклу Галю. Станным образом незнакомая девочка и милицейская кукла помогли мне понять самое себя и кое-что в этой жизни. Размышляя

над этим случаем, я начинаю фантазировать: что, если бы Лена в нарушение своих обязанностей подарила несчастной девочке эту куклу? Наверное, лейтенанта бы не уволили и даже вряд ли бы наказали.

Я представляю, как лейтенант Лена в конце своего дежурства пишет рапорт милиционерскому начальству: «Я, такая-то такая, будучи при исполнении служебных обязанностей, подарила куклу Галю (инвентарный номер такой-то) девочке Марине, отправленной в приют. Прошу наказать меня за своеволие по всей строгости закона!».

Что за чушь! И придёт же такое в голову!

Лучше бы подумать о том, как мы будем встречать Новый год. Всей семьёй. Весело и радостно. Как в детстве.

Варежки

Катка Волынина нравилась мне с первого класса. Не только потому, что была отличницей и самой красивой девочкой в классе, это само собой разумеется. Но она никогда не насмеялась надо мной, когда другие смеялись, никогда не отказывала, если я попрошу карандаш или ручку, и даже списывать иногда позволяла, если я не сделал домашнее задание, – за несколько минут перемены я успевал перекачать себе в тетрадь одно-два решения или упражнение по русскому. Мы не сидели за одной партой, даже наоборот – её парту была в начале первого ряда, а моя – в конце третьего. Это если говорить о шестом классе, когда случилась с нами неприглядная история.

Катя у нас была санитаром класса. Она носила на левой руке белую повязку с красным крестом, а на фартуке у неё красовался значок с таким же крестом и надписью «Школьный санпост». Не знаю, есть ли теперь в школах такая должность среди активистов-учеников. Волыниной поручалось на протяжении года следить за санитарным благополучием одноклассников и каждый день записывать результаты в особую тетрадь, отмечая состояние наших ушей, шей, волос, рук и одежды. Уши грязные – минус балл, шея не мыта – тоже, волосы или ногти не стрижены – ещё минус, одежда неопрятная – снова минус. Не знаю, как кому, а мне Катя всегда ставила плюс. Даже если у меня не всё в порядке с одеждой или руки грязные – всё равно ставила маленький такой, стеснительный плюс.

Однажды, в конце второй четверти, наша одноклассница Дуся Чернецова пришла в школу в новых варежках. Мало ли какие бывают у девчонок обновы? Пацаны даже и не заметили бы, если б не одно но. Девчонки, не переставая, восторгались этими варежками, просили примерить и глядели на себя в зеркало, прикладывая обе ладони к лицу, чтобы в рамке отражались эти бесподобные варежки, которые, как они считали, делали обладательницу настоящей королевой. По-моему, они преувеличивали. Варежки как варежки. Может быть, чуть красивее, чем у других: малинового цвета с фиолетовой резинкой, по-верху обшитые сияющим бисером разного цвета, и связаны они из какой-то очень пушистой шерсти – может быть, мохера или ангорки, теперь уже не помню.

Дуську девчонки забросали вопросами – где купили? сколько стоят? хорошо ли греют? а поносить дашь? – и прочими благоглупостями, на которые женский пол горазд. Так было два дня подряд, а на третий...

На большой перемене примчалась взбудораженная классная дама Евдокия Петровна и приказала срочно собрать всех. Когда все уселись на свои места, Евдокия Петровна поднялась из-за учительского стола и начала тоном, не предвещавшим ничего хорошего:

– Ребята, вы все уже достаточно взрослые, чтобы понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Так вот, вчера у нас в классе произошла кража. Да. У Дуси Чернецовой пропали из портфеля варежки. Кто это сделал? Лучше сознайтесь сразу, отдайте варежки, и мы забудем об этом инциденте.

В классе воцарилась гробовая тишина. Евдокия Петровна испытующе осмотрела поочередно каждого, пытаясь, видимо, на лицах прочесть некое смущение или ещё какие-либо признаки виновной души. Но большинство смотрело безукоризненно честными глазами, даже как бы демонстрируя – «Мне нечего скрывать». Другие, напротив, сидели, опустив глаза и боясь взглянуть на грозную классную руководительницу. Не подозревать же их всех.

И тут меня осенило: вчера, когда на перемене я заглянул в класс в поисках товарища, там была одна Катя – она что-то быстро спрятала в свой портфель, я только успел заметить нечто блестящее малинового цвета. Неужели Волынина? Я не мог себе представить, что вот сейчас её, примерную ученицу и пионерку, выставят на позор перед всем классом.

Глянул в первый ряд – лица Катькиного я не мог видеть, она сидела далеко впереди, опустив голову.

– Ну что? Так и будем играть в молчанку? Я ведь не отпущу вас, пока виновный не сознается, весь класс будет страдать. Взять чужое хватило смелости, а сознаться – нет?..

Евдокия Петровна сделала жутко длинную паузу, в течение которой ещё раз окинула всех взглядом. И тут я не выдержал, поднял руку:

– Это я, Евдокия Петровна...

– Выйди сюда к доске, Касимов.

Я вышел и встал рядом с учительским столом.

– И как же ты, Игорь, допустил такое безобразие? Воровать вообще плохо, а у своих друзей тем более...

Класс загудел, посыпались предложения: от девчонок – исключить из пионеров, от парней – набить морду. Я стоял, понутив голову, крас-ка стыда залила лицо, хотя уж сам-то я точно знал, что ничего не крал. Но когда против тебя тридцать человек, да ещё так единодушно него-дуют, лучше провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть этой все-общей ненависти. И только один человек не разделял единодушного мнения – это Катя Волынина. Она сидела за своей партой, не подни-мая головы.

– Волынина. Ты, как председатель совета пионерского отряда, что думаешь об этом поступке Касимова?

Катя встала из-за парты и тихо сказала:

– Не знаю.

– Нужно быть принципиальной, Катя. Тебе доверили руководство отрядом, ты и должна первой предложить решение.

Катя молчала. Евдокия Петровна поправила очки на носу и про-должила:

– Ну, хорошо, садись. А ты, Касимов, встань в угол, будешь там стоять сегодня до конца уроков. Вынь руки из карманов! Руки по швам. Вот так... Завтра решим, что с тобой делать. И не забудь принести утром варежки!..

Тут зазвенел звонок, Евдокия Петровна помчалась на урок в другой класс, а ко мне угрожающе приближалась группа парней. Но в дверях появилась математичка, и я бы спасён от расправы, по крайней мере, на сорок пять минут...

Насчёт «принести варежки» – я этого, конечно, не ожидал. Что же я скажу завтра? Ведь у меня их нет. На следующей перемене синяк я, конечно, схлопотал от одноклассников, так и простоял с фингалом до конца смены.

Назавтра экзекуция продолжилась. Евдокия Петровна примчалась в класс ещё до начала первого урока и сразу начала с приказания:

- Касимов, встань! Варезжки принёс?!
- Нет.
- Почему?
- Я... Я их сжёг в печке, здесь же, в школе...
- Зачем?
- Не знаю.

Дальнейший допрос не дал никаких результатов, а после уроков назначили пионерский сбор. Не хочу даже вспоминать о наказаниях, которые придумывали мои добрые одноклассники, но до крайней меры – исключения из пионеров дело не дошло, хотя такие предложения были. Евдокия Петровна всё же решила применить свой педагогический авторитет и спросила наиболее ярых сторонников этой идеи:

– А вот сознаться в плохом поступке – это хорошо или плохо? Наверное, не каждый бы смог. А Касимов смог. Значит, он не совсем плохой пионер, ведь признание своей ошибки – это путь к исправлению. Правильно, ребята? Ну, вот... Катя, что же ты? Веди пионерский сбор! – И Евдокия Петровна продиктовала:

«Кто за то, чтобы оставить Касимова Игоря в рядах пионерской организации?...».

Катя обречённо повторила её слова и все проголосовали. Единогласно. Из школы мы шли с Катей вместе. Поначалу разговор не клеился. Потом я спросил напрямик:

- Это ведь ты, Катя? Я же видел...

Она утвердительно кивнула головой.

- И куда же ты их дела?

– А я, правда, сожгла их в печке в тот же день, когда ты увидел, что я прячу в портфель.

- И зачем ты их взяла? Ты что, думала, будешь их носить?
- Нет, конечно.
- Тогда зачем?
- Не знаю.
- Дура ты, Катька! – сказал я со смехом, и она согласилась:
- Точно, дура. – Сказала она и засмеялась сквозь слёзы.

Соседки

Деревня у нас хоть и небольшая, но дюже интересная, скажу я вам. Вроде бы ничего особенного, а присмотришься: мать честная!.. Взять, к примеру, что все жители вот уже много лет больны одной и той же болезнью. Болезнь не болезнь, а так, наваждение какое-то. Если, скажем, купил кто-то из деревенских машину или выиграл, не дай Бог, в лотерею, наавтра никто из ближних, по крайней мере, соседей с постели встать не может: болят все бока, настроение паршивое, аппетита нету, и разговор не клеится. И наоборот: если, положим, потерялась у тебя корова или захворал кто-то из домашних серьёзно, то соседи с утра встречают тебя с широкой радостной улыбкой и всё время норовят спросить эдак участливо: «Как дела? Как настроение?», предвкушая сладостный ответ страдальца. Люди готовы простить вам всё: кражи, прелюбодеяния и сквернословие, даже убийства. Всё – кроме успеха и удачи.

Болезнь неизлечимая, она только принимает всё более уродливые формы – прогрессирует, как сказали бы доктора. И чем больше денег витает вокруг, попадая в более удачливые руки, тем сильнее симптомы опасной этой болезни, что называется одним словом – Зависть.

Тётка Лукерья редко попадала на язык местным сплетницам – жила она давным-давно одна-одинёшенька, была приезжая, не из местных, а потому держалась в стороне от пересудов и распрей. Местные жили некими кланами – родственники и друзья стояли друг за друга горой, а вот приезжих не любили только за то, что они де чужие.

Лукерья была из западных, к которым у закоренелых сибиряков издавна было насторожённое отношение. В начале войны эвакуировали аж за Байкал с оккупированных немцами территорий часть жителей Украины и Белоруссии. После войны многие вернулись в родные места, а Лукерья осталась в Сибири, потому что здесь вышла когда-то замуж, здесь вырастила детей и похоронила мужа. На Западе у неё никого не осталось. Была одна сестра младше её на два года, да и с той разминулись при эвакуации: Галю в какой-то детдом отправили, а Лукерья была повзрослей и сама определилась на работу, жильём каким-никаким эвакуированных обеспечивали. Так и получилось, что доживать ей довелось в сибирской Николаевке. Секрет был в том, что её родная деревня на Украине называлась точно так же – Николаевка,

потому и полюбила Лукерья с молодых лет эти края, ставшие родными, несмотря на косые взгляды новых односельчан.

В брежневские времена была такая блажь у местных властей – обеспечить всех животноводов и интеллигентов (сюда причисляли учителей, фельдшеров, завклубами и счетоводов) двухквартирными домами. Пролетариев (то бишь, местные промышленные предприятия) обязывали построить в год не менее двух-трёх домов для развития деревни.

И понастроили таких домов – не меряно. Нет, процесс сам по себе положительный и немало способствовал улучшению жилищных условий местного населения. Но, как всегда, власти не учли менталитет облагодетельствованных. Каждому человеку хочется иметь не просто жилище, но отдельный дом, где бы он мог чувствовать себя полным хозяином и не спрашивать у соседа, когда ему следует спать, а когда принимать гостей.

А тут – у каждого жителя вроде надзирателя: кто пришёл-приехал к соседу, сразу знает вся деревня, поругались муж с женой – всем известно, как он её обозвал, как она его величала. Петь и плясать в своём доме стало несподручно, на улицу тем более не выйдешь в свержесёлом настроении – того и гляди, в милицию заметут. Это раньше, бывало, возьмёшь в руки гармошку и айда по улице всей гопкомпанией с песнями плясками. Теперь не то.

Но вернёмся к разговору о Лукерье. Они с мужем получили квартиру в таком вот двухквартирном доме лет тридцать назад. Муж Семён был механизатором широкого профиля, Лукерья работала завсельмагом, так что семья на деревне была не из последних.

Во времена всеобщего дефицита завмаг на селе стал чуть ли не главной фигурой – к ней шли на поклон даже большие начальники, потому как этот самый дефицит шёл исключительно через лукерьины руки. Чего греха таить: привилегированное положение немного испортило её характер – привыкнув, что все перед ней лебезили, выпрашивая то и это, она не терпела в свою сторону никаких поползновений, привыкла говорить тоном, не терпящим возражений и поглядывать на односельчан чуть свысока, стараясь при этом не слишком задевать самолюбие деревенских строптивых сограждан.

Детей у них с мужем не было, единственный сын умер в младенчестве от дифтерии, а больше Бог не дал им потомства. Семён скончался, едва уйдя на пенсию, так и осталась Лукерья доживать свой век в одиночестве.

Оставшись одна, Лукерья не раз вспоминала свою младшую сестру Галю, пыталась найти её даже через телепередачу «Жди меня», каждый выпуск которой смотрела с надеждой на чудо. Но шли годы, а телевизор молчал об её потере, зато вдоволь наплакалась Лукерья, глядя на встречи других людей, через десятки лет нашедших друг друга.

В один прекрасный день двухквартирный дом, где жила Лукерья, покинули соседи – молодая пара завербовалась на севера, продали квартиру пожилой женщине, приехавшей откуда-то из Заполярья. Многие годы она работала бухгалтером на каком-то руднике и, видимо, подкупила изрядно деньжат, потому что купила квартиру, не торгуясь, хотя приехала с одним чемоданом. Всю обстановку приобрела на месте, даже купила козу, чтобы пить ежедневно свежее и полезное молочко. Кроме этих скудных сведений да имени Галина о новой жилище Лукерья ничего не знала, да и не особенно пыталась узнавать, потому что невзлюбила соседку сразу – всё по той же причине зависти: новая соседка приехала при деньгах и никому не кланяется.

Может, из вредности, а, может, случайно соседка назвала свою козу Лушкой – так в детстве звали Лукерью. Из-за этой козы и получилась у двух соседок настоящая война. Нет, не из-за имени: однажды эта Лушка перемахнула каким-то чудом через забор и оказалась в соседском огороде, где успела навести свои порядки на грядках и отведать несколько капустных кочанов, дело-то было в конце лета.

Лукерья, как увидела в окошко незваную гостью, аж зашлась от ярости – схватила толстую жердину и давай лупить козу куда попадая. Однако Лушка увёртывалась умело и при этом продолжала топтать грядки самым нещадным образом. На шум и лукерьины маты выскочила из дому Галина и, вместо того, чтобы урезонить свою животину и увести домой, принялась отбирать у Лукерьи её увесистое оружие. В схватке соседки наставили друг другу синяков и утихли лишь когда обеих покинули старушечьи силы, а коза Лушка, так ничего и не поняв, продолжала угощаться с соседского огорода. Наконец, Галина ухватила свою Лушку за ошейник, потащила в свой двор и привязала верёвкой к столбу посреди огорода – вот, мол, тебе пастбище. А сама поспешила писать заявление в милицию о нанесённых ей и козе увечьях, самыми серьёзными из которых были пара синяков на руках Галины и ушибленная нога у козы, животное стало прихрамывать.

Соседка тоже не теряла времени даром: накатала жалобу участковому и перечислила нанесённый ущерб да описала свои синяки и ссадины.

Не прошло и месяца, как обеих соседок вызвали в суд. За долгую жизнь обе были в таком учреждении впервые и изрядно оробели при виде судьи-женщины в мантии и с деревянным молоточком в руках.

Первой с места подняли Галину:

– Фамилия, имя, отчество – полностью? Год рождения? Где и когда родились?

– Я Стецько Галина Серапионовна, тысяча девятьсот тридцатого года рождения. Родилась в селе Николаевка Сумской области, на Украине...

Лукерья подскочила с места:

– Так я тоже Стецько – Лукерья Серапионовна, родилась в двадцать седьмом году в Николаевке, эвакуирована из Сумской области Украины...

Обе женщины заплакали и обнялись. Судья, оценив сложность момента, постучала молотком по столу и объявила:

– Перерыв на тридцать минут.

Перебивая друг друга, Галина и Лукерья задавали вопросы, отвечали невпопад и делились воспоминаниями, пока их снова не пригласили в зал суда.

Судья, не сядя в кресло, провозгласила постановление:

– Штраф обеим по пятисот рублей, Галина Серапионовна Стецько должна возместить ущерб Лукерье Серапионовне Матвеевой (Стецько) в размере трёхсот рублей. Постановление получите позже. Все свободны.

Судья нарушила неписаный закон о беспристрастности и посмотрела на обеих сестёр с некоторым участием и состраданием.

Наверное, в первый раз в судебной практике был случай, когда обе истицы были довольны приговором и ничуть не возражали – ещё бы, ведь суд вернул их друг другу через шестьдесят с лишним лет. Так что спасибо суду, козе и огороду.

Правда, всего этого могло бы и не быть, если б с самого начала соседки поговорили по душам.

Уикенд на сеновале

Лёжа на верхней полке плацкартного вагона, Николай пытался заснуть под мерный стук колёс, но сон никак не приходил. После очередного скандала с женой он не мог прийти в себя и успокоиться. Хотя поначалу вечер пятницы обещал быть обычным, конец рабочей недели Николай отметил с друзьями в пивной, поговорили о том, о сём и разошлись. Дома его Наташа, как всегда, завелась с порога, учуяв запах спиртного: и зачем она связала свою жизнь с неудачником, и сколько он будет мучить её и ребёнка своими пьянками-гулянками, и когда это кончится, и почему он не ищет нормальную работу, где платили бы приличные деньги. Деньги для неё были всё, но почему-то они не любили Наталью: через пару дней после николаевой зарплаты кошелек её оказывался пуст, она умудрялась влезать в долги, и конца-края этому не было видно.

Работал Николай на машиностроительном заводе, рядовым инженером, карьеры никакой не сделал, хотя после окончания технологического института прошло уже двенадцать лет, десять из которых они прожили с Натальей. Нельзя сказать, чтобы он не любил свою жену, но, если каждый день после работы видеть её вечно недовольное лицо и слышать одни и те же упрёки, чувства быстро притупляются и сменяются желанием уйти, скрыться, отдохнуть от всего этого. Одна радость – дочка Светлана, она уже большая, нынче пойдёт в школу. Играя с ней, читая ей книжки и рассказывая разные истории, просто гуляя по улицам и парку недалеко от дома, он отдыхал душой. И жизнь не казалась ему такой беспросветной, серой и унылой.

Пятничный отдых дома не удался, Николай поздним вечером, побросав кое-какие вещи в дорожную сумку, отправился на вокзал и купил билет до Михайловки, родной деревни, где его никто не ждал, потому что мама скончалась прошлой осенью, а отец двумя годами раньше. После похорон матери Николай заколотил окна и двери родительского дома и уехал в свой город, не чая вернуться сюда когда-либо.

Ранним утром его ногу тронула проводница:

– Михайловка!..

Николай за несколько минут успел обуться-одеться, даже сбегал умыться и почистить зубы. Поезд притормаживает на станции всего на одну минуту. По правде сказать, никакой станции здесь нет – есть

только небольшая забетонированная платформа и указатель с надписью «Михайловка», а дальше – степь, покрытая небольшим кустарником и редко стоящими деревьями. До самой Михайловки ещё километров пять топтать надо, и автобусы здесь не ходят, разве что какой-нибудь лихач на машине промчится по здешнему бездорожью.

Следом за Николаем из вагона выскочила девушка в джинсах и голубой кофточке, с сумкой через плечо:

– Вы в Михайловку? – спросила она. – Можно я с вами пойду, как будто я ваша подруга, чтобы встречные бандиты не приставали?

– А вдруг я и есть бандит? – усмехнулся Николай.

– Нет, вы на бандита не похожи. И я вас знаю, вы осенью приезжали в деревню, на похороны, я вас видела...

– Вот как? А я тебя не помню. Хотя там некогда было разглядывать по сторонам. Может, и видел, да не запомнил. Тебя как зовут-то?

– Настя. Анастасия Викулина. А вас?

– Николай, Угрюмов. Ну, вот и познакомились.

– А я вас ещё в городе, на вокзале, заметила. Хотела подойти, но постеснялась. К тому же вы такой грустный были. Мне так и хотелось вас пожалеть, только не смейтесь надо мной. У вас какие-то проблемы?

– Да нет у меня никаких проблем. Просто я живу. А жизнь и есть одна сплошная проблема!..

– Ну, нет! Тут вы неправы, – возразила Настя. – Посмотрите, какая красота кругом! Живи и радуйся! Особенно летом, когда столько воздуха, столько простора кругом, так бы и полетела!..

– Я бы тоже не прочь полетать, кабы крылья были...

Настя щебетала всю дорогу: рассказала про то, как она дважды поступала в институт, но провалилась на экзаменах, как устроилась в прошлом году секретарём в сельсовет, как она гостила в городе у подруги, потому что сама сейчас в отпуске, как рада вернуться в Михайловку и как рада, что встретила его, Николая. Тут Настя осеклась, чтоб ничего не подумал такого: просто рада, что есть попутчик, и не нужно идти одной по этому бездорожью.

Николай больше молчал, слушал нежданную попутчицу. А её жизнерадостность и оптимизм действовали на его уставшую и раненую душу как лекарство: боль уходила, становилось легче, и будущее представлялось уже не таким безысходным.

Николай сорвал какой-то полевой цветок, росший у дороги, и вручил его Насте; та зарделась от удовольствия, будто ей преподнесли роскошный букет роз. Она восхищённо глядела на мохнатое фиолето-

вое чудо, подносила его к носу и вдыхала аромат знойного луга, потом протягивала руку вперёд и как бы издали любовалась бесценным даром Николая, сама вложив в цветок множество радостных чувств и волнений, какое доступно лишь очень влюблённому человеку. В конце концов, Настя прикрепилла стебелёк цветка булавкой к блузке и так проществовала с ним до самого дома.

– Ну, вот вы и дошли, – сказала Настя, останавливаясь возле дома с заколоченными ставнями. – Если что понадобится, я живу рядом, вон тот дом с зелёными воротами и беленьким палисадником. Можно я вас поцелую на прощанье?

Не дожидаясь ответа, Настя чмокнула Николая в щёку и поспешила дальше, ещё раз оглянувшись и помахав ему рукой:

– Так вы придёте? – крикнула она.

Николай молчал. Потом повернулся и открыл калитку родительского дома.

Разыскав в амбаре старенький топор, стал, не откладывая дело в долгий ящик, отрывать доски с наличников, открывая ставни давно не видевших белого света окон. Потом сбегал в местный магазинчик и купил краски и кистей, решив покрасить полы в доме и наличники в улицу. Работа нетрудная, и за несколько часов он управился.

Наступал летний вечер, когда Николай присел на крыльце амбара, чтобы отдохнуть и перекусить. И тут в воротах появилась Настя, она несла небольшой узелок, сделанный из беленького платка:

– Вот. Вы не пришли, и я сама решила к вам заглянуть. Принесла вам горяченького – тут картошка с мясом, молоко и хлеб домашний. – Она развернула платок, сотворив из него маленькую скатерть, на которой разместилась добрая краюха черного деревенского хлеба, бутылка молока и эмалированная миска жаркого. Не забыла даже ложку и кружку. – Кушайте!..

Николай немного смутился:

– Да не надо было беспокоиться. У меня тут есть что перекусить.

– Ладно, вы ужинайте, а я проинспектирую вашу работу. Можно?

Днём Николай прошёлся со старой, направленной косою по двору, сплошь заросшему крапивой и полынью, и теперь ограда приняла обитаемый вид, хотя оставались ещё явные следы запустения. Настя прошлась по увядшей за день скошенной зелени, заглянула в дом, где блестели в закатном солнце свежеевыкрашенные полы, поглядела на окна, сиявшие бирюзовой краской, и осталась вполне довольна работой Николая:

– Молодец, времени даром не терял...

Николай тем временем завершил свою вечернюю трапезу, поблагодарил Настю за ужин и закурил, удовлетворённо глядя на родные пенаты. И почему человека так тянет в родные места?!

Вспомнил ранешнюю деревню, она была та же, но совсем другая. Были в Михайловке даже свои юродивые – звали их Ваня-парашютист и Маня-вещунья. Ребятня, хоть и насмешничала, но побаивалась их, а взрослые относились не то чтобы с почтением, но с удивлённым вниманием.

Ваня, тот и зимой, и летом носил вериги, тяжёлые толстые цепи, и блаженно улыбался, когда его дразнили. Поговаривали, что он был когда-то парашютистом, но не раскрылся однажды его парашют. Куда и зачем прыгал, шут его знает, а только остался Коля в живых без права быть несвободным. Вернулся в Михайловку, да только не остался в ней насовсем, а уезжал временами куда-то, иногда надолго, потом появлялся снова, позвякивая цепями и тыкая в небо указательным пальцем, грозил встречным и заставлял сердца сжиматься и трепетать под его бессмысленной улыбкой и обжигающим взглядом мёртвых глаз на ещё живом лице.

Маня-вещунья была толстая старуха с невыносимо безобразным лицом, на котором выделялись крупные, похожие на увядшие помидоры, морщинистые губы, обрамлявшие слюнявый рот с двумя-тремя зубами. На глаза ей старались не попадаться. Потому что Маня редко бывала в благостном расположении духа, а чаще сулила каждому встречному-поперечному разные беды и несчастья, в чём, несомненно, преуспела. Может, потому что радостей в жизни сельчан с каждым годом становилось всё меньше, а неприятностей и бед – хоть отбавляй. Только Богу известно – Маня ли в этом виновата, или судьба у деревни такая. Одно можно сказать точно: после того, как сгинула слюнявая деревенская вещунья, напастей не убавилось...

Странное дело: эти двое могли отсутствовать по несколько месяцев, а то и год, и два, но обязательно возвращались в родную деревню, будто что-то манило их сюда, как рыбу на нерест. Вот и себя Николай поймал на том, что вроде бы и не собирался больше приезжать в Михайловку, а как стало тягостно и невыносимо, как задумался о дальнейшей жизни, так и потянуло в Михайловку.

Родина! Как часто мы клянём её, ругаем, проклинаем, даже иногда ненавидим, смеемся над её простоватостью и неухоженностью, над её наивностью и отсталостью. А она молча терпит эти выходки своих де-

тей, снова и снова принимает нас такими, какие мы есть, снова и снова согревает нас своим теплом и спасает от жизненных невзгод!..

Настя присела на крылечке рядом с Николаем, боясь спугнуть его задумчивость и мечтательное выражение лица.

Наконец, она осмелилась задать вопрос, который сейчас особенно волновал её:

– Николай, а вы надолго приехали в деревню?

Настя надеялась услышать «Навсегда», но Николай молчал, сам ещё, видимо, не решив, как быть дальше.

– Не знаю, Настя, я как-то запутался. Думаю, всё-таки завтра к вечеру нужно возвращаться. Мой уикенд на сеновале закончится, меня ждёт завод, семья, дочка, наконец...

Настя вскинула на него испуганные и умоляющие глаза:

– Не уезжайте, Николай!.. Вы... Я...

Насте так захотелось, чтобы он обнял её сейчас же, притянул к себе сильными руками и поцеловал. Так захотелось, что она расплакалась.

– Дурёха, ты чего? – Николай обнял Настю и спросил: – Тебе сколько лет-то?

– Двадцать три, – сквозь слёзы ответила Настя.

– Ну вот, а мне тридцать шесть, и у меня дочка, и жена...

– Я знаю. Но я, я не могу... Я не могу вас отпустить, я люблю вас!..

Прежде чем Николай успел опомниться, Настя осыпала его лицо поцелуями и крепко-крепко прижалась к нему...

Утром Настя проснулась рядом с Николаем на его сеновале, осторожно просунула голову под его руку, так, чтобы он обнимал её, погладила его густую поросль на груди и прошептала:

– Коля, Коленька, родненький мой... Я всегда-всегда буду любить тебя, только не бросай меня...

Николай ещё спал, но через секунду-другую очнулся от небытия, хотя глаза ещё не открыл, но уже думал о том, как ему быть дальше. Он устал быть виноватым. Перед женой, перед дочкой, теперь вот ещё и перед Настей. Почему нельзя быть просто счастливым? Почему его счастье почти всегда – чья-то боль, чья-то потеря? А, может, он не зря вчера приводил свой старый дом в порядок? Может быть...

Прошло два года...

Однажды Николая пригласил к себе генеральный директор машиностроительного завода Иван Георгиевич Темников:

– Николай Тимофеевич! Я хотел поговорить с вами вот по какому поводу. Вы у нас на заводе работаете уже много лет, последние годы ходили в мастерах, и хорошо себя зарекомендовали, как классный инженер и умелый руководитель, хотя и небольшого участка производства. Мне нравится ваш спокойный деловой тон, уважительное отношение к людям, техническая грамотность. В общем, мы тут обсудили и решили назначить вас начальником цеха штамповки. Цех не самый большой на предприятии, но очень важный в смысле ответственности за выпуск конечной продукции и её качество. Надеюсь, вы не откажетесь? Зарплата вдвое выше, чем у мастера, но и ответственность большая. Как думаете, справитесь?

– Не уверен, но попробовать смысл есть, не ходить же всю жизнь в мастерах!..

– Вот и хорошо, завтра же приступайте к своим новым обязанностям, поработайте недельку, а на следующей планёрке скажете о своём видении будущего цеха, его проблемах, о настрое коллектива. Не бойтесь ошибиться – это дело поправимое, главное не сидеть сиднем, ничего не предлагая и живя по течению. Согласны?

– Да я, вроде бы, уже согласился.

– Ну, тогда удачи, Николай Тимофеевич! – Директор крепко пожал руку новоиспечённому начальнику цеха штамповки...

Домой Николай летел как на крыльях – наконец-то его Наталья перестанет играть каждый вечер на нервах, и дочке можно будет обновки купить, она уже взросленькая. Купил торт и ещё кой-какие вкусняшки к чаю, чтобы отметить своё назначение.

Дома его встретила подозрительная тишина. Не звучали ни телевизор, ни радио, не шкворчало на кухне и не слышны были голоса...

– Есть кто дома? Встречайте отца семейства! – бодро прокричал Николай, но никто ему не ответил. Осмотрев свои немудрящие апартаменты, Николай вдруг заметил, что дверцы шкафов распахнуты, а вещей в них осталось – пара его рубашек да выходной костюм. В кухне на столе он обнаружил записку: «Коля, не ищи нас со Светой. Я уйду, мне надоело жить с неудачником. Прости, но я так больше не могу. Мне встретился мужчина, которого я люблю, и уйду к нему. Света со мной. Квартиру оставляю тебе. Наталья».

«Как же так? Не поговорив, не объяснившись? И потом – Света уже большая, как она будет привыкать к новому папе? И привыкнет ли вообще? Разве можно так – без него решить даже вопрос о ребёнке?» – мысли вертелись в голове Николая тревожным роением...

Торт кушал бесчувственным ртом. Один. Запивая горячим чаем с рюмкой водки. Спать лёг рано, чтобы поскорее забыться и отдохнуть от этого сумасшедшего дня.

На выходные решил съездить в Михайловку. Так у него было всегда: если трудно в жизни – ехать на родину, туда, где мысли всегда приходят в порядок, а решение проблемы не кажется уже таким несуществимым.

... Ранним утром в субботу проводница поезда тронула Николая за ногу – «Михайловка, парень! Вставай!». На сей раз идти до дома ему пришлось в одиночестве. Озирая привычные с детства окрестности, он вспомнил, как шагали здесь вместе с Настей пару лет назад: «Вот бы её встретить. Интересно, как она сейчас поживает?» - размышлял Николай.

Приближаясь к дому, он с удивлением обнаружил, что ставни на окнах открыты, стёкла блестели чистотой, а в ограде было прибрано, как в доме. В куче с песком барахтался малыш, ковыряясь жёлтенькой лопаточкой и что-то бормоча себе под нос. Увидев Николая, мальчик встрепенулся, как воробышек, и насторожённо посмотрел в сторону незнакомого дяди. И тут на крыльцо вышла Настя, повзрослевшая и похорошевшая. На ней было цветастое синее с белым ситцевое платье, а волосы подвязаны широкой голубой лентой.

– Николай, ты? Всё-таки приехал! Я так тебя ждала!

Смущённый Николай поздоровался и спросил нарочито строгим голосом:

– А я думаю, что это за самовольные квартиранты у меня появились!

– Я как Колю родила, так сюда жить переехала, чтобы родня не корила, что я нагуляла без мужа. Ты уж прости, что без спросу!

– Да ладно тебе! Ведь не чужие мы люди!.. А меня жена бросила, и дочку забрала – надоело ей жить с неудачником, видите ли...

– Ну, какой же ты у нас неудачник! Ещё какой удачник! Пойдём в дом, поговорим, как люди. Чаю попьем с мёдом... Вот, знакомься - Николай Николаич, в честь тебя назвала!

– Так это мой сын? – у Николая от волнения перехватило дыхание.

– Твой, чей же ещё! Помнишь наш вечер на сеновале? Вот оттуда мой самый дорогой подарок!..

Николай подхватил мальчугана на руки и приобнял Настю:

– Дорогие вы мои, хорошие!

Огурец

Детство моё прошло в деревне, состоявшей из двух неодинаковых частей. Одна – древняя, населённая по большей части семейскими, ими и основанная. А вторая, совсем молодая, прилепившаяся к основной, была участком леспромхоза, который в шестидесятые годы имел свои филиалы во многих населённых пунктах района, окружённых вековой тайгой, лесов в которой хватило на несколько десятков лет безудержной, технически оснащённой вырубке.

Жители двух частей одной деревни отличались друг от друга разительно – настолько не похожи были ни их образ жизни, ни взгляды на самые обыкновенные вещи, ни манера одеваться и говорить. Казалось, живут два разных народа. Впрочем, отчасти так оно и было.

Дело в том, что на лесоучастке, в отличие от сплошь семейской деревни, жили «дети разных народов» – здесь были литовцы, азербайджанцы, украинцы, белорусы, татары, казахи, буряты и, конечно, русские. Этот интернационал по роду деятельности и образу жизни был пролетарским: люди приезжали и уезжали целыми семьями, жили в домах и квартирах, предоставленных предприятием, особо не держались за эту землю и без сожаления расставались с ней. К тому же многие из них были ссыльные. Собственно, и просуществовал участок леспромхоза около полувека, и к началу девяностых почти полностью развалился, здесь остались доживать свой век только несколько семей.

Семейские жили в собственных домах, к которым прилегали огромные по тем временам усадьбы с покосами, огородами, банями, колодцами, стаками и загонами для скота, амбарами, где хранились запасы-припасы и разная старинная рухлядь. В домах, даже в годы самого воинственного атеизма, оставались в переднем углу иконы, хотя одно время по домам ходили агитаторы и депутаты сельсовета и требовали убрать эти свидетельства отсталости и сопротивления прогрессу. Никакие доводы, что Гагарин летал в космос и не видел там Бога, не могли переубедить упрямых старообрядцев, которые и при старом, царском режиме не были в чести у власти.

Особенно заметна была разница между семейским и, условно говоря, советским селом во время праздников, самым массовым из которых, как ни странно, была в те годы Пасха.

Семейские бабы в эти дни надевали свои лучшие сарафаны, которые отличались особенной пестротой и яркостью, надевали янтарные бусы в два-три ряда (они передавались из поколения в поколение), на голове – кичка, на ногах – мягкие сафьяновые сапожки или ичиги.

Женщины пролетарские, независимо от национальности, форсировали на праздники в платьях из панбархата или крепдешина, плюшевых жакетках и платках всевозможных расцветок.

Любопытно, что в рабочие будни форма одежды тех и других была почти одинаковая – ватные телогрейки с большими чёрными пуговицами во всю длину запаха и простенькими косынками либо шерстяными платками.

Семейские были рачительными, прижимистыми хозяевами, за многие годы гонений привыкшими хитрить и экономить, и никогда не переставали торговать. Продавали всё, что давало им домашнее хозяйство: молоко, мясо, яйца, шерсть, зерно, овощи, высушенную и молотую черёмуху и многое другое.

В магазинах в те времена было негусто, а у семейских можно было купить практически все продукты, даже омуль и другую рыбу, что они привозили от родственников с берегов Байкала.

Пролетарии относились к соседям не без зависти, но с некоторым пренебрежением, называя семейских куркулями и единоличниками. Надо сказать, что во времена всеобщей коллективизации клеймо единоличника была самым неприятным и распространённым ругательством на селе. В общем, старинная деревня и, условно говоря, пролетарский город были почти полными антиподами. Тем не менее, мирное сосуществование их приносило обоюдную пользу.

Был у нас на лесоучастке, рядом с продуктовым магазином, небольшой «базар» – двухметровый прилавок с навесом над ним. Там и происходил обмен леспромхозовских длинных рублей на продукты семейского полунатурального хозяйства.

Чаще других на этом базаре появлялся со своим товаром Кондратий Калмынин. Наверное, потому что дом его стоял на самом краю деревни, как раз на границе с леспромхозовским участком. Летом дети пролетариата очень досаждали ему своими набегами на огород и ягодные кустарники. По осени ему приходилось с дробовиком охранять свои урожаи ранеток, черёмухи и облепихи от нахрапистых любителей поживиться за чужой счёт.

Усадьба Кондрата доходила до самой реки, так что изгородь стояла у самой воды – получалось, что небольшой участок реки был им как бы приватизирован. Приближаться к усадьбе Кондрата было опасно – того и гляди, схлопочешь заряд соли в мягкое место.

В прежние годы с оружием и его применением не было такой строгости, как сейчас. Помню, мой младший брат Алексей в свои четырнадцать лет пристрастившийся к охоте, преспокойно купил в районном универмаге ружьё – «мелкашку» 32-го калибра и патроны к нему, не предъявляя при этом никаких документов...

В начале зимы Кондрат на «своём» участке реки делал прорубь, куда спускал до весны одну-две здоровенных бочки солёных огурцов, которые всю зиму сохраняли в холодной проточной воде свои первоначальные свойства. Весной Кондрат доставал эти бочки из проруби и торговал своими знаменитыми огурцами на нашем пролетарском базаре – его овощ обычно шёл нарасхват.

В один из мартовских дней я от нечего делать слонялся по улице – шли весенние каникулы, я учился тогда во втором или третьем классе. Мне несказанно повезло: на дороге нашёл трёхкопеечную монету! Эх, ещё бы две копейки – можно было бы вечером сходить в кино. Но трояк – тоже хорошо. Я направился на базар, где стояли аж две телеги.

Одна – старьёвщика, который уже раскрыл свой сундучок с разными красивостями вроде разноцветных воздушных шариков, разных бус и заколок, дешёвых колечек, мелких игрушек и каких-то диковинных сувениров, разложенных по ящичкам на крышке и на дне сундучка. Сказочное богатство это старьёвщик обменивал на ржавые консервные банки, старые кости животных, битое стекло, разное тряпье и макулатуру.

Вторая телега была с небольшим бочонком, возле которого стоял Кондрат и предлагал свои огурцы по пять копеек за штуку. Покрутившись возле старьёвщика и, сожалея, что у меня нет так необходимого ему барахла, я стал приглядываться к аппетитно зеленевшим огурцам в бочонке Кондрата. Достав из кармана свою трёхкопеечную монетку, я протянул её Кондрату. Он затряс своей чёрной и длинной бородой с проседью:

– Нет, малец, огурцы у меня по пять копеек, а у тебя только три! Больше нет денег?

Я отрицательно покачал головой и с надеждой посмотрел на бочонок:

– А, может, у вас есть поменьше, за три копейки?

– Нет, у меня огурцы все как на подбор, любо-дорого посмотреть!.. Иди, попроси у мамки, может, она тебе даст ещё две копейки?..

Я удручённо покачал головой: нет у мамы денег, и эти она мне не давала, я нашёл их.

Кондрат побряхтел немного и сказал:

– Ладно, попробую тебе найти огурец поменьше...

Он засучил рукав рубашки, накинув тулуп на плечи, и стал искать в бочонке трёхкопеечный огурец, но всё, как назло, попадались пятикопеечные, слишком большие. А торговать себе в убыток Кондрат явно не хотел.

Наконец, лицо его засияло от удовольствия – он таки обнаружил подходящий огурец, правда, тот был значительно меньше своих собратьев. Зато, наконец, Кондрат мог себе позволить порадовать мальчугана и сделать доброе дело:

– Давай свои три копейки, держи огурец, – сказал Кондрат, сияя, как медный таз, лицо его покраснелось от удовольствия.

Я взял огурец, который приятно хрустнул на зубах и обдал язык ароматным рассолом и терпким вкусом настоящего домашнего деликатеса. Ничего вкуснее я, наверное, не едал, и вряд ли уже теперь придётся.

Но через минуту от огурца осталось только лёгкое послевкусие, в кармане не было уже моего трёхкопеечного богатства, и разом стало грустно: может, лучше было бы достать ещё пару копеек и сходить вечером в кино?! Поздно. Огурец съеден. Может, попробовать поискать где-нибудь стеклянные бутылки или банки и сдать их магазин, там тоже за них дают деньги? Или насобирать чего-нибудь старьёвщику, пока он не уехал? Хотя точно уедет, пока найдёшь барахло для обмена. Я оглянулся на Кондрата – у него уже покупали огурцы несколько счастливчиков, у которых были пять или больше копеек, и он щедро нахваливал свой товар.

Разгребая памяти золу...

Разгребая памяти золу,
натыкаюсь на обломки мыслей,
на обломки чувств, что были жизнью,
на любви и ненависти мглу.

Всё, что было, всё, чем дорожил,
безвозвратно вдаль уносит время.
Как мне ненавистно это бремя,
но и люблю: я ведь тоже жил.

И меня тревожили рассветы,
чаровали губы и глаза.
И бывали глупая слеза
и на ласки бурные ответы...

От раскидистого древа из годов,
из недель, из дней и из минут
отлетают листья прожитых секунд –
всё, чему я верить был готов.

И сгорают листья и гниют,
и зола не помнит, что в них было,
и над прахом этим без могилы
лишь дожди бездушные поют.

Разгребая прах прошедших лет,
я уже не верю в безмятежность,
как не верю в доброту и нежность
и любви неугасимый свет.

Над безумьем плачу я своим,
Поражаясь наглой неизбежности,
и к её предвечной неизвестности
припаду, так беззащитен и раним...

2016

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

*Спасская церковь в с.Турунтаево, Бурятия. 1791-1818.
Рисунок А.З.Козина.*

В этом разделе – легенды и сказания
о местных достопримечательностях
Прибайкальского района Бурятии

Байкал – восьмое чудо света

Несмотря на то, что самому глубокому в мире озеру уже 25 миллионов лет, Байкал постоянно удивляет нас всё новыми и новыми тайнами, загадками и феноменами.

Совсем недавно, как только был начат постоянный мониторинг байкальской территории из космоса, в прессе появились сообщения о загадочных огромных кругах на байкальском льду. Их практически невозможно увидеть с берега, даже с самой высокой горы, ни с самолёта, и только из космоса они отчётливо видны, и с каждым годом их становится больше.

Другой современный феномен – обилие загадочных неопознанных летающих объектов над Байкалом – светящихся шаров, бесшумно и стремительно передвигающихся над озером.

Ранее несколько исследователей сообщали о присутствии в озере каких-то непонятных пловцов трёхметрового роста и живого существа огромных размеров, внезапно напугавшего водолазов.

Недавняя экспедиция «Миров» на Байкале также обнаружила много интересного и необычного. Кстати, база экспедиции находилась в нашем районе, в акватории близ поселка Турка. Отсюда в течение двух лет подряд уходили в байкальские воды глубоководные аппараты «Мир», среди прочего обнаружившие непонятное свечение со дна озера, новые организмы в толще ила, подводные течения и даже нефть, сочащуюся из придонных трещин. При этом Байкал не замедлил проявить свой нрав. В августе 2008 г., когда «Миры» начали глубоководные погружения, на Байкале произошло сильное землетрясение мощностью до 9 баллов.

Вместе с учёными и инженерами в глубоководных погружениях «Миров» участвовали в 2008-2010 гг. несколько раз именитые «туристы» - президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж, глава правительства России В.Путин, американский кинорежиссёр Дж. Кэмерон.

Говорят, что «Миры» обнаружили также следы разыскиваемого уже почти сто лет самого богатого клада Российской империи – «золота Колчака», укрытого в байкальских глубинах во время быстрого наступ-

ления большевистских войск. Ещё одна историческая легенда – что самый великий военачальник всех времен и народов Чингисхан похоронен на берегах Байкала, только доподлинно не известно, где именно, а потому версий очень много...

Но всё-таки не эти загадки и феномены сделали Байкал таким притягательным для всего мира. Байкал недаром называют «колодцем планеты». Это самое глубокое озеро на Земле; в Байкале сосредоточено около 20-25 процентов пресной воды. Более трёхсот рек питают Байкал, и только одна Ангара вытекает из него, обеспечивая своеобразный «дренаж» экосистемы озера. Байкальская вода по составу близка к дистиллированной.

Многие животные, растения и рыбы – эндемики, то есть не встречаются более нигде в мире. Байкал считается самым чистым озером планеты. Вода в нём настолько прозрачна, что на некоторых участках дно просматривается даже на 40-метровой глубине!

Вода в Байкале очень холодная и даже в разгар лета не прогревается выше 9-10 градусов. Правда, в мелководных заливах температура воды может достигать и 20 градусов. Зато на Байкале много целебных источников, в том числе горячих.

В озере и на берегах обитают более 3600 представителей флоры и фауны, примерно 70% которых больше нигде не встречаются. В Байкале водятся одни из самых древних животных планеты – губки.

А ещё в его водах обитает знаменитый байкальский осётр, достигающий размера в полтора метра и веса более 100 кг.

В 1996 году Байкал был внесён в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Путешествующие в этих местах обязательно «бурханят» - соблюдают древний бурятский обычай, оставляя угощения и подарки духам местности, повязывая на священных деревьях ленты, бросая на «бурхане» монетки на счастье и в надежде, что путешествие будет без проблем и оставит приятные и неизгладимые впечатления. Тем, кто чтит местные обряды, в поездке везёт, так как духи Байкала защищают их на всём пути.

До сих пор не известно точное происхождение слова «Байкал». Но самые распространённые варианты: от тюркского Бай Кюль — Богатое озеро, от монгольского Бай Гал — Богатый огонь, от китайского Бэй Хай — Северное море.

Пётр Первый об итанцинских приказчиках

Если вы когда-нибудь бывали в Прибайкалье и переправлялись татуровским паромом на правый берег, то сразу же за переправой имели возможность видеть село Острог. Названо оно так потому, что здесь в 1679 г. на месте небольшого зимовья был построен Итанцинский острог, как одно из первых укреплений русских землепроходцев во времена колонизации края.

Итанцинский острог ведал сбором ясака, выполнял административные функции, сюда представители бурятских родов были обязаны платить дань в государеву казну. По сообщению Г.Ф. Миллера, Итанцинскому острогу ясак платили 11 бурятских родов численностью 1751 человек. Отсутствие удобных путей сообщения со столицей России, удалённость региона и обширность сибирской территории затрудняли руководство из центра, что делало во многих случаях местных воевод порой не только самостоятельными, но и своевольными – они злоупотребляли своими полномочиями, творили беззакония. В 1703 г. делегация 11 родов хори-бурят во главе с Баданом Туракиным направилась к Белому царю с просьбой защитить их от притеснителей и насильников.

При этом в челобитной царю бурятское посольство указывало, что подъясачные инородцы «во вся годы платили исправно дань в государеву казну» и вместе с русскими казаками храбро сражались с монгольскими и маньчжурскими завоевателями, совершавшими набеги на территорию Забайкалья.

Пётр Великий был не только строг, но и справедлив. 22 марта 1703 г. указом Петра I хоринские буряты выведены из подчинения Итанцинскому острогу и переданы в ведение Еравнинского острога. В конце петровского Указа – требование к иркутским и нерчинским начальникам: «в Итанцинский острог прислать из Нерчинска людей добрых, которые бы их, братских иноземцев, от всяких обид оберегали», «а буде те прикащики учнут тем иноземцам или русским людям чинить обиды и разорения», «тех прикащиков, наказав жестоко, от приказов отставлять»... *К концу XVIII в. острог пришёл в запустение, поскольку его жители переселились вверх по р. Итанца. Позднее Итанцинский острог иногда назывался Острожным селением, а к началу XX в. стал называться селом Острог (Острожное).*

Удивительная судьба князя Оболенского

В феврале 1978 г. бывшая улица Колхозная в селе Турунтаево была переименована в улицу им. Оболенского в память о пребывании здесь декабриста в 1839-1841 гг. На перекрёстке улиц Ленина и Оболенского, рядом со Спасской церковью, в 2007 году учениками Турунтаевской гимназии была установлена мемориальная доска в честь декабриста. Собственно, Спасская церковь – единственное строение в селе Турунтаево, которое видело князя Евгения Оболенского, государственного преступника и раскаявшегося впоследствии законопослушного подданного Его Величества.

Оболенский – один из создателей Северного общества, взявший на себя роль руководителя восстания вместо струсившего в последний момент Сергея Трубецкого. Это Евгений Оболенский ранил во время восстания генерала Милорадовича, героя Отечественной войны 1812 года, а поручик Каховский добил генерала правительственных войск смертельным ударом. Каховский был позднее повешен в числе пяти главных заговорщиков, а Оболенский оказался вместе с Трубецким, Муравьёвым-Апостолом, Вадковским, Кюхельбекером, Якубовичем и другими декабристами приговорен к смертной казни отсечением головы. Но указом царя Николая I этой группе заговорщиков была дарована жизнь, и они были лишены чинов и дворянства, сосланы на вечное поселение и каторгу в Сибирь. Закованный в кандалы, Оболенский был отправлен сначала на солеваренный завод близ Иркутска, потом в Нерчинск, оттуда в Читу и, наконец, в Петровск-Забайкальский. В 1839 г. Оболенский был перечислен в ссыльнопоселенцы и водворён в с. Итанца (Турунтаево) Верхнеудинского уезда Иркутской губернии, позже добился перевода в Туринск, а ещё через год – в Ялуторовск Тобольской губернии.

В Ялуторовске бывший князь женился на вольноотпущенной крестьянке Варваре Самсоновне Барановой, с которой прожил 19 лет, до самой своей кончины. Варвара родила ему 9 детей. В 1856 г., по манифесту Александра II об амнистии, Оболенский вернулся в Россию, и ему были возвращены права. Жил с женой и детьми в Калуге, где и умер.

Будучи в Прибайкалье, Оболенский поддерживал почтовую связь со своими сёстрами и братьями. От брата Константина Евгений Пет-

рович выписывал себе в Турунтаево "Библиотеку для чтения", "Московские ведомости" и "Русский инвалид". В письмах И. Пущину того периода Оболенский оставил описание своей жизни в Турунтаево. Сегодня восстановленная Турунтаевская Спасская церковь выглядит, по крайней мере, снаружи, практически так же, как и во времена, когда сюда хаживал Оболенский, который в годы ссылки стал довольно набожным и много философствовал на религиозные темы.

Ещё один декабрист – Иван Шимков – отбывал ссылку в прибайкальском селе Батурино, он также собирался жениться на простой крестьянке, но умер до свадьбы, оставив всё своё имущество невесте. Похоронен Шимков в с. Батурино, в ограде Сретенского монастыря. По преданию, княгиня Волконская привезла чугунное надгробие на могилу Шимкова с надписью «Претерпевший до конца той спасен будет».

Бабушка русской революции в Турунтаево

Ещё одна незаурядная историческая личность, судьба которой связана с Прибайкальем, – Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская – «бабушка русской революции». Она сыграла заметную роль в развитии революционной ситуации в России, была одним из основателей партии эсеров.

Жизнь Екатерины Константиновны окружена легендами, начиная с той, что её отец, отставной поручик, якобы считался прототипом Германа в «Пиковой Даме». Работала она в народной школе; но, едва родив сына (он станет потом плодовитым романистом Н.Н.Брешко-Брешковским), оставила семью и под именем солдатки Фёклы Косой подалась «в народ». Эти хождения закончились в 1874 году каторгой. Приговорена она была к году каторжных работ и пяти годам ссылки в Сибири, но уже летом 1880-го пыталась бежать. За это власти приговорили Брешко-Брешковскую к четырём годам каторги и телесному наказанию, которое применить не решились. Из-за нескольких попыток к бегству ссылка Екатерины продлилась в итоге 18 лет.

В 1879 отправлена на поселение в Читканскую волость в Баргузин. Весной 1881 совершила побег, но была схвачена полицией. В 1884 переведена в селение Турунтаевское Селенгинского округа. В Турунтаево Е.К. Брешко-Брешковская пробыла около года. В ссылке Екате-

рина Константиновна легко находила общий язык с местными жителями, поскольку была не только внешне привлекательна, но и очень общительна, умела лечить, могла дать совет по хозяйству, учила грамоте, ухаживала за малышами и больными. По некоторым данным, в Турунтаеве она встретила соратников по эсеровской партии, также приговорённых к ссылке, – П.И. Торгашева и Елену Левинсон.

Свободу Брешко-Брешковской вернула Февральская революция 1917 года. Возвращение Екатерины Константиновны в Петербург было триумфальным: революционные власти выделили ей специальный вагон – во всех городах, через которые она проезжала, её бурно приветствовали, а на вокзале в столице её встречал председатель Временного правительства Керенский. В июне 1917 в России вышел даже игровой фильм о судьбе известной политкаторжанки, что говорит о её популярности в народе.

Но после 1917 на родине её имя было освистано большевиками и предано забвению на долгие годы, а если и упоминали в Советской России, то называли уже не «бабушкой русской революции», а «матерью русской контрреволюции», как писал о ней «иудушка» Троцкий. В 1920 г. она поселилась в Чехии, переехала в Подкарпатскую Русь. 26 января 1934 г. она отметила свое 90-летие. Скончалась в сентябре того же года.

"Её общественная биография, – написал А.Ф. Керенский в некрологе, – это история революционного движения за три четверти века... Без неё не может уже обойтись сама история, ибо без Бабушки духовно ущерблённой оказалась бы современная Россия".

Свадебный переполох

Среди легенд, которые ходят в народе, есть любопытная история, связанная с именем самого известного губернатора Восточной Сибири. В книге Л. Элиасова «Байкальские предания», изданной в Улан-Удэ в 1966 г., приводятся воспоминания Артемия Ёлшина, жителя села Душелан Баргузинского района, о так называемом «свадебном переполохе» в забайкальских сёлах в конце XIX века, во времена иркутского наместника Муравьёва.

«Год великого переполоха я хорошо помню, мне тогда лет 18 было, в то время в Иркутске губернатором Муравьёв сидел. Как он туда приехал, тут везде слух прошёл, что он хочет женить всех своих сол-

дат, а потом всех их на Амур для житья отправить. Солдат у него было много, и стал он их посылать везде, чтобы они себе баб взяли. Вот и начался тут у нас переполох. Давай все свадьбы играть, чтобы с девушками своими не расставаться. Слух этот от наших бурят пошёл. Сначала они свадьбу за свадьбой играли. Потом увидели, что бурятские девки все замуж выйдут и их не хватит, тогда солдаты за русских возьмутся, и давай русские своих девок замуж выдавать. Бывало, за один день тут у нас по несколько свадеб справляли. С тех пор тут столько свадеб не было, видать, нужда прошла».

Муравьёв-Амурский управлял Восточной Сибирью около 14 лет. За это время успел заслужить любовь простого народа. Деятельность его затронула все народы Восточной Сибири. В бурятских улусах стали преподавать русский язык, что дало возможность получать качественное образование. Первый бурятский ученый Доржи Банзаров начал свою карьеру в администрации генерал-губернатора.

Чудотворный образ с Котокеля

В книге, изданной в Санкт-Петербурге в 1899 году под заглавием «Житие и чудеса Святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России», есть специальная глава, которая посвящена почитанию среди инородцев Святителя Николая Мирликийского и его роли в распространении православия среди местного населения. Рассказывается о глубоком благоговении инородцев к Святителю, которого они называли «Саган-Убкугун», то есть «белый (седой) старик», или по-русски, но на свой лад — «бадюша Михола».

В Прибайкальском крае в прошлом веке было распространено чествование чудотворной иконы «Котокельский образ Святителя Николая». Образ был резной, из дерева, и являлся святыней Троицкого Селенгинского монастыря. Ни один православный сибиряк ранее не решился бы перед началом и после окончания плавания по Байкалу пройти или проехать мимо обители и не поклониться чудотворному образу Святителя Николая, который почитался лучшим защитником и помощником на воде. При этом, как свидетельствовал современник: «Буряты, как соседние, так и дальние, не уступают русским в горячности своей веры».

Раньше, до революции, был обычай обносить чудотворный образ по Забайкалью, вплоть до границы с Монголией. В той же книге рассказывается, как буряты «приглашают чудотворный образ в свои улусы, усердно готовятся к его принятию, метут свои юрты, моют нары, и при принятии его помещают в особое, отведённое для него почётное место, ставят перед ним свечи, кланяются и молятся перед ним, называя Святителя «батюша Михола». Причём, это делали как крещёные, так и некрещёные буряты буддийской и шаманской веры. Святитель «изображается у бурят созерцающим пустынноиком, но не со сложенными под собою ногами, как изображаются будды, а в одеянии с широкими рукавами и с посохом странника. Около него под пальмовым деревом мирно пасутся звери и птицы».

В 1918 году монастырские угодья были национализированы. После революции чудотворный образ ещё был в Свято-Троицкой обители. Монастырь был закрыт в 1921 году.

Неизвестно, какая судьба постигла чудотворный образ святителя Николая. Икона могла «уйти» вместе с белогвардейцами в Маньчжурию, либо оказаться укрытой в России – от Читы (где был центр епархии) до Иркутска (в музеи которого собирали экспонаты из многих закрываемых культовых учреждений). Возможно, что чудотворную икону решили сохранить, где её обрели – на о. Монастырском, либо в Баргузине, либо в Троицке. Как бы там ни было, а документальных свидетельств об уничтожении чудотворного образа нет, а это вселяет надежду, что возможно второе обретение иконы Святителя Николая.

Прибайкальские «маньчжуры»

В годы Гражданской войны территория Прибайкалья была ареной многих исторических событий, из которых особенно коснулось местных жителей создание так называемого «буферного государства» – Дальневосточной республики.

В период ДВР западная её граница проходила с юга на север по реке Селенга до Татаурово-Верхнеудинска. Верхнеудинск (нынешний Улан-Удэ) был некоторое время столицей ДВР. В Татаурове была таможня – здесь кончались владения РСФСР. На север от Татаурово граница шла по Баргузинскому тракту, и сёла, расположенные вдоль него, вошли в РСФСР. Но некоторые сёла, расположенные в стороне

от Баргузинского тракта (Бурдуково, Ангыр, Соболиха и Охотино), оказались за границей, в ДВР. Именно тогда жителей этих сёл РСФСР-ские соседи стали шутливо называть «маньчжурами». 15 ноября 1920 года ДВР снова вошла в состав РСФСР, что было закреплено декретом ВЦИК. Села Охотино уже нет, Соболиха и Бурдуково находятся вдали от шумного тракта, а вот жителей села Ангыр ближние соседи из Батурино, Зырянска так и называют «маньчжурами».

На станции «Муравьёв-Амурский» (ныне ст. Лазо) были заживо сожжены захваченные японцами и переданные ими для расправы белогвардейцам руководители партизанской борьбы на Дальнем Востоке С. Лазо, Луцкий, Сибирцев. Герой Гражданской войны революционер Сергей Лазо (уроженец Молдавии) был очень популярен среди большевиков и части местного населения. Поэтому и сейчас его имя носят улицы прибайкальских сёл Таловка, Турунтаево и других.

История ссылки родителей Ф. Гладкова

Летом 1980 года Прибайкалье посетила Светлана Васильевна Гладкова, внучка писателя Федора Гладкова, считавшегося классиком советской литературы. Его роман «Цемент» входил в обязательную школьную программу наряду с такими произведениями, как «Мать» М. Горького и «Как закалялась сталь» Н.Островского. Светлана Гладкова в то время жила в Москве и работала редактором «Роман-Газеты». Она собирала материалы для книги о жизни и творчестве деда и побывала в Читинской области (где он работал учителем) и в Бурятии, чтобы установить малоизвестные факты биографии Ф. Гладкова. В сибирской ссылке были на поселении его родители, и не где-нибудь, а в Прибайкалье, в селе Кома.

Ф. Гладков ещё до революции дружил с революционером Забайкалья Иваном Афанасьевичем Бутиным (1886-1919), который был первым председателем Забайкальского облисполкома в Чите и погиб от рук семёновцев. В начале лета 1908 года Ф. Гладков вместе с И. Бутиным побывал в с. Кома на похоронах своих родителей, которые здесь отбывали ссылку и были убиты при невыясненных обстоятельствах.

В Государственном архиве Республики Бурятия есть любопытная запись в метрической книге Турунтаевской Спасской церкви за 1908

год. В ней говорится, что ссыльные из крестьян Василий Фомич Гладков 47 лет и его жена Анастасия Михайловна убиты 28 апреля и «погребены без напутствия» на Коменском кладбище 29 мая 1908 года священником Григорием Грозовым, дьяконом Василием Демидовым и псаломщиком Алексеем Поповым на основании чтения мирового судьи 22 уч. Читинского окружного суда от 28 мая с.г. № 86». (То есть, в течение целого месяца не были погребены?).

Василий Фомич и Анастасия Михайловна в 1901 году были осуждены на каторжные работы и отправлены в Забайкалье, в глухое село Уйдинское. Чтобы облегчить судьбу родителей и из чувства солидарности, сын, ещё совсем юноша, едет в Сибирь следом за родителями и учительствует в том же селе, а затем в забайкальском селе Кокуе.

Гладковы одно время жили в бывшей купеческой лавке по центральной улице, где много позже, в 1970-80-х годах, размещался магазин Прибайкальского райпо. О том, где именно похоронены убитые Гладковы, мнения среди старожилов были разные. На кладбище под названием Аргалей давний лесной пожар уничтожил все деревянные кресты, и найти могилу Гладковых там не удалось. Некоторые старожилы утверждали, что похоронены Гладковы были на окраине села Острог, но это старинное кладбище большей частью было уничтожено в 70-х годах XX века при строительстве автодороги.

Одной из улиц села Кома в 80-х годах решением исполкома сельсовета присвоено имя Фёдора Гладкова. Она расположена рядом с улицей имени другого писателя – нашего земляка Исаея Калашникова, автора известного во всём мире романа «Жестокий век».

Спасибо за помощь в издании книги!

Директор Прибайкальской централизованной библиотечной системы
Лариса Михайловна Симонова

Преподаватель Турунтаевской детской школы искусств
Елена Семёновна Леонова

Об авторе

Александр Козин-Итыгилов родился в 1951. По материнской линии автор происходит из уважаемого в Бурятии рода Итыгиловых.

В 1976 окончил Иркутский госуниверситет. Был преподавателем немецкого языка, русского языка и литературы. Работал в районных и республиканских газетах.

В 2004 окончил ускоренный курс Восточно-Сибирского государственного технологического университета по специальности «Системный администратор-программист». В течение 10 лет был системным администратором и программистом Интернет-центра районной библиотеки. Создал несколько видеофильмов о Прибайкалье, ряд CD/DVD для туристов и гостей Прибайкалья. Им создан также краеведческий сайт az-kozin.narod.ru, который имеет обширную аудиторию уже 17 лет.

Опубликовал несколько краеведческих книг – «Сага о Прибайкалье», «Топонимика Прибайкалья», «Турунтаево вчера, сегодня, завтра», «Прибайкалье. Книга очерков в трёх частях», а также сборник рассказов «Нефритовый всадник» и сборник стихов «Суд юродивых», несколько других изданий, в том числе «В начале было Слово» (о фразеологии Библии).

Внёс свой вклад в исследование истории Верхнеудинска (Улан-Удэ), опубликовав в сборнике «Верхнеудинск: вехи истории» статью «Верхнеудинская ярмарка как фактор развития Западного Забайкалья в XVIII-XIX вв.». Статьи А.З.Козина публиковались в научных журналах в Москве, Ижевске, Улан-Удэ, Иркутске. Редактировал ряд книг в издательстве «Байкал-Гео» (г. Улан-Удэ). В течение 14 лет издаёт «Прибайкальский краеведческий альманах».

Рассказы автора публиковались в журналах «Сибирь», «Байкал» и «Байкал-Гео». Произведения опубликованы в сборниках «Наследие»-2017, «Наследие»-2019 (издание Российского союза писателей и Российского Императорского Дома), «Русь моя», «Сборник прозы», «Писатель года-2016», «Писатель года-2017» (Москва, Российский союз писателей) и др.

Награждён Почётными грамотами Министерства культуры России, Союза журналистов РФ, Министерства культуры Бурятии, юбилейной медалью в честь 350-летия присоединения Бурятии к Российскому государству.

Содержание

Гнездо кукушонка. <i>Повесть</i>	5
Нефритовый всадник. <i>Повесть</i>	45
Уикенд на сеновале и другие рассказы	59
Красная купель	61
Последний солдат	65
Лисапед	71
Как Гагарин помирил меня с Федькой	78
Колодец	82
Инвентарная Галя	87
Варежки	93
Соседки	97
Уикенд на сеновале	101
Огурец	108
Разгребая памяти золу... <i>Стихи</i>	112
Статьи и очерки	113
Байкал – восьмое чудо света	115
Пётр Первый об итанцинских приказчиках	117
Удивительная судьба князя Оболенского	118
«Бабушка русской революции» в Турунтаеве	119
Свадебный переполох	120
Чудотворный образ с Котокеля	121
Прибайкальские «маньчжуры»	122
История ссылки родителей Ф.Гладкова	123
Спонсоры издания	125
Об авторе	126

Литературно-художественное издание

16+

Козин-Итыгилов Александр Захарович

Уикенд на Сеновале

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

В авторской редакции

ООО «Эдитус»,
125565, г. Москва, Ленинградское ш., д. 80, стр.1
8 (800) 775-30-87
www.editus.ru

Отпечатано в типографии ООО Фирма «П-Центр»
129515, г. Москва, ул. Академика Королёва, 13

Подписано в печать 27.05.21
Формат 148х210. Усл. печ. л. 16
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 51 экз. Заказ № 202104288

ISBN 978-5-00149-626-7

Произведения автора представляют собой как бы художественную фотографию недавнего прошлого и сегодняшней жизни нашего общества. В центре внимания — морально-нравственные проблемы, осмысление роли человека на земле и Любви, как основы бытия. Издание дополнено местными легендами о Байкале, об интересных исторических фактах.

ISBN 978-5-00149-626-7

